

18+

КЛИМОВ АНТОН

**Костяной
лучник**

Охотник на воров

АНТОН КЛИМОВ

**Костяной лучник.
Охотник на воров**

«Издательские решения»

Климов А.

Костяной лучник. Охотник на воров / А. Климов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-624329-3

Ворги изгнали людей с обжитой земли, нападая по ночам на поселения. Даже армия не способна противостоять им — в ночи звери непобедимы, а днем неуловимы. Экспедиция отправленная для поиска места появления этих существ, находясь на краю гибели, спасается в поселении охотников, которые за века жизни в древнем лесу, сами научились охотиться на ночных убийц. И теперь лучший охотник на воров должен вывести остатки экспедиции назад к цивилизации, чтобы помочь избавить земли от орд зверей-людоедов.

ISBN 978-5-00-624329-3

© Климов А.
© Издательские решения

Содержание

КОСТЯНОЙ ЛУЧНИК. ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	8
ГЛАВА 3	12
ГЛАВА 4	17
ГЛАВА 5	21
ГЛАВА 6	34
ГЛАВА 7	50
ГЛАВА 8	58
ГЛАВА 9	73
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Костяной лучник Охотник на воров

Антон Климов

© Антон Климов, 2024

ISBN 978-5-0062-4329-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КОСТЯНОЙ ЛУЧНИК. ГЛАВА 1

Сквозь чуткий старческий сон до сознания добираются звуки скребущих когтей и тихое рычание, которое издает хищник, зачухавший запах добычи. Тревога смешанная со страхом подбрасывает тело как пружина. Руки сами хватают посох, всегда стоящий рядом с кроватью на одном и том же месте и один из множества маленьких глиняных кувшинчиков, запечатанных воском. И старейшина уверенным шагом выбегает на мостки, стряхивая по дороге остатки сна.

В ночном прохладном воздухе, освещенном лишь тусклым светом костров из толстых поленьев, рассчитанных на долгое горение до самого утра, чувствуется запах дикого зверя. Чутьё никогда не подводило бывшего охотника, а ныне старейшину деревни Волхва Барга. Повернув нос по ветру и всмотревшись в слабоосвещенную темень, он начинает различать силуэт незваного гостя, ползущего в верх по стволу дерева к мосткам у крайней хаты. Похож он на темный сгусток мрака с двумя горящими желтыми точками глаз.

Уже слышны перестукивания охотников и топот ног по мосткам тех, кто успел схватить луки и колчаны со стрелами. Все двигаются умело без лишнего шума, тварь не должна понять по звуку кто где находится и на каком расстоянии – ошибок они не прощают. Наконец воздух с шипением прорезает первая стрела, за ней со всех сторон начинают раздаваться щелчки тетивы, и смертоносные стрелы устремляются к своей добыче.

Расслабившегося было Барга накрывает волна отчаяния – зверь не скулит от ран и не падает на землю, он лишь рыкает от недовольства при попадании стрел. Значит ни одному охотнику не удастся разглядеть в темноте уязвимо места в прочной шкуре проклятой твари и скоро она выберется на мостки, а дальше начнет метаться как молния, убивая одного за другим, нанося смертельные раны неудачливым стрелкам и бросая их на землю, где во мраке всегда готовые к пиршеству ждут сладкого человеческого мяса его сородичи. Да, у него в руке верное средство – маленький хрупкий кувшинчик со смесью отвара из жгучих трав и ядов разнообразных ползающих гадов, который разбившись об ствол дерева заставит своими ядовитыми парами зверюгу спрыгнуть с дерева и убежать, но, ни попасть с такого расстояния, ни добежать через трое перетяжных мостков старику уже не успеть...

В голове как дикие пчелы начинают носиться мысли – скольких же человек придется хоронить когда встанет солнце, не прольется ли слишком много крови, чтобы приманить всю стаю этих тварей, и где, в конце концов, черти носят «филина». Глаза старосты в панике начинают бегать по мосткам, хатам и веткам деревьев, то и дело натываясь на силуэты охотников, безуспешно пытающихся пробить шкуру зверя своими стрелами с широкими наконечниками, как вдруг находят два оранжевых огонька в кроне одного из дубов.

Такой же темный сгусток, только с глазами другого цвета, беззвучно движется с верху вниз, почти от самой макушки дерева где располагается самая маленькая хатка. Тень со светящимися оранжевыми глазами замирает и когда зверь почти добрался до мостков раздается заглушающий все остальные хлесткий щелчок тетивы мощного лука охотника на воров. Свист стрелы разрывает ночной воздух и переходит в полный боли визг раненного зверя. Раненный хищник еще пытается сделать рывок на верх, но смертоносный свист раздается еще раз и, издав жуткий предсмертный вой, тень соскальзывает по стволу на землю, а два желтых уголька его глаз медленно гаснут в ночи.

Со всех сторон слышатся вздохи облегчения, хотя спокойный сон теперь никому не грозит, ведь рычание и звуки рвущихся жил будут доноситься с низу почти до самого рассвета. Члены стаи всегда сжирают своих погибших, это жутковато, но по крайней мере им теперь есть чем заняться, помимо попыток добраться до нас.

Сон старику не шел, хотя стариком называл себя только он сам – против таких стариков мало кто рискнет встать в кулачном бою. Да в его движениях нет былой скорости, но жизнен-

ный опыт в сочетании с тугими жилами обвивающими все его тело и ни грамма жира во всей фигуре бывшего лучшего охотника, делали его похожим на ожившее, переплетенное корнями дерево, которому попасть под руку, означает погибнуть. Он лежал и в состоянии пограничным со сном вяло обкатывал в голове мысль:

– Должен ли нормальный человек привыкнуть к этим звукам, доносящимся с улицы – звукам рвущейся шкуры, обрывающихся сухожилий и рычанию смертоносных хищников? Да привыкнуть настолько, чтобы спокойно засыпать, зная, что им не до тебя, а стража на местах? А если привыкнет, то не превратится ли он в такую же дикую тварь, способную только убивать, жрать и размножаться?

Тем временем шум резко стих, ночные тени растерзав своего соплеменника растаяли в чаще без единого шороха веток или кустов, как и положено лесным хищникам. А еще через пару мгновений небо начало терять одну за другой звезды, плавно светлея и готовясь принять пылающий шар долгожданного всеми солнца. Солнца – которое является главным защитником всех созданий, пытающихся выжить в этом лесном краю, от проклятых воров, которые в противном случае сожрали бы все что шевелиться, ведь более страшного ночного охотника и представить страшно! Слава богам – они почти слепнут при дневном свете, а поэтому вся стая переживает день в своем логове.

ГЛАВА 2

На удивление, хорошо отдохнув за пару часов сна и несколько часов полудремы, старейшина Барг вышел из своей хаты на мостки когда солнце еще не показалось из-за виднокрая. Но мрак уже окончательно отступил из их рощи, даже под кронами массивных дубов великанов не было темени. Сладко потянувшись и несколько раз, с наслаждением, вдохнув прохладно-бодрящий лесной воздух, он направился к ближайшей лестнице с мостков. Дежурившие ночью охотники уже разматывали и опускали веревочные лестницы, и совсем скоро жители деревни будут как деловые муравьи сновать между деревьями, занимаясь каждый своим делом, ведь вставать позже восхода в их деревне не принято – слишком много дел и слишком мало времени до заката...

Спустившись с мостков на землю, Барг осмотрел место ночного пиршества стай воров – следы, обрывки шкуры, разгрызенные обломки костей неудачливого ночного лазутчика. Про себя отметил – проконтролировать, чтобы еще до завтрака ребятня собрала осколки костей и отнесла мастеровым – нечего пропадать ценному материалу.

Между тем деревня оживала, уже суетились у сложенных из обожжённой глины прямо на улице очагов женщины. Дети помогали таскать воду и стаскивать с верхних схронов мясо и сушеные дары леса. Совместный завтрак был старой традицией поселения.

История деревни заслуживает отдельного внимания и тесно связана с созданиями, чей ночной визит будет активно обсуждаться за утренней трапезой всеми членами деревни. Образовалась она много веков назад, на самом краю великой Империи Владык Анкараев, поглотившей, как казалось ее жителям, весь белый свет от края до края. Основали деревушку ушедшие на дальний восточный рубеж охотники и браконьеры, кто в поисках свободы от тяжелых налогов столичных сборщиков дани, а кто то в поисках трофеев диковинных зверей, которыми славились эти древние и неизведанные леса.

Здесь, где дубовые рощи из старых коряжистых гигантов чередовались с лесами из великанских елей, среди непроходимых чащоб, болот и лесных озер, запах человека был незнаком и не пугал зверье. Поэтому охота была знатная, хоть и связанная с большим риском, так как местная живность отличалась изрядной силушкой и своими размерами внушала трепет даже опытным охотникам. Конечно, подобраться на расстояния выстрела из лука к здоровенному секачу мог любой охотник, но вот иметь мужество выпустить в него стрелу, зная, что не каждый лук пробьет шкуру здоровенного вепря, а может только разозлить его. Что уж говорить про полноправных хозяев леса – медведей, которые по размеру в холке больше походили на коней... Нападать на них с рогатинами, как это делали столичные охотники, было чистым самоубийством – шкуру их рогатиной было не просадить, да и ломалась она как спичка, а здоровенный кол с собой не потаскаешь. Вот и подбирались сюда народ опытный, да и не обделенный ни ростом, ни силушкой молодецкой, да изворотливостью, а главное лихой настолько, что разбойники по сравнению с ними – трусливая шпана.

Последние, кстати, в эти края никогда не забредали – ссориться с охотниками, которые могут сутками бежать по следу как гончие псы, а потом утыкают стрелами как ежа, оставаясь при этом незамеченными, никто не хотел. Вот и перерос в итоге охотничий лагерь в деревню, а как охотничьи шалаши сменились рубленными хатками, так и женщины с детьми начали к своим мужикам перебираться. Деревушка располагалась на большой поляне между дубовой рощей и скальным массивом, похожим на гигантскую стену изъеденную кавернами и трещинами. В них вгрызались корнями корявые сосны и прочая поросль, чьи семена ветрами занесло на такую высоту.

Стена была высотой локтей в сто двадцать и рассекала мир с запада на восток. Многие побаивались к ней приближаться из-за странного шума идущего, то ли от этих камней, то ли

из-за них. Сначала охотники шутили, что боги мол отделились от нас забором, чтобы мы в их угодьях не охотились, и придумывали разные небылицы о природе шума с той стороны возведенного богами забора, от трущихся о стену гигантских диких буйволов, до гула боевых труб темных богов, которые непременно должны собирать армию для похода на мир живых. Но, набравшись браги для смелости, как и положено нашему непоседливому народу, вечно ищущему приключений на свою откуданогирастут, и естественно на спор, залезли на вершину стены. Обнаружили они, что сверху находится плато, шагов в двести шириной, где нещадно бьет в лицо соленый ветер. В конце этой плоской как тарелка полосы, скудно поросшей травой, был обрыв, о который далеко внизу разбиваются набегающие горы соленой воды. Само же плато то расширяясь, то сужаясь тянется на восток, изгибаясь к северу отделяет два мира – зеленую шумящую кронами долину лесов от темно синих бегущих к берегу волн океана. На самом краю виднокрая видно как стена забирает вверх, переходя в горный хребет с зелеными лесистыми склонами и белоснежными вершинами.

Разобравшись с источником шума и решив, что просто поселились у забора, разделяющем владения богов земных и морских, местные успокоились, занявшись поисками выгоды от такого соседства.

Когда мистика и страх отступили, и шумной стены перестали бояться, неподалеку, в дне пути, выросла деревушка рудокопов – низкорослых и коренастых мужиков, жаждущих найти золото либо ценные камни, но в итоге за неимением ни того ни другого, занявшиеся добычей железа и его обработкой. Само собой эти ребята с большой охотой меняли свои поделки на меха, кожу, копченое да вяленое мясо. Особо сильно горняки ценили хмельной напиток из дикого меда, рецепт которого был страшной тайной охотников. Еще горняки сильно сетовали на то, что охотничье братство обзаведясь ножами да парой топоров, торгует у них только наконечники для стрел, а за топором приходят когда старый до обуха изотрут. На что получали ответ, что мол лесные духи обвешанных железом в своих владениях не жалуют – вы вон тоже глубоко не копаете, чтоб горных духов не прогнать...

Землепашцы да скотоводы тоже не заставили себя долго ждать, облюбовав роскошные луга, которые начинались в трех днях пути на северо-запад от охотничьего поселения. Деревенку охотников за крутой нрав жителей, на разбойничий манер, обозвали браконьерской – шибко уж рослые, обвитые тугими мышцами лесные жители напоминали мирным пахарям разбойников, которые частенько не давали спокойно жить народу ближе к столице, где побольше трактов и купеческих обозов. Несмотря на это, зажили по-соседски – хлеб да овощи в обмен на плоды охоты от нас, да железный инструмент от горняков всем пришлись по вкусу. Только полотняные порты да рубахи, деланные крестьянскими бабами, которые они постоянно пытались сменить на что-нибудь, оказались не по душе ни горнякам, ни нам. По лесу в них не побегаешь – одни клочки останутся, да и рудокопы наши кожаные одежды предпочитали – тряпка мол стирается быстро. В итоге мы даже обозы совместные стали собирать до ближайшего города, куда было неделю ходу на крестьянских телегах.

Городок этот назывался Терню, по названию тамошней реки, и считался дикой глухоманью по столичным меркам. Но, между тем, базар там был, даже столичных купцов, да разношерстных перекупщиков хватало. Так что торг у нас был хороший. Монеты домой никто не вез – толку нам от этих кругляков в лесу. Везли поделки мастеров городских, хозяйскую утварь, сладости да гостинцы детям и женщинам, в общем, то чего сами не могли добыть или сделать. Особо ценились тамошние ножи – наши соседи так калить железо, чтобы оно было крепким и легким, не умели.

Имперские сборщики податей изредка добирались и до нашей глухомани, раз в два-три года, делая это с большой неохотой и больше для порядка, нежели для пополнения казны. Золотом и брильянтами у нас не пахло, а выдвигаться к нам приходилось по весне, чтобы вернуться до зимних морозов и метелей. Вели они себя, кстати, очень вежливо, в отличии от централь-

ных регионов империи – там эти ребята могли и село спалить, чтоб соседям неповадно было подати утаивать. А к нам отряд больше пятидесяти человек по лесным тропам не проведешь, а ежели нас, либо наших соседей обидеть, то из этих лесов и маленькой армии не выбратся – они и не поймут почему после каждой ночевки по десятку людей пропадает и откуда в конце стрелы прилетят.

Так что солдаты из конвоя были тихенькими, а сборщики податей ограничивались парой рулонов материи да несколькими телегами зерна от пахарей и пятью мешками колец для кольчуг от горняков. От нас же брали штук тридцать пушных шкурок лично для имперского двора и всяко, как нам казалось, хрень – например здоровенные рога лося. Лось этот, кстате, вымажав до невероятных размеров и окончательно потеряв страх перед хищниками, сам приперся в деревню, наверное территорию оспаривать, ну и проиграл схватку с десятком лучников, не успевших в тот день на охоту.

А как то раз забрали шкуру здоровенного медведя, который повадился к землепашцам на легкую кормежку. Те скотину загоняли на ночь в хлев, рубленный с цельных бревен, чтоб волки не добирались. Так этот верзила, со взрослого человека в холке, парой ударов лапой разваливал сие монументальное строение как трухлявый пенёк. И дальше спокойно пировал какой-нибудь коровой, наслаждаясь тем как стрелы из чахлах крестьянских луков приятно щекотят ему бока и спину. Вот они к охотникам и побежали. В итоге одновременный удар в бочину двух десятков тяжелых охотничьих стрел, выпущенных из мощных луков, прервал сие набег, и то потому, что в наконечниках закладки яда были.

Шкура у зверюги оказалась как панцирь, не решив куда приспособить, поставили чучелом на входе в деревню – волков пугать. Так она там и стояла, пока не заставила спонтанно облегчиться сборщиков податей вместе с отрядом доблестной королевской стражи, при их очередном приезде. Отойдя от шока и вытряхнув из штанов содеянное, они выпросили ее себе и чуть про пушнину на радостях не забыли. Мы уж подумали – никак для лечения запоров забирают.

Все встало на свои места, когда спустя пару лет, столичный купец на торге поведал одному из охотников, что мол бывал на приеме он императорском, и удивился насколько отважен род правителей наших. Мол трон императорский украшен золотом и камнями драгоценными, а сделан целиком из двух рогов огромного лося, которого дед императора взял на охоте. И рядом с троном стоит чучело гигантского медведя, и что юный император самолично сразил его одной стрелой. Вся деревня, после этой новости, неделю перемывала кости храброй императорской чете, особо обхохатываясь над «одной стрелой»...

По правде сказать, лук любого нашего охотника, даже тех давних времен, не натянул бы ни один армейский стрелок, не то что бы император. Как то один лучник из отряда охраны сборщиков податей, увидев у охотников странные толстый луки в четыре локтя длинной, склеенные из разных пород дерева и пластин рогов, концы которого загибались в обратную сторону от лучника, захотел сравнить со своим. Заодно и в меткости по бахвалиться, видать знатный стрелок был. Уж что что, а мериться чем не попадая ни нам, ни предкам основателям, дважды предлагать не надо было. Лук у него был, как и у всех солдат прямой, из одного куска дерева и почти в его рост. Указав на молодую березку в ладонь толщиной растущую, как сказал солдат, на расстоянии треть полета стрелы – а точнее в полусотне шагов, он безуспешно запулил в ее сторону 2 стрелы. После чего объяснил ухмыляющимся зевакам, что сверялся с ветром, а потом запустил третью стрелу, которая пройдя по дуге воткнулась в ствол на высоте полтора роста. После чего довольно указал пригласительным жестом своему сопернику на стрелковую позицию. Охотник достал тетиву, бормоча себе под нос о том, что расстояние полета стрел у них какое-то не правильное, снарядил лук, наложил стрелу, похожую по толщине и длине больше на легкий дротик, и краем глаза покосившись на колышущиеся травинки, запустил ее

прямой наводкой, расколов широким наконечником березку на пополам, чуть ниже того места, куда попала предыдущая стрела.

Лучники из имперской стражи, до самого вечера, по очереди пробовали натягивать тетиву и стрелять из наших луков. Получалось не очень – накинута тетива удавалось только вдвоем, а стрелять в пол растяжки. Уже вечером за хмельным медом, пристыженным воякам объяснили, что здесь если такой лук не натянешь, то лучше уезжать туда где зверь помельче, а с ваших луков тут только зайцев охотить. Даже лук один подарили, мол императору рядом с чучелом медведя повесить...

ГЛАВА 3

Меняться все началось, когда в очередной раз прибыл отряд из столицы за налогом. Прибывших сборщиков отправили считать, бархатистые и переливающиеся искорками на солнце, шкурки редких пушных зверьков, да разрешили порыться в трофеях для поиска очередной диковинки для императора. А солдат сразу, как полагалось в наших краях, взяли в оборот – то бишь сунули в руки жареного мяса и упоили хмельным медом, который они, кажется, предвкушали с момента выезда со столицы. Под хмельком с них новостей сыпалось в три раза больше, чем с трезвых.

Так вот, оказалось, что по указу нашего всесвятлейшего правителя, до которого нам дальше чем до богов, в каждой области, где более двух деревень имеется, полагается быть чародею. Чародей этот должен помогать населению – грозы отводить или гадюк распугивать, кто на что горазд. Собирать информацию о целебных травах, растущих в этой местности и бдить, чтоб никакое магическое безобразие без разрешения императора не творилось.

Волшебников и колдунов воспитывало в столице, вселяющее всем трепет, заведение под названием: «Императорская Академия Высших Сил». Тамошних чародеев сортировали по успеваемости – чем талантливее и сильнее выпускник – тем ближе к столице. И нам стало быть полагался какой-нибудь недотепа, с трудом окончивший академию, который будет корешки волшебные в нашей глухомани искать, ну или, максимум, комаров добрее сделать сможет. Дальше захмелевшие в конец вояки перешли на заговорщицкий шепот и рассказали, что слухи ходили разные, что слышали, то и расскажем. Мол, на самом деле нам прислали одного из сильнейших учеников по имени Залмак.

Учился он на малочисленном факультете колдовства и ведарства, который занимается всякими зверюками странными и изучением прочей нехристи. Денег на этот факультет выделяли мало и парнишка на придумывал сам заклинаний, с помощью которых зверей приманивал, для опытов своих. В общем, то ли заклятия были запретные, то ли опыты он делал нехорошие, но скандал учинили знатный по этому поводу.

Не пнули под зад недоучившегося колдуна, только по причине его высоких отметок. А для замятия дела, приняли досрочный экзамен, который он сдал на отлично, и отправили в самую дальнюю часть империи с глаз подальше.

К добру вам этот чародей или к худу, не знаем, но лучше с ним подружиться. К конвою он любовью не воспылал – молчал всю дорогу. А иногда, как вставали лагерем на ночевку, этот пакостник, что то нашептывал себе под нос и спокойно засыпал, а отряд всю ночь кошмарил, то стая летучих мышей, то волчья стая кружащая вокруг лагеря.

Оставили они его в поселке у пахарей, из соображений, что им нужнее. Вы и сами со зверьем справляетесь, рудокопам тоже в их норах да кузнях чародейство без надобности, а крестьянам колдун как раз – скотину подлечить, саранчу отогнать, да травы лекарственные собирать.

Спустя год, после отъезда солдат, странный колдун начал периодически навещать к нам в деревню, много рылся в трофеях, изучал шкуры и кости. Залмак был не разговорчивым, высоким и худощавым мужиком лет сорока, а совсем не мальчиком, которым мы его представляли. В диалоги вступал не охотно, про столицу Арканрат и все что с ней связано рассказывать не любил, он вообще старался больше слушать чем говорить. От обширных трапез и хмеля отказывался, скромно обедал, брал немного провизии и уходил в лес. От провожатых отказывался, мол звери его не тронут, а дорогу назад он сам найдет. Крестьяне срубили ему избу в своей деревне, и наперебой рассказывали, что колдун, то не выходит из нее по нескольку дней, то неделями не появляется.

Однажды Залмак попросил провести его тропкой на стену, после, осмотревшись, набрал в деревне провианта и ушел по стене на восток в сторону заснеженного пика. Вернулся через две недели, сильно исхудавший от тяжелого похода, долго объяснял, что гора та запретная для обычных людей, должна быть доступна только для чародеев и мы туда ходить не должны, дабы не прогневать своих богов и не нарушить какие-то магические потоки, и прочая магическая абракадабра. Получив ответ, что нам и даром туда не надо – по лесу дней пятнадцать пути, а по голой стене туда пять дней идти – и то, и то нам без надобности, так как орлов мы не стреляем, а переть из такой дали горного козла, тоже не интересно. Успокоившись этим ответом больше он у нас не появлялся. Какое-то время захаживал к горнякам, говорят смотрел тропки на стену, да про нас расспрашивал.

Вскоре начали доходить неприятные слухи от горняков, которые недавно к крестьянам ездили на обмен товаров. Мол, замучали крестьян волчьи стаи, много скота порезали, пару человек пропало, кто в лес по грибы или за хворостом ходил. Решили нас, как обычно не звать, охотники хоть и изведут стаю за раз, но и идти долго, да и плату мукой возьмут, а колдун рядом без дела мается. В итоге Залмак сказал, что сам справиться, и через день волки уже не нападали, но и уходить не собирались. Колдун де им объяснил, что волков охотники из леса повыгоняли, и из-за нас все их беды. Дичи бьём слишком много, волки голодать начинают, да и от стрел наших начинают спасаться там где безопаснее и сытнее.

Через месяц охотники ушедшие к земледельцам на торг, вернулись со своим добром назад. Сказали, что те обнесли свою деревню частоколом, товары менять с нами больше не будут, и в обоз до Терни тоже брать не будут. Мол, мы лесных богов прогневали, а они их задабривают как могут. На предложение перебить волков отреагировали суеверным страхом. Сказали, что убили сами волка, так на них гроза в тот же день налетела и чуть не пожгла дома молниями, теперь они скот в жертву лесным богам в обличии волков приносят по совету колдуна, который в лес ходит и с лесными духами общается.

На совете деревни, решили выслать тройку лучших охотников в окрестности крестьянской деревни, понаблюдать за странным поведением волков и, если повезет, общением колдуна с лесными богами. Через 9 дней вернулись только двое с пустыми колчанами, хотя каждый брал стрел по тридцать – в запас. Рассказали как видели колдуна в лесу и, что волки кружили вокруг него как ручные белки, а после напали на них как бешенные, не считаясь с потерями, третий собрал остатки стрел и пошел стаю уводить в сторону. Бежали к деревне, вскоре услышали предсмертный крик товарища и волчий вой возвещающий об удачной охоте. Слава богам, им хватило времени далеко уйти, пока волки вернулись на их след.

Через какое-то время заметили, что соседи из деревни горняков не очень радуются нашему появлению. После долгих расспросов удалось выведать, что колдун приходил к ним со старейшинам землепашцев, объяснял про злых лесных духов, которые будут мстить им за дружбу с охотниками, и что волчьи стаи начали после этого донимать и их.

На этом терпению охотников, всегда отличавшихся крутым норовом, пришел конец. На следующий день, оставив пятнадцать человек для охраны деревни, все мужчины с набитыми под завязку колчанами ушли к рудокопам. За два дня удалось вырезать огромную волчью стаю хвостов в пятьдесят. А потом свалив всю эту кучу тел горнякам, со словами – это вам на шапки, долго и упорно растолковывали, что жили как живем, ничего не меняем, и никаких гневных духов никогда отродясь не было до появления столичного колдуна. Толи перебитая стая волков, толи внятные доводы, а может и два бочонка хмельного меда, выпитых вместе с шахтерами, вправили им мозги на прежнее место. Закрепив это братаниями и заявлениями в вечной дружбе, охотники выдвинулись в сторону, превратившейся в маленькую крепость, поселка землепашцев.

По дороге пару раз приходилось отбиваться от атак волчьих стай, в следствии чего потеряли несколько человек, что только разозлило и добавило решимости действовать мак-

симально решительно, не считаясь с потерями. Выйдя к огороженной частоколом деревне и не дойдя до нее пяти сотен шагов, увидели что с двух сторон на них несутся огромные волчьи стаи. С точки зрения военной науки, можно было бы сказать что противник попал в клещи между отрядами умело командующего полководца, но, и без того умелые охотники, каждый из которых мог держать по несколько стрел в воздухе, за время своего короткого похода успели сплотиться в настоящий отряд по истреблению серой гвардии. Разделившись на две шеренги в встав спинами друг к другу, они подпустили волков на двести шагов и начали безжалостное истребление серых бестий прямо на глазах перепуганных крестьян, которые всей деревней наблюдали за бойней из-за частокола. До охотников не добежал никто, луг был усыпан волчьими трупами, из которых быстро и умело вырезали свои стрелы лучники.

Подойдя ближе к воротам, все отчетливо слышали гневные крики колдуна и вой толпы, после чего шум резко оборвался. Ворота резко распахнулись и из них выплеснула толпа мужиков с рогатинами и ножами, а из-за частокола показалось с десятков лучников, выпустивших стрелы в сторону охотничьего отряда. К счастью, легкие и криво оперенные стрелы, да еще и выпущенные, под саху заточенными руками, не проббили одежду бывалых лесных жителей, сделанную из прочных шкур. Хотя двое оказалось ранеными в незащищенные плечи, а один упал замертво – стрела попала в глаз. На этом, колебания на тему плана действий были окончательно сломлены и, когда незадачливые стрелки высунулись из укрытия для второго залпа, то получили по несколько стрел в лицо каждый. Широкие охотничьи наконечники проббили кости черепа насквозь, высунувшись из затылка на две ладони. А те, кто выбежал добывать раненных охотников с ножами да рогатинами, были грубо переубеждены путем выбивания самых буйных. Дюжина самых ярых, бегущих впереди, упала замертво, пронзенная стрелами в грудь, и вид торчащих из спин своих односельчан окровавленных наконечников, заставил остальных остановиться в ужасе и побросать свое нехитрое оружие.

Войдя в поселок, подобно непобедимой армии взявшей город, охотничье братство растолкало визжащих в истерике женщин и, держа на прицеле остолбеневших от страха и беспомощности мужиков, потребовало выдать колдуна, который виновен в натравливании волков на мирные деревни и науськивании соседей друг на друга. Перепуганные до смерти таким молниеносным поражением крестьяне, видя в глазах охотников непоколебимую решимость и веру в свою правоту, как зачарованные куклы молча указали пальцами на крайнюю хату, возле самого частокола, где должен был скрываться их идейный вдохновитель.

В избе Залмака конечно не оказалось, и охотники быстро нашли следы ведущие от частокола к опушке леса, судя по ним, проклятый колдун бежал со всех ног, быстро поняв, что к чему и, сагитировав землешцев на бой с богоненавистными охотниками, схватил в избе походную сумку, затем, перебравшись через забор, двинулся к лесу. Встав на след, привычные к долгому бегу охотники, надеялись на скорую поимку колдуна, однако магия оберегала своего носителя. Вскоре, угодив несколько раз в облака странного едкого тумана и почуяв приближение остатков окрестных волчьих стай, старший охотник приказал прекратить погоню, которая вряд ли увенчается успехом.

Дальше было возвращение отряда в деревню землешцев и долгое общение со старейшинами до самого утра. Совместные похороны погибших и проводы в иной мир с обильным возлиянием пшеничной браги.

И, как ни странно, от вражды не осталось и следа. То-ли в отсутствии колдуна у жителей деревушки прочищались мозги, то-ли слово более сильного правдивее слова слабого. К вечеру на общем сборе было решено, что была вся деревня одурманена мерзким колдуном, и с соседями смута заведена не по делу, да и односельчан постреляли не просто так, а право имели, так как пришли на помощь, а мы первые напали.

Договорившись о мирном и взаимовыгодном сосуществовании с крестьянами, уходили на рассвете второго дня как освободители.

Отряд выдвинулся к деревне горняков, куда двинулся Залмак. Как не петлял колдун, аки заяц, и не старался запутать следы, пуская в ход магию, но не он был хозяином здешних лесов.

Охотники перешли на бег, продвигаясь по лесу бесшумно и быстро, как волчья стая вставшая на след. Такой бег с препятствиями в виде пней и валежин, которые приходилось перепрыгивать не сбавляя хода, в деревне называется охотничьим шагом. Любой житель деревни, привыкая к правилам выживания в лесу, мог поддерживать такой темп целый день, лишь изредка сбавляя скорость для отдыха.

Расскажи кому-нибудь в срединной части империи, что наши парни могут пол дня бегать в лесной чащобе, идя по следу убегающего оленя. Нагнать, когда тот начнет от усталости в ногах путаться. Не сбив дыхания взять его одной стрелой со ста шагов. Да еще, взвалив себе на плечи тушку весом с себя, под вечер принести его в деревню... Наплевали бы в морду за наглое враньё, ещё б и бока намяли, чтоб сказки поскладнее сочинять учился.

Через полтора дня, когда солнце было в зените, а тени спрятались под своих хозяев, добрались до перепуганных горняков. Оказалось, колдун верхом на здоровенном медведе вышел к ним пол дня назад, да еще и в окружении небольшой стаи волков. Угрожал бедствиями и проклятиями. Для пущего эффекта выкрикнул пару заклятий, создав над деревушкой черную тучу, щедро громыхающую и сыпавшую молнии.

Устрашенные рудокопы, по его требованию, выдали ему немало съестного припасу в кожаных сумках, после чего пропустили к тропке на стену. После чего волки похватав в зубы сумки, как заправские носильщики, потащились на стену вслед за колдуном, и весь разношерстный отряд двинулся по стене на восток.

Страхнув оцепенение от услышанного, охотники начали бледнеть – на пути колдуна их деревня с женами да детишками.

Подобно горным козлам залетев на стену, мужики побежали со скоростью выпущенной стрелы. Вместо дня пути по лесу, по стене домчались задолго до заката. Ноги тряслись и гудели, грудь у всех ходила ходуном, изо рта вырывались хрипы как у раненного лося. Несмотря на это со стены спустились мигом, сами потом не помнили как – где как дикие коты, а где гордо скользя на задницах по камням.

Залмак не мог не отыгаться – остановившись на стене напротив деревни волки подняли вой, подавая сигнал к началу охоты, а колдун, не слезая с медведя, начал выкрикивать заклинания и рисовать руками в воздухе руны. Над деревней почернело небо, молнии раскололи пару высоких дубов, а на дома обрушились сразу несколько воздушных вихрей. Но почуяв приближение разъяренных охотников, бросил волшебство и увел своих зверюг дальше на восток. Так что, слава богам, беды удалось избежать – потрепанные крыши хаток, да пара разваленных вихрями сараев не в счет.

Отдышавшись и успокоившись, пополнили провиант и вернулись на вершину стены, следов на выглаженных солеными ветрами камнях почти не оставалось. Соленые морские ветра выдували с плато все запахи зверей и человека. Поэтому шли по стене медленно, проверяя в поисках отметин места, где можно было попытаться спуститься.

Через два дня пути стало ясно – в лес колдун спускаться боится. Что и правильно, там от стрел, бесшумно скользящих между деревьев охотников, его не спасут ни звери, ни магия. Поэтому путь он держит прямо к снежному пику горы, в который упирается скальный массив стены. Подумав о возможных магических засадах и стихийных бедствиях, которыми ударит, загнанный в угол, проклятый колдун по охотникам, идущим по открытому со всех сторон горному плато, решено было прекратить погоню. Пусть, мол по холодным камням лазает, там ему и место.

После этих бурных событий, жизнь постепенно вернулась в прежнее русло. Боги лепили человека так, чтобы быстро забывал старые беды, и не сходил сума от копившихся страшных воспоминаний.

Единственным напоминанием, о произошедшем в нашей глухомани, служил частокол, который начисто отказались убирать жители деревни пахарей. Зла за это на них никто не держал. Оно и понятно – этим ребятам больше всех досталось.

К нам же после этого накрепко приклеилось название горбуны-охотники. Видимо зрелище лесных лучников в полной боевой выкладке произвело на всех соседей сильное впечатление. Раньше они наших мужчин в таком виде не зрели, так как по лесам им шастать без надобность.

А дело все в том, что наши мощные луки, даже сильному мужику натянуть не удавалось. Наши же охотники, от каждодневных тренировок в стрельбе, зарабатывали себе пугающего вида бугры тугих мышц на спине. Усиливал этот эффект небольшой заплечный походный рюкзак, совмещенный с плоским колчаном. Его располагали как горб, чтобы он начинался от шеи и заканчивался чуть ниже лопаток, а стрелы веером торчали из рюкзака в один ряд. Венчал всю эту конструкцию капюшон из оленей или волчьей шкуры, переходивший в спинную накидку с отверстиями для стрел, накрывающую горб рюкзака и заканчивавшуюся обычно на уровне колен.

Такая одежда давала возможность охотнику быстро передвигаться по лесу не стесняя ношей его движения и не молотила его при беге по спине, как заплечные мешки крестьян. А главное позволяла быстро накладывать на тетиву нужную стрелу и защищала затылок, спину и плечи от здоровенных древесных кошек. Эти котяры охотились на добычу втрое крупнее себя, прыгая с деревьев, вспарывая спину, а потом спокойно ждали, когда жертва истечет кровью.

Вот и окрестили нас горбунами, увидев отряд полулюдей – полужверей с торчащими из горбов иглами стрел. Сначала конечно за глаза, но поняв, что наши не обижаются, дразнили в открытую. Еще и прибывшему отряду сборщиков податей растрепали. Эти уж точно разнесут слух по всем придорожным тавернам до самой столицы, в отместку за свой позор на лучном соревновании.

Пришлось рассказать им и о кознях и изгнании колдуна-заклинателя зверей, так как они очень настойчиво интересовались о пропаже казенного чародея.

А следующим летом, после их отъезда, мы повстречали первых воров...

ГЛАВА 4

Четверо лесных разведчиков – охотников, уходявших дальше на восток в поисках звериных троп, и удачных мест для засидок, не вернулись в деревню в самом начале лета.

Конечно, наш дикий лес свою дань жизнями каждый сезон собирал. Кого зверьё прибирало, а кого и сами лесные духи упавшим стволом или притаившимся болотцем в свой мир забирали. Вот только редки случаи эти были, так как опытни и сильны наши лесные добытки, да и дары исправно мы приносим и богам своим и духам лесным.

Чтобы глупости в голову жителям деревни не лезли, и пустые байки-страшилки по ушам не гуляли, решили отправить группу из 3 разведчиков на восток. Следы своих поискать, да понюхать – чем дикий лес дышит.

Вернулись спустя две недели только двое, с пустыми колчанами, что для матерых лесных охотников дикость. Испуганные и изнеможённые, как после недельного забега на голодное брюхо. Один из них сильно израненный, одежда залита своей запекшейся кровью из разодранного когтями плеча. В деревню вбежали как два бешенных кабана подранка, уходящих от погони из последних сил. В деревне закатили истерику, кричали про возможную погоню, требовали охрану немедля выставлять.

Поняв, что разъяснений получить сразу не удастся, демонстративно отправили на окраину деревушки пяток лучников, а на разведчиков напустили лекаря с целебными травами. Переложив раны нужными листьями и наложив повязки, влили в ребят целебный отвар – целебное пойло сие одним запахом по мозгам било как фляга хмельного меда. Дальше решили с расспросами ошалевших мужиков отложить до ужина – чтоб ребята в себя прийти успели, да мозги на место встали, а то сейчас зыркают в сторону леса как одичавшие и топорики походные из рук выпускать отказываются, постоянно бормочут: «разорвали они его, на жилки разорвали!».

К вечеру вся деревня гудела как пчелиный рой, все собрались на трапезной площадке за столами, ужин уже никого не интересовал – главным блюдом должны были стать ответы. Пришедшие в себя разведчики, с приближением темноты, чуть опять не впали в прежнее состояние, требуя охрану выставить в деревне. Говорить согласились только, когда старший охотник с десятков стрелков для охраны народа с натянутыми луками вокруг толпы выставил.

На восьмой день нашли они одного из разведчиков, по окровавленным обрывкам одежды и обломкам стрел своего признали. Больше и не было почти ничего. Кости обглоданы да разгрызены на осколки, одежда разодрана на кусочки, лук и стрелы перемолоты в щепу. Вокруг все следами волчьей стаи устлано, следы правда странные.

Пошли втроем по следу, с твердым намерением за сородича с серым народом поквитаться. След не понравился сразу – отпечаток волчий, только крупноват даже для наших мест. А вот шла стая как летела, так обычно древесные кошки по лесу носятся, когда с деревьев на землю спускаться приходится. Да и к центру когти повернуты у следов, больше на медвежью поступь похоже.

Следы ведали, что вела себя стая необычно – бежали волки по спирали от останков, как искали кого то. Дав три круга, стая ушла на север. Через пол дня бега нашли следы схватки. Ключья шерсти, обломки разгрызенных костей здоровенных волков, обломки нашенских стрел с засохшей кровью, куски лука, обрывки одежды и охотничий топорик с разгрызленным в щепки топорисцем.

По коже шли мурашки размером с лесных клопов – казалось стая убивала не из голода, а из лютой ненависти к человеку и всему, что с ним связано, пытаясь не только убить его, но и уничтожить все что с ним связано.

Дальше тетиву с луков уже не снимали, пальцы то и дело сами тянулись к стрелам торчащим веером из-за спины при каждом шорохе. Следы, тем не менее, опять описали спираль вокруг места побоища и ушли на северо-запад.

Вечером остановились только когда нашли подходящее дерево для ночевки – оставаться на земле никому даже в голову не пришло. Разрубили толстую сушену и развели у подножья коряжистого дуба три костра, вложив поленья так, чтобы горели до утра, отпугивая зверьё. Дежурить не стали. На толстых ветвях дуба великана ночевать безопасно – волки не достанут, медведь тоже к кострам не пойдет, а древесные коты нападают только на одиночек.

Ночью проснулись от крика, который, казалось, заставит подземных богов икать от страха. Жуткая сцена заставила оцепенеть на мгновение – лежавший на нижней ветке охотник крича от боли лупил топориком по загривку огромного волчару, который вцепившись как медведь лапами в дерево неистово рвал бедолаге живот. Сизые внутренности и, разлетающиеся во все стороны черные в лунном свете брызги крови. К тому моменту когда стрелы легли на тетиву, волк с разрубленной шеей упал вместе с охотником на землю, так и не выпустив его из пасти.

Под деревом тут же начали носиться огромные тени с горящими желтыми глазами. Вылетая из темноты они, вырывали кусок плоти из тела их еще пытающегося двигаться товарища, либо из туши, визжащего и дергающего лапами, волка, и тут же снова исчезали из круга света. Охотники одну за другой выпускали стрелы по мечущимся внизу тварям, но не разу не сразили никого насмерть – тени взвизгивали и уносились во мрак. Костры разлетелись мелкими углями по всей поляне раньше чем закончились стрелы, и, неприученные стрелять вслепую, охотники прекратили обстрел. Рык, и визг подраненных зверей, прекратившись через пару минут, перешел в звенящую тишину. Казалось, сама ночь затихла в ужасе от увиденного и вжалась в землю, чтобы не быть обнаруженной. И только обостренные чувства проживших всю жизнь в лесу людей уловили в запахах и шелесте травы, что стая, как дикие кошки подкрадывается к дереву.

Пытаясь не шуметь, чтобы избежать смертоносных укусов стрел, эти звери подкрадывались к дереву, но выдали себя, когда как медведи полезли в верх по стволу. Скрежет раздираемой когтями коры дерева и приближающиеся желтые глаза, смотрящие, как казалось, прямо внутрь черепа, почти заморозили охотников ужасом неминуемого. Подобно лягушке перед ужом, в голове звенело одно – вжаться в дерево и перестать дышать, закрыть глаза и думать о том, что это не по настоящему.

Спасли рефлекс, руки сами потянулись к колчану, и остатки стрел улетели в сторону горящих желтым огнем глаз. Визги боли прорезали вязкую ночную тишину и стеганули по барабанным перепонкам. Тени скользнули от дерева в разные стороны, а через секунду раздался полный гнева и разочарования вой, который усилился доносясь одновременно из десятка глоток.

Спуститься на землю решились когда солнце было в зените, вооружившись сделанными за ночь копьями из срезанных на дереве веток с наконечниками из ножей. Стрел удалось собрать меньше десятка, из тех, что не найдя цели воткнулись в землю. Осмотревшись обнаружили залитую кровью поляну с разбросанными обрывками одежды своего товарища и клочьями шерсти. Похоже эти ночные демоны разорвали своих раненных не отличая их от добычи. В двадцати шагах удалось найти разодранную тушу члена стаи – мяса и внутренностей не было, почти все кости разгрызены, из обломков черепа торчит сломанное древко стрелы. Несмотря на дрожь в руках и желание бежать немедленно, взяли сувенир.

Дальше было бегство, бегство от жуткой гибели, которая казалось идет по пятам, без сна и казалось без надежды на спасение. Ночевали на деревьях обложенных кострами. И каждую ночь стая настигала их, но наученная опытом не кидалась бездумно лезть за добычей. Звери дожидались момента когда костры начинали прогорать, а затем высылали разведчиков.

За первую ночь извели остатки стрел. Когда следующей ночью пришлось тыкать в очередного здоровенного волка древолаза копьями, он успел перехватить пастью наконечник, и стальной нож тернских кузнецов со звоном сломался на зубах зверюги. Второй охотник успел ткнуть копьем в шею, и туша хищника царапая ствол соскользнула на землю. Одно копые превратилось в палку с измочаленным в щепки концом. Под утро отбивая очередную попытку приступа, лишившийся копья охотник, вполне удачно оприходовал зверя топором промеж глаз, но тот перед падением располосовал ему плечо лапой с острыми как бритва когтями. Атаковал он скорее как древесный кот, нежели как волк. Слава богу, напарник успел подхватить товарища, прежде чем тот начал слабеть от сильной кровопотери и наложил повязки из имеющегося в рюкзаке каждого охотника набора пропитанных травяными отварами полосок ткани.

Последний день поняли, что до деревни до темноты не дотянут, и залезая на дерево, прощались с надеждой выжить. Но стоя к дереву не подошла, видимо сказалось близость браконьерской деревни – здешний лес уже был опутан тропками горбунов-охотников и хранил их запах. Поэтому послушав до рассвета отдаленный вой своих преследователей, с восходом из последних сил бросились к спасительному дому.

С минуту, после окончания рассказа, в воздухе висела тишина, разорвавшаяся единовременно волной ропота, мужских выкриков и бабского плача. Ревели жены пропавших охотников, бубнили себе под нос либо соседу мужчины, Сквозь гам прорывались выкрики самых непоседливых разными репликами, которые делились в основном на две части: либо «брехня», либо «перебить тварей».

Весь гомон прервал раненный в плечо разведчик, который, сидя на лавке с отсутствующим видом, смотрел себе в ноги, а потом, спустя пару минут, достал из-за пазухи и положил на стол отрубленную переднюю лапу зверя.

Гомон толпы стих, перешел на шепот и вскоре превратился в гробовую тишину. Купец, землепашец, кузнец или городской вельможа, глядя на такую лапу, думали бы разное – велик ли зверь, много ли мяса и насколько ценная шкура, не пожрет ли скот. . . Но лесные жители, видя всего одну лапу, думали о смерти. Смерти которую несет такой хищник при встрече в лесу, понимали его скорость, его силу и то как неуловимо и опасно такое создание. По одному, а вскоре и всей деревней, жители повернули головы в сторону темнеющей в ночи полоски леса, такой близкой, состоящей из вековых деревьев, закрывающих своими кронами полнеба. Мысли, пульсирующие в голове, потянули к храбрым сердцам охотников тонкие и холодные щупальца страха. Самое пугающее для всех было то, что бескрайний дикий лес, который всегда был их чудесным домом, спасал их, кормил и всегда принимал в свои прохладные объятия – начал казаться враждебным. Теперь они бездомные. . .

Мучительное молчание нарушил старший охотник, который, казалось, прочел мысль своих односельчан, висевшую в воздухе, как грозовая туча. Бахнув пудовыми кулаками по столу, так, что вся посуда вместе со страшной лапой подпрыгнули и зависли на мгновение в воздух. Он вышел на середину и громогласно произнес – это наш дом и дома своего мы никому не отдадим!

Простая, но сильная фраза, сказанная сильным и уверенным в себе человеком, да еще и в нужный момент, затронула то, что все называли искрой богов в человеке. Подобно легкому ветерку, который не дает тающей в темноте искорке погаснуть, раздувая её в настоящее сильное пламя, эти пару слов заставили разорваться нитям ужаса, сковывающим грудь.

Спустя пару мгновений, под одобрительным взглядом старшего охотника, стояла уже не перепуганная толпа односельчан, перед ним стояли те самые дикие лесные хищники, основавшие первый лагерь на поляне в диком лесу. В глазах прожжённых опытных охотников страх уступил место мальчишескому азарту перед опасной и кровавой охотой на неизведанного зверя, предвкушению риска в погоне за невероятным трофеем. Плечи мужчин разворачивались сами по себе, нижние челюсти дерзко выпячивались вперед, преданный взгляд устрем-

лялся в глаза своему вожаку и предводителю. Женщины своими кошачьими с чувствами тоже уловили перемену в своих защитниках и стоя за их широкими спинами вновь почувствовали себя полноправными хозяйками леса.

Глядя на своих собратьев, старший охотник, в очередной раз про себя отметил, что хоть он и является выбранным главой Браконьерской деревни, но управлять таким лихим народом можно только вот так. Только подталкивая, советуя или подначивая самим ступать на нужный путь. Попробуешь их принудить или заставить, и завтра же они посадят тебя на ножи и пустят на стельки для сапог! Слишком уж силен азарт, дух свободы и авантюризм в этих людях.

Не эти ли чувства, осуждаемые служителями светлых богов и почтенными мудрецами-старцами, и являются той самой искрой богов. Которая заставляет всегда держать спину прямо, а не сгибаться под тяжестью бремя, потихоньку становясь на четвереньки и превращаясь в послушное травоядное, подвластное воле хозяина.

Дальше речи были излишни. После плотного быстрого ужина глава, только для порядку, отдал пару распоряжений, которые и так уже были в процессе выполнения – мужчины уже за едой начали распределять между собой ночные дежурства и прокручивать в голове список приготовлений на завтра. Долой всю шушару в виде каждодневной заготовки мяса и добычи пушнины. Завтрашний день будет полон суеты и приготовлений – грядет большая охота!

ГЛАВА 5

«Большая охота» переросла в многолетнюю войну двух партизанских армий – неутомимых лесных охотников с одной стороны и лютых зверей, прозванных вскоре ворами, с другой. Битва шла на выживание, будто обе стороны понимали, что таким хищникам в одном мире не ужиться.

Ходит много рассказов и былин про те давние времена, про то как приспособливались друг другу, как учились спасаться и как учились убивать друг друга вори и жители Браконьерской деревни, меняя тактики и стратегии защиты и нападения.

Идет эта война на истребление и по сей день, спустя много веков. Вот только, заглядывая в прошлое и проводя линию событий в грядущее, начинаешь понимать, что мы проигрываем. . .

Лишь спустя несколько месяцев, изучив повадки зверей, удалось добыть первого целого зверя для осмотра и изучения. До этого вори разрывали все силки и ловушки, вырывались из любых ловчих ям, отгрызали себе конечности, дабы уйти из железных капканов. Убитых же стрелами на засидках, разрывали в клочки и поглощали члены стаи. Первого удалось притащить в деревню заманив в петлю с противовесом, которая вздернула его в воздух на высоту в три роста, куда не допрыгивали его сородичи и утыкав его стрелами, пока не перегрыз веревку.

Горбуны-охотники, как заядлые натуралисты разобрали зверюгу на запчасти. Больше всего твари походили на волков переростков— силуэтом, окрасом и стайными повадками. Строение передних лап и ширина грудины сильно намекали на родство с медведями, да и по деревьям за человеченкой они лазали тем же способом, что и медведи, которые лезли за сладким диким медом. А вот в движениях и скорости, они были больше сродни с древесными кошками. В общем, сочетание было убойное, встретится с таким зверем один на один в лесу без подготовки – означало гибель без шансов на спасение.

Со временем стай стало несколько, и охотничий ореол воров начал смещаться на запад. Естественно они начали досажать и нашим соседям. Охотники разрывались на два фронта в попытках помочь соседним деревушкам и очистить дикий лес от кровожадных тварей.

У землепашцев, стая воров вырезала за пару минут весь скот в загоне за пределами частокола. Там держали волов, которые тягали крестьянские телеги на базар и тянули плуг в посеvную. Обычные волки и медведи к ним не совались – здоровенные быки отправят на рога любого хищника. А вори справились за пару минут, сработав как древесные кошки, вылетели из темноты, вспороли шеи острыми как бритва когтями и удалились на безопасное расстояние. Через пару минут все стадо было мертво и, что самое страшное, погибли несколько мужиков прибежавших с факелами и рогатинами спасать скотину. Мороз пробирает, когда понимаешь, что эти твари устроили банальную засаду, чтобы добраться до более желаемой ими добычи – человека. . .

Узнав про это, решили отправиться к крестьянам и научить их ставить ловушки вокруг деревни, поймают кого то вряд ли, но отпугнуть от своих хат смогут.

Отправившаяся к соседям с утра группа охотников сама угодила в западню. Необходимо было нестись вихрем через лес, чтобы успеть до заката, так как темнота теперь несла только гибель, и прибежавшие в деревню землепашцев под вечер охотники с ужасом узрели пепелище на месте деревни. Там, где, еще недавно, раздавались гомон жителей, мычание скота и визги детворы, а в воздухе плавал умопомрачительно вкусный запах свежее испеченного хлеба, сейчас был только запах гари смешанный с запахом пролитой крови. От деревни остались целыми лишь местами сгоревший частокол и пару изб.

Следы оставленные на пепле, царапины от когтей на остатках частокола и пропитанная землей кровь моментально нарисовали опытным следопытам ужасную картину происшедшего.

Твари перелезли ночью через забор, не побоявшись факелов, вытыкаемых селянами на ночь между бревнами мореного дуба, из которого была сделана ограда, и устроили кровавое пиршество. Запрыгивая на избы, они разрывали лапами берестяные крыши и попадали в дом, моментально вырезая заспанную семью. Предсмертные крики соседей, моментально разбудили всю деревню, но попытавшиеся дать отпор мужчины, смогли лишь дать женщинам и детям пару минут на подготовку к встрече с богами. Рядом с каждым пятном крови и обломками костей лежали поломанные рогатины либо топоры.

То тут то там были разбросаны сухие стрелы, по всей видимости, многие успели взять в руки луки, но пробить шкуру никто не смог. Надо сказать, что даже убийственной силы выстрел горбуна охотника, как обзывали нас все соседи, пробивал средних размеров вепря насквозь, даже если стрела попадала в ребро. А вот в шкуру вора она входила лишь на глубину полторы ладони, и то только при удачном попадании, так как если попасть в ребро, то стрела попросту отскакивала, пустив зверю кровь и лишь разъярив его. Естественно хилым крестьянским лукам было невозможно даже подранить такого зверя.

В панике жители поджигали свои дома, в надежде, что полыхающее пламя отпугнет зверей. Толи ворги успели закончить резню, до того как языки пламени поднялись выше крыш, толи уже тогда перестали бояться огня, так или иначе, но результат этой ночи наверняка еще долго заставлял увидевших все это охотников просыпаться с криком среди ночи от ночных кошмаров.

Охотники, оценив ситуацию и поняв, что встречаются закат в чистом поле, когда в солнце уже наполовину спустилось за западной полосой леса, а меж деревьями успел стухнуть мрак, поняли, что обречены. В попытке продать свои жизни подороже, они заняли оборону на разрытой крыше уцелевшей избы, и готовились перед смертью скормить хотя бы пяток воров своим же собратьям.

Чудесное спасение им подарили несколько молодых ребят, весен по пятнадцать, белобрых с перепачканными сажей лицами. Оказалось, что отчаянное сопротивление мужчин не пропало даром, и назначенные деревенским старостой юноши, успели затащить часть женщин и детишек в общий погреб. Строение это представляло глубокую землянку для хранения мяса, пива и солений. Делали ее в виде ямы в два роста глубиной, выложенную бревнами лиственницы и засыпанную землей в полтора роста. Даже раскопай ворги такую ямищу, раздрать бревенчатую крышу погреба было бы невозможно, так как бревна лиственницы от влаги уже начали каменеть. Забившись в погреб, они забаррикадировали вход, подперев дубовую дверь бочками с солеными грибами и квасом. Тяжелые бочки спасли им жизнь, ибо на двери видны глубокие царапины от когтей в два пальца глубиной, а косяк был в нескольких местах измочален зубами.

Парнишки, что то искали среди развалин, а услышав шум, залегли как испуганные зайцы. Затем разглядев занимающих оборону на крыше охотников, бросились к ним с радостными визгами, понимая, что в дополнение к прочным стенам получили в защиту еще пять мощных и незнающих промаха луков.

Укрывшись в погребе, восстановили баррикаду. Спасти удалось, помимо двух ребят, семерым женщинам и четверем детишкам в возрасте от 5 до 12 лет. Для успокоения нервов, начали истреблять запасы копченого и вяленого мяса, запивая все это откупоренным бочонком кваса. Ребятишкам и женщинам, в горло от пережитого ничего не лезло, поэтому пришлось заставить их выпить по ковшику пива. За хмелем пришел аппетит и они наконец поели досыта, после чего дети сразу уснули на полках для кувшинов укрытые шкурами.

Ночь прошла под вой, от которого холод начинал грызть внутренности. Когда от двери раздался треск дерева, раздираемого когтями, охотники, так и не притронувшиеся к хмельному пиву, спокойно натянули луки и расположились напротив двери, взяв в правую руку по три стрелы каждый. Остальные стрелы были сложены на пол перед собой – низкий потолок

не позволит быстро доставать стрелы из заспинных колчанов, так чтобы они одним движением ложились на тетиву.

Молодые ребята по их команде, спотыкаясь и пытаясь унять дрожь в коленках, перенесли и поставили две свечи поближе к двери, после чего отскочили от нее со скоростью перепуганных воробьев. К охотникам подошла девушка, которая поставила перед ними два глиняных пузатых кувшина с узкими горлышками залитыми воском.

– Если прорвутся, это поможет – прошептала она тонким голосом и отступила в тень.

Эти кувшины притащили два молодца, которые привели охотников, как оказалось по её указанию. Девушка хоть и была молода, но явно пользовалась уважением среди оставшихся жителей деревни. Это было сразу заметно – отвечая на вопросы охотников, и ребята и женщины старше возрастом оглядывались на нее.

– Вчера вам не больно кувшины помогли – огрызнулся один из охотников, который как и все прочие, не привык к присутствию женщин в момент, когда должны заговорить луки.

– Я благодаря этому зелью жива осталась. Их запах отпугивает, правда сами можем тут задохнуться, но они не подойдут...

Девушка оказалась помощницей местной знахарки, и когда ворг провалился к ним сквозь крышу избы, она расставляла заготовки отваров по полкам. Первым прыжком зверь рванулся к старой наставнице и одним движением вырвал ей часть горла вместе с нижней челюстью, кровь толчками брызнула на стену и тело старухи завалилось набок подобно мешку с мукой. Вид растекающейся лужи темной крови и огромного зверя с окровавленной пастью, чьи два желтых горящих глаза смотрят на нее, привел девушку в состояние оцепенения. Из омертвевших от страха пальцев выскользнул запечатанный кувшин и с брызгами зеленой пахучей дряни разлетелся вдребезги. Прыгнувший уже не нее ворг, в полете умудрился извернуться и отскочить вбок, при этом удариться головой о стену с такой силой, что зазвенел весь сруб. В попытке выскочить из избы зверь налетел на тяжелую дубовую лавку и завалился на спину, панически махая когтистыми лапами, пытаясь встать, измолотил в щепу всю оказавшуюся рядом мебель, в итоге вскочил, прыгнув в окно и вынеся раму вместе со ставнями. Едкий запах зелья, жгущий нос и легкие как огнем, моментально привел в чувства, теряющую сознание, девушку. Она перепрыгнула парящую зеленую лужу и выскочила на улицу, где, между кричащими людьми и горящими домами, со скоростью падающего сокола, носились темные тени с желтыми глазами, заставляя одного за другим её односельчан падать в агонии с разорванными телами и отгрызенными конечностями. Она побежала за соседской с двумя детишками, семилетним мальчишкой и пяти годовалой дочкой на руках, их тащил в сторону деревенского погреба сын мельника Панас с окраины деревни. Несколько раз она видела отделяющиеся от темноты черные тени, бросающиеся в её сторону, но каждый раз, когда она почти ощущала кожей лица горячее дыхание из пасти зверя, он в последний момент шарахался от нее как от раскаленного железного прута. Уже добежав до укрытия, она увидела, что ее фартук весь залит тем самым пахучим зельем, отпугнувшим ворга, после чего она и послала на утро сына мельника и его второго мальчугана притащить в погреб все запасы которые смогут найти.

– ААААА!!! Разорви меня лешие!!! – со слезами на глазах, сказал один из охотников, открыв кувшин и понюхав его содержание – Чуть глаза не выскочили! Девчонка права, любому зверю с его нюхом, такое вдохнуть, что раскаленную кочергу в нос засунуть. Только здесь его бить не приведи боги – сами здесь угорим!

За ночь зелье не понадобилось – дверь устояла. С рассветом набившие провиантом рюкзаки охотники погнали всех к деревне шахтеров, к ним ближе. За день с женщинами и детьми конечно же не успели, пришлось устраиваться на большом дубе, разведя по периметру четыре костра. Воров огонь не отпугнет, зато будет видно куда стрелой целить.

– От всей стаи не отобьёмся, стрел не хватит – озвучил то, что крутилось у всех в головах, самый молодой лучник.

– Это и без тебя все понимают, умник! Я тебе не просто так два кувшина тащить доверил – ответил старший отряда – сегодня и проверим... Слышь, девица-травница, чего за чудо мазь? Вы ей мертвых поднимали, что ли?

Дядя охотник – зачем вы так? Мы не колдуньи какие... Баба Аганья ведьмой-травницей была, это основа почти для всех её лекарств, поэтому её много так. Она из ядов змеиных и огонь травы делается, всю заразу с тела выжигает. Мы из нее все мази целебные да настои делали. Ну и мужики ее в брагу добавляли – говорили для бодрости.

– Ну вот то что в брагу, терь понятно почему столько, а то под мази, это всей деревне умазаться... Ладно не дуйся – если живы останемся, то только благодаря тебе да вашей бражьей добавке целебной.

Скрывающееся за краем солнце проводил вой, как уже различали охотники – провозглашавший начало охоты. Нашли беглецов быстро. Посшибав парочку самых рьяных, подождали пока стая изготвиться к групповому броску, и когда вокруг дерева кружил вихрь из теней, а вверх по стволу ползло три пары желтых огоньков, один из охотников бросил кувшин вниз на заранее притащенный к корням здоровенный камень – чтоб значится брызг побольше. Ворги брызнули в стороны, как караси в пруду, в который кинули булыжник. Двум зверям зелье попало на морду и они начали хрипеть как загнанные волю, падать на спину, скрести землю лапам, за что и были побиты стрелами, чтоб не разлеживались где не попадя. Перетерпев ночь в облаке вони с обмотанными вокруг лиц тряпками, охотники двинулись в путь. Утром перед уходом заметили, что обрызганных и застреленных воров стая жрать не стала.

Доведя процессию до деревни рудокопов, договорились с главой расселить по избам, да к делу пристроить. Ночевать решили остаться тут – по стене можно и успеть, если лететь как дурной олень, но ни к чему такие приключения на свою откуданогирастут, и так каждый человек на счету, чтоб рисковать лишний раз.

Горнякам жилось поспокойнее, избы у них из толстенных бревен мореного дуба, низкие, но наполовину уходящие в землю как землянки, изнутри обложенные камнем. Да и крыши они делают из толстых жердей, обивая их сверху листами железа. Как они сами говорят сорного метала, которому удалось найти применение. Окна они пузырями бычьими не затягивают а делают прочные ставни, да еще и железными решетками окна забирают. В общем, какие сами – низкорослые, широкоплечие, коренастые – такие и избы строят, каждая маленькая крепость.

Несмотря на всю защищенность и предусмотрительность, гибель крестьянской деревни они восприняли тяжело.

– Где же теперь хлеб брать? Сыр, опять же овощи... – утробно гудел как раскаленный горн старейшина деревни – на одном вашем мясе долго не проживешь, что нам теперь клыки выращивать и шерстью обрастать, чтоб одно мясо жрать, не травой же его зажевывать...

– Ну в лесу не только мясо растет – пытался возразить один из охотников.

– Че б там не росло, да мы туда ни ногой! Да и вам сейчас не до грибного промыслу. К тому же пиво ты, хоть тресни, из грибов не сваришь, а оно, знаешь брат, всему голова! Хрен с ним со всем остальным, но ПИВО!? – но тут же ловит насупленный взгляд своей женки, и сразу, замаявшись, добавляет – не ну и сыр там... овощи...

На утро пришлось проститься с мыслью добраться до родной Браконьерской деревни за пол дня, так как двое наотрез отказались оставаться с горняками. Сын мельника – из которого обещали сделать заправского искателя горных богатств. У него видите ли боязнь тесноты, ему простор нужен, а в шахтах у него нервные припадки будут, короче паренек наотрез отказался камень долбать и пообещался, что готов хоть кабанов руками учиться ловить, лишь бы к нам в деревню, чтоб на воздухе.

И вместе с ним в позу встала помощница знахарки Ляна – мол я из камней лечебных отваров делать не умею, а кашеварить да порты штопать им и без меня есть кому. Вам же

знахарка нужнее, а она уже все-все почти умеет, да и травы в лесах говорят силу большую имеют супротив луговых.

Утром кузнечных дел мастера, выдали охотникам увесистую сумку с наконечниками для стрел. Наслышаны мол они про то, что ворги твари толстошкурые, а мы такие наконечники для императорских лучников делали, они кольчугу навывлет бьют.

Наконечники и впрямь от охотничьих сильно отличались. Наши широкие, чтоб крови поболее со зверя выпустить, он так и уйти далеко не уйдет, и страдать долго не будет. Эти же длинные и узкие как долото, четырехгранные с дыркой посредине, под закладку яда в наконечник. Обещали наделать еще, если понравятся, а понравиться должны наверняка.

– Только птицы приносите, а то мне старыми зубами вашу лосятину да кабанину тяжело уже – бурчал старый кузнец – и это, шкуру бы этого бронированного зверя, чую меха с нее для горна загляденье будут...

Потом двинулись по стене в родную деревню, как ни странно, Ляна бежала как молодая газель, а останавливаться приходилось только, чтобы дать передышку, начинающему хрипеть через пол часа бега Панасу.

– Как вы... Без остановки... Хотя как вы понятно, всю жизнь по лесу, но ты то Ляна как? – задыхаясь на очередном привале возмущался паренек. Лежащий на плече язык он уже втянул, но воздух все еще вырывался из носа со свистами, а от промокшей серой рубахи шел пар.

– А мне привычно, знахарка за травами отправляла, а те на дальних полянах растут. Вот и добиралась туда бегом, чтоб засветло успеть и в лесу не ночевать. – Отвечала девчушка, сидя краю обрыва и любуясь громадами морских волн, которых раньше никогда не видела.

До Браконьерской деревни добрались, когда солнце неуклонно катилось к макушкам бескрайнего дикого леса. Новых постояльцев быстро расселили, Панаса взял на постой старший охотник, являвшийся главой деревни. Годы брали свое и он все больше предпочитал мастерить стрелы с капканами, изготавливать луки и заниматься ремонтом снаряжения, нежели бегать с молодыми по лесу. А сын погибшего мельника, судя по развитой мускулатуре и мозолистым рукам, к этому делу привыкши, значит будет неплохой помощник – лук поди не сложнее мельницы устроен. Ляну, после рассказа о чудо средстве, определили к жене одного из охотников, которая знала пару лечебных травок и, посему, занималась в деревне врачеванием всяких хворей.

Спустя пару лун, ребята освоились, и более того стали очень полезными жителями деревни. Панас, узнав все секреты ремесла, мастерил отличные луки, а в свободное от работы время постоянно ходил в лес, собирая странные грибы и стаскивая их сушить на чердак хаты главного охотника.

– Малец, ты уже весь чердак этими грибами захламил, их же и не ест никто, какой они те дались – ворчал старый охотник.

– Дядько Грен, потерпите, они уже почти подсохли. Мне отец эти грибы показывал, я скоро их готовить буду, если не понравятся, все по выкидываю, честное слово.

Через пару дней Панас весь день перетирал свои сушеные грибы в порошок, а к вечеру вынес к ужину пять буханок мягкого желтого хлеба, чем немало удивил всех обитателей деревушки. На пшеничную булку его хлеб походил мало, но на вкус был очень приятным и главное сытным. К тому же, в деревне вдоволь было только мясо, поэтому жители готовы были парнишку на руках таскать за такое угощение.

Грибов этих оказалось в окрестности деревни с избытком, так как раньше никто их собирать и не думал, собственно на грибы то они и не особо ходили – желтые рыхлые наплывы, растущие на старых пнях и сгнивших стволах. Поэтому натащили их огромное количество. Панас тем временем при помощи всех жителей поставил около самой стены небольшую мельничку. Лопаста ее крутила речушка, выбивавшаяся меж камней и серебряной змейкой бегущая через всю деревню. После этого хлеба у охотников вновь стало вдоволь.

Ляне мужики срубили отдельную хатку, так как приютившей ее семье совсем житья не стало от завалов лечебных трав, которые она собирала и от постоянной веренице охотников идущих к ней со своими ушибами, ранами да болячками. Девчушка оказалась, что называется, «лекаркой-божий дар» и умудрялась крайне быстро разобраться в причинах боли либо недуга и подобрать действенное лекарство. Поэтому дом ей мужики делали со всем обожанием и любовью, так что жены строителей, видя избушку с идеально подогнанными бревнами и украшенное резьбой крылечко, начинали шипеть на своих мужей – можете же не только по лесу носится, когда захотите, свои б мол хаты так строили... Несмотря на такую ревность, к Ляне они тоже относились с большим почтением и материнской любовью, так как она и мужей на ноги всегда поставит и у малышей хвори подлечит, да и роды она принимать тоже оказалась привычная. Так что горшочек варенья с лесных ягод или медок всегда заставляли мужей нести для доброй сиротки лекарши.

Охота на проклятых воров пошла более успешная – повадки зверей изучили получше и какие где засады делать стали разбираться. В обмен на булки грибного хлеба, горняки с удовольствием помогали своими узкими наконечниками с полостями под закладку, в которую набивали смесь сырой глины и яда приготовленного Ляной.

Вот только меньше их не становилось, а совсем наоборот, стаи росли как грибы после дождя. Видя как быстро плодятся эти твари, охотники подшучивали, что есть в этих гадах, что то и от кроликов.

Шутки шутками, а зверюки уже умудрились выгнать горняков из их жилищ и загнать в пещеры. После того как большая стая раскурочили второй дом, рудокопы на ночь стали собираться в своих штольнях, баррикадируя входы на ночь либо оцетиниваясь копьями в узком проходе и выходя только днем. Они уже давно и серьезно подумывали о том, чтобы сбежать подальше от дикого леса, но как добраться до Терни избежав ночного общения с воргам придумать не смогли.

После наступления зимы, когда ночи становятся бесконечно долгими, старейшина Грен выслал легкий отряд проведать соседей. Те, обув широкие лыжи с подложкой из камуса, добывав по стене до заката в деревню горняков, обнаружили там только двух кузнецов с семьями, забаррикадовавшихся в одном из своих отнорков шахты. Пару дней назад весь поселок после очередной атаки воров решил, что до весны им не дотянуть и, что пытаться прорваться к Терни надо сейчас. Ночью будут выставлять телеги кольцом, жечь костры и держать оборону с пиками по кругу. Остались только два семейства – их мужики наотрез отказались покидать укрытия, назвав сей план самоубийством. Переночевав с рудокопами в безопасной пещере, отряд пошел по следу ушедшего каравана. До места первой стоянки добежали еще до полудня, видимо груженные телеги с запряженными волами двигались крайне медленно по снегу и далеко уйти засветло не успели. Тут то путешествие рудокопов и закончилось – морозный ветер гонял снежную поземку по выкрашенным в красный цвет сугробам, пытаясь замести остатки разорванных тел и обугленные остовы телег. Судя по, еще не до конца заметенным следам, крупная стая покругив вокруг лагеря, атаковала со всех сторон сразу, запрыгивая с разбега на телеги. Первые ворг конечно попали на копы, но остальные плотоядной саранчой хлынули в круг. Видимо кто-то пытался отпугнуть зверей поджигая повозки, но против этих тварей, такой метод защиты не сработал.

Две оставшихся семьи стерегли как зеницу ока. Провести их за короткий зимний день по снегу в нашу деревню с женами и детьми было невозможно. Поэтому, подменяя друг друга, несколько охотников жили с ними до весны, заодно поднося в их убежище съестные припасы – их запасы и без гостей были на исходе. А с наступлением весны провели по стене в свою деревню, им безопаснее, нам кузнечных дел мастера под боком.

Когда же весенние деньки стали по-летнему жаркими, нас в последний раз посетили гости из центральной империи. Отряд сборщиков налогов добрался до нас сильно поредевший,

и перепуганный до трясучки в коленях. Выдвигаясь к нам из Терни, они были наслышаны о странных волках в окрестностях – и туда добрались твари – но такого явно не ожидали. Уцелеть им позволило то, что солдат было в два раза больше, чем в прошлом году, в связи с большим количеством разбойников на дорогах, и присутствие в отряде опытного мага, отправленного по поручению Императорской Академии Высших Сил, разбираться – что тут мог учудить их воспитанник.

Он то и спас отряд от истребления. Хитрые твари несколько ночей просто присматривались к непривычной добыче, закованной в железные скорлупки панцирей, а атаковали их стоянку в дневном переходе от бывшей деревни землепашцев. Успев порезать караульных и половину солдат, ворги были пожжены проснувшимся от криков магом, который был мастером огненной стихий высшей категории. Остальные ночи он окружал лагерь защитными заклятиями и держал до утра огненный щит, сжигающий любого, кто попытается его пересечь.

Обнаружив две пустые деревни, они уже собирались возвращаться, но его магическое святейшество упорно твердило, что чувствует близко живых людей, и что назад до Терни его сил добраться уже не хватит. За пару ночей маг заметно исхудал, видимо защита отнимала у него много сил, и, к моменту прибытия в Браконьерскую деревню, находился в полуобморочном состоянии. Солдаты лезли брататься и чуть ли не визжали от радости, увидев охотников – глядя на слабеющего магистра, они явно читали в ночном вое свою скорую гибель.

Солдатам и сборщикам освободили несколько домиков на постой, мага поселили в дом к Ляне, в комнате выделенной для врачевания, так как он был совсем плох – сильные защитные заклинания выпили из него жизненную силу как сильная болезнь и было видно, что простым отдыхом его на ноги не поставить.

Весь следующий день Ляна пропадала в лесу в поисках каких то редких корешков, а несколько охотников лазили по стене в попытках поймать каменистую гадюку по ее заказу. Приготовив отвар, с помощью нескольких женщин, раздела мага и ежечасно натирала и поила его этим зельем. За то спустя пару дней после приготовления отвара маг смог встать и выйти на улицу. А со следующего дня начал активно отъедаться по причине вернувшегося аппетита.

Благодарный за спасение маг, которым не положено разглаживать с обычными смертными, был весьма словоохотлив. Звали его Вестер, бывший боевой маг императорского войска, а ныне исследователь магической силы при Академии. Он не переставал удивляться тому, что столь юная девушка в такой глуши знает рецепт зелья восстановления жизненных сил и как его правильно использовать. С удовольствием рассказывал про столицу за трапезой. А все остальное время расспрашивал охотников про воров, их повадки, осматривал убитых зверей, просил отвести его в ту или иную часть дикого леса. Долго расспрашивал Панаса про нападение воров на его деревню – потом, видимо испытывая симпатию к трудолюбивому парню, хвалил его мельницу и долго растолковывал ему что то про рычаги, приложение силы, и прочие вещи которые упростят парню жизнь. А так же рассказывал про механические стреляющие машины в императорском войске. Панасу эти уроки понравились – все время, пока Вестер был в деревне, он что то обдумывал, мастерил разные модельки из дерева и носил их магу для толкования результата, тот, в свою очередь, терпеливо объяснял Панасу как это работает и по каким принципам.

Между тем охотники поддались уговорам, заскужавших от безделья солдат, и взяли их на облаву на воров. Охота удалась хорошая, принесли в деревню трех убитых целых зверюг, еще пятерых подстеленных, как обычно, разорвали в клочки. Правда солдаты, которым отводилась роль наблюдателей, вернулись с трясущимися руками и стучащими зубами.

К отъезду, чудом уцелевшую экспедицию, собирали и готовили всей деревней. Оба кузнеца, работая без продыху, наковали для солдат копий с длинными широкими наконечниками и костылем в месте крепления к древку. Таким можно и колоть нанося широкие раны и рубить,

костыль же в свою очередь должен был удерживать зверя на расстоянии. Получился отличный гибрид боевого копья и охотничьей рогатины.

За день до отъезда, перед закатом, маг собрал всю деревню...

– Я обязательно приведу помощь, Императорская Академия Высших Сил сделает все, чтобы избавить мир от этих чудовищных зверей. Эти существа не могли появиться сами по себе и, посему, после моего доклада высшему совету, будут приложены все усилия, чтобы звери эти исчезли с лица империи. Единственное, что меня огорчает, это то, что у меня не получается связаться с советом немедленно, используя магию.

– Жаль такое слышать господин маг – со вздохом вступил старейшина Грен – я слышал вашему брату расстояния для общения не помеха?

– обычно да, но ваш дикий лес место, как оказалось уникальное, по крайней мере нигде раньше я такого не встречал. Течение магической силы здесь совсем другое, ощущение что один из источников... эээ... скажу проще – магия здесь действует сильнее, но медленнее и с изменениями.

– Ну что ж, остается надеется, что вы по дороге в столицу не во всех кабаках останавливаться будете, мы себя легко пожрать не дадим, но тварей этих меньше не становиться, как мы не тужимся, да и хитреют они на глазах.

– Об этом я и хотел поговорить, мне придется лично держать доклад перед советом, но добираться нам до стольного града не день, и даже не месяц, а мне очень хочется увидеть вас всех в здравии, когда я вернусь с отрядом боевых магов. Поэтому я хочу помочь вам, конечно мои силы ограничены, сила моя только в огненной стихии, но думаю одно из заклинаний вас заинтересует.

– Ты, магистр, уж не лес ли нам спалить удумал? Эту затею сразу брось, какие б тут демоны не завелись, но это наш дом!

– Ни в коем случае, к тому же, что-то мне подсказывает – ваш Дикий лес не по зубам даже его святейшему ректору академии, не то что мне. Я же хочу предложить вам наложить на всех жителей заклятие огненного глаза, позволяющего собирать даже крохотные искорки света или говоря проще – видеть в темноте. Но предупрежу сразу, моя магия здесь становиться сильнее, но подействовать может не сразу, да и искажения в заклятии произойти могут...

Взор старейшины стал отстраненным, было видно, как он уходит в раздумья, после чего он высоко поднял руку и двумя пальцами сделал приглашающий жест. Поэтому сигналу все охотники деревни молча и без задержек окружили его кольцом для быстрого совета, а женщины с детьми демонстративно сделали пару шагов назад, дабы не мешать мужчинам принимать решение. С завистью глядя на это действие, капитан имперской стражи, с присущей всем военным командирам красноречивостью, тихо пробасил стоявшим рядом солдатам...

– Видали какая дисциплина, вас чтоб так же, надо до смерти запороть, и то потом вразнобой спотыкаться будете!

– Смотрите господин капитан, красота то какая – заговорщицким голосом ответил один из солдат – жинки то какие дрессированные, а у нас генералы без наставлений жены даже на парад не ходят!

– А ну цыц мне тут! Заведешь жену, тогда и умничать будешь... ежели по дороге назад не сожрут...

Спустя пару минут Грен вышел из круга и подошел к магу.

– Говоришь ты господин маг мудрено, поняли мы, что либо сработает волшебство твое, либо уши могут отвалиться, но не суть – любой наш охотник за такой дар пол жизни отдаст, так что колдуй, дай боги в жаб не превратимся...

Улыбнувшись одними глазами, будто зная ответ заранее, маг хлопнул в ладоши и по его команде пятеро солдат принесли приготовленные вязанки поленьев и, в указанных магом местах сложили их шалашиками под костер. Вестер откинул полу своего стеганного халата

и одним отточенным движением снял с пояса, висевший на цепочке, маленький окованный темной бронзой фолиант. Еще один солдат принес ему посох и, вместе с остальными вояками, тут же ретировался на почтительное расстояние. От книги пошел мягкий свет и маг вытянул ее в левой руке на уровне груди, молвив слово. Книга сама открылась на нужной странице, свет от нее стал ярче, а потом сворачиваясь вихрем начал втягиваться в навершие посоха. Спустя пару мгновений, маг стукнул посохом о землю, и все пять костров вспыхнули, взметнув к небу высокие идеально прямые столбы пламени. На странице книги засветилась сложная фигура с рунами и символами, Вестер начал низким басом читать заклятие, и фигура отделившись от страниц поднялась вверх. Аккуратно дотронувшись до центра, начавшей сыпать искрами, фигуры навершием посоха, он поднял ее над головой и, вращая посохом, разрастил ее до размера площадки, ограниченной кострами. Плавно опустив посох на землю, маг, тем самым, заставил фигуру опуститься и ее линии идеально совпали с расположением столбов света, теперь вся фигура, как бы лежала на земле и было видно как она берет силу из магических костров.

– Ничего не бойтесь, это пламя благословенно богами и не ранит детей их – благоговейно вещал маг – встаньте кругом по периметру фигуры и смотрите пред собою.

Надо сказать, что ни свет фигуры ни пламя костров, действительно не слепило и не жгло, даже когда жители подошли вплотную и встали кругом, как просил волшебник. Дождавшись, когда все встанут на свои места, маг начал тихо нашептывать и поднимать свой посох все выше и выше, весь свет от фигуры потянулся к посоху и превратил его в светящуюся колонну. Дождавшись, когда на земле света почти не останется, Вестер резким движением ударил посохом в землю и в этот момент огненное кольцо вспыхнувшее вокруг него моментально расширилось пройдя сквозь толпу и погаснув в нескольких шагах позади замороженных жителей деревни. Несколько секунд стояла гробовая тишина, люди прислушивались к ощущениям – после прохождения стены огня сквозь них, какое-то время казалось, что тысячи муравьев бегают под одеждой, щекотят своими когтистыми лапками и пытаются кусать маленькими жвалами. Угли, оставшиеся на месте костров, моментально истлели и, нырнувшее за край леса, солнце погрузило все во тьму.

В свете первых звезд маг крутил вокруг себя головой, вглядываясь в глаза жителям деревни. Оранжевые блики уже погасших костров, на какое то мгновенье, заиграли в их глазах и погасли бесследно...

Тишину прервал идущий на гастроли хор воров, возвещая о том что настало время для их кровавого ритуала.

– Ану быстро по своим местам, разомлели тут, как медведи в малиннике! Не мне вас учить кому, что, где и куда, чтоб через уже сейчас все там где надо были!!! – громовым голосом гаркнул старейшина Грен, так что капитан солдат от зависти побелел. Даже магистр заметался во все стороны одновременно, пытаясь найти свое место, которое он должен был знать заранее.

Спустя какие то пару мгновений, стоявшие с открытыми от удивления ртами солдаты во главе с капитаном, лицезрели пустую полянку. Все сидели по своим хатам, замешкавшись мага за шкварник, как заботливые родители свое чадо, утащили Панас с Ляной, полтора десятка охотников с натянутыми луками сидели на деревьях по периметру деревни.

– Эй, вояки, ану по хатам! Мы сегодня без наживки обойдемся! – раздался гослос с одного из деревьев, и очнувшиеся от ступора доблестные имперские солдаты, стукаясь лбами, быстро упаковались в отведенные им домики.

С рассветом отряд по сбору налогов выдвинулся в обратный путь, взяв с собой несколько убитых воров для изучения их в академии. Вестер долго объяснял, что магия его не подействовала сразу, должна подействовать потом, но сильнее, в связи с особенностью здешних концентраций и еще много чего, что сразу-же вылетало у охотников из левого уха, влетев в правое. Прервал его виноватый монолог Панас, подойдя и обняв мага на прощание...

– Береги себя дядя Вестер, мы будем ждать вас!

Оторопевший от такого теплого прощания, несмотря на его неудачу, он достал из кармана маленький пустой позеленевший медный подсвечник. Поводив над ним руками, маг зажег, на том месте где должна быть свеча, белый шарик, испускавший мягкий свет и протянул Панасу.

– Это свеча мага, зажжённая однажды, она не гаснет пока маг жив, и загорается ярче, когда вспоминает про нее. Когда я буду возвращаться с магами к вам, я подумаю о ней, и она засветит ярче и станет из белой цвета закатного солнца, тогда знай – помощь в пути.

Сказав это, он с добротой и грустью в глазах посмотрел на радушных жителей деревни, и скрылся в своей повозке. А, не успели тени деревьев сдвинуться на шаг, как весь караван,двигающийся в сторону Терни, исчез за дальней рощей.

Быт деревни вернулся в свое русло, кроме непоседливого паренька мельника. Хорошо разбирающийся в шестеренках и вдохновленный полученными от мага новыми знаниями, он кинулся выполнять какую то свою задумку. Два дня он донимал кузнецов и охотников, требуя от них, то выковать штырьки из хорошего железа, то выдать ему пару костей воров добытых на охоте. Народ ворчал, но парнишку уважали и любили, поэтому в итоге сдавались и выдавали ему все необходимое.

На третий день к совместному завтраку Панас пришел с красными от недосыпа глазами и принес непонятную корягу из костей и железных штифтов, которую назвал рычажным луком.

Первым свое недовольство зря потраченным временем решил высказать Грен, хотя и делал это, на удивление, по отечески мягко...

– Парень мы с тобой уже пробовали лук делать со слоем из ребер ворга, ты если не забыл, ни один из мужиков его толком на полный вытяг взять не смог. А ты еще и, вместо тонкой полосы, целые ребра на плечи поставил. Да и вообще, что за ахинея с рычажками да перетяжками, знал бы какой фигней занимаешься, я б тебе полезное дело нашел!

– Да я же не на словах, я доказать готов, только посмотрите – возбужденно жестикулируя руками в сторону тренировочного стрельбища, оправдывался Панас.

– Все здесь на труде держится, и мы труд уважаем. Парень два дня, и судя по глазам, две ночи угробил на сию рогатину. Че бы не получилось, но вижу сделано с душой – подал голос один из охотников разведчиков – я думаю уважим парня, да поглядим. Что скажешь Грен?

– Ладно поглядим... Но ежели твоя рогатуля хуже нашенского лука стрельнет, будешь до вечера мельницу мести да жиром шестерни набивать.

После завтрака Панас в сопровождении старейшины грена и всех свободных охотников пришли на поляну, где пристреливались луки и стрелы. В ста шагах от вытоптанной площадки начиналось основание скалы, которую все величали по привычке стеной. Но камень появлялся из земли только на высоте в два роста, поэтому, чтобы не возиться с выковыриванием стрел из дерева, охотники стреляли в землю. В нужных местах были срезаны лопатами пласты дерна, а земля утрамбована и укреплена толстым слоем вязкой глины – без нее, пущенная мощным охотничьим луком стрела, уходила в мягкий грунт вместе с оперением. Глина же позволяла остановить стрелу и не давала ей погружаться больше чем на пол древка даже с полного вытяга.

– Ну кому доверишь испытание своей рогатины – с улыбкой изрек охотник по имени Хлест, который, в свое время, привел парня из разоренной деревни землепашцев.

– Я, пожалуй сам, мне только стрелу дайте потяжелее – С добродушной улыбкой ответил юный мельник.

От Грена донесся сердитый вздох разочарования, а среди охотников начали раздаваться смешки. Все помнили как Панас так и не смог натянуть их охотничий лук и близко к полному вытягу, а сделанный им по канонам землепашцев лук, стрелял тонюсенькими хворостинками, входившими в глину всего на ладонь. Тяжелую стрелу охотников с широким лезвием-срезом он ронял в лучшем случае шагах в десяти от мишени.

– Ну хоть за стрелой далеко бегать не придется – сказал охотник, протягивая ему толстую стрелу с тяжелым и широким наконечником на лося.

Все уже прокручивали в головах дела на день, а Грен планировал детали жёсткой взбучки для паренька, дабы вышибить из него дурацкие идеи и бредовые придумки.

Панас принял стрелу, аккуратно уложил ее на полку рукояти лука, взял глазами мишень и медленно выдохнул, успокаивая дыхание. Несмотря на все издевки, он был очень метким стрелком, просто, по сравнению с чудовищной силой охотников дикого леса и их луками, его умение сводилось к бросанию камней по воробьям. Взяв глазами мишень и выставив левую руку с луком, Панас плавно потянул тетиву на себя. Привязанная к длинным концам рычагов, она потянула две других тетивы, закрепленные к костяным плечам. Оторопевшие от удивления охотники, увидели как в руках, хилого по их меркам парнишки, медленно сгибаются короткие и толстые плечи лука сделанные из цельных ребер Ворга. Довольно легко отведя тетиву к скуле, Панас навел стрелу на мишень прямой наводкой, задержался на пару мгновений, а потом спустил тетиву с кончиков пальцев. Вжикнув древком по рукоятке, стрела превратилась в смазанную полоску и со шлепком вошла в самый край мишени.

Вся толпа, как стадо кабанов молниеносно переместилась к мишени, последними подошли сам стрелок и Грен, которому бегать по статусу не полагается. Растолкав столпившихся охотников, которые молча стояли полукругом около мишени, переминаясь с ноги на ногу и молча почесывая затылки, старейшина подошел к мишени. От удара наконечника в глине была воронка в три пальца толщиной, как будто ударившая как молния стрела, подобно камню брошенному в воду расплескала ее в стороны. Древко вошло в мишень почти наполовину, как будто стрелял не мальчик, а один из охотников со своего лука..

– Позволь ка братец – протянув руку сказал охотник, пожертвовавший стрелу.

– Только как рычажки параллельно земле лягут, дальше не тяните, тетивы пообрываете.

– Не бойсь, я не медведь, со всей дури дерева гнуть, а вы мужики разойдись на пару шагов.

Выйдя на позицию для стрельбы, охотник наложил стрелу и натянул лук, пустив стрелу, он отточенными движениями молниеносно отправил вдогонку еще четыре ее смертоносные сестрицы.

Стоящие рядом с мишенью слышали пять, почти слившиеся в один, громких шлепков по глине. Мишень напоминала Речной обрыв, в котором ласточки береговушки накопили своих норок, только вместо суетливых птичек из норок смотрели древки стрел.

Подойдя к остальным, дабы увидеть результаты своей стрельбы, Хлест перевел взгляд с изрытой мишени на лук в своей руке.

– Он же как прутик тянется. Мой чтоб на полный вытяг поставить, тужиться раза в два шибче надо, как так то?!

– Здесь рычаги помогают, мне про них Вестер рассказывал, думаю если его потуже сделать, как ваш, то бить должен люто.

Грен думал о том, что спать ни ему, ни Панасу теперь долго не дадут, в это время толпа охотников со щенячьим восторгом уже тащила их в сторону кузни.

– Опять ты со своей дурью парень, мне больше на твои задумки отвлекаться некогда – проворчал низкорослый широкоплечий кузнец, увидев в кузне Панаса, которого впихнули во внутрь первым.

Через мгновение в кузню почти внесли на руках главу деревни и по совместительству лучшего мастера лучших дел Грена. За ними ввалилась толпа охотников, которые набивались пока было место и чуть не развалили кузню.

Перед кузнецом на наковальню как статуэтку поставили Панаса, одернули ему рубаху, погладили по головке и даже пару пылинок смахнули, и ткнув в него пальцем, разъяснили коротко и ясно:

– Куй че пацан скажет, какую бы куйню не затребовал, куй сразу! Надо будет руды, мы стену руками разберем!

Далее все повернулись к Грену.

– Отец и на тебя надега, опыт сила великая, без тебя никак, а уж мы не подведем, ты только свистни...

– Чтоб вас белки поперебодали! – Проворчал старейшина – как дети малые, ну ка быстро с глаз моих за материалом, рогатину сами видели, что нужно уже знаете! А ты железных дел мастер уж будь ласков, выдели нам с парнишкой уголок.

– Мир с ума сошел что ли?! – в пол голоса произнес кузнец, наблюдая как охотники подобно стае кабанов ломанулись в сторону леса, некоторые даже похрюкивали от радости.

– Луки новые будем делать – спокойно объяснил Грен – сейчас материала натащат. Панас, давай образец.

С плечами разобрались быстро, задачка была не сложной. Лук должен быть в два раза мощнее, соответственно пустили на каждое плече по две реберных кости. С рукояткой пришлось повозиться. Чтоб ее в щепу не крошило, сделали из дуба, толстенную, да железом усилили. Благо охотники все в деревне здоровенные как корабельные сосны и лапищи у них соответствующие – им что прутик, что полено.

А вот за рычаги взялись только под вечер, когда Панас уже было собрался, как положено на ночь, баррикадироваться в хате.

– Ну и куда ты собрался лучших дел большой придумщик? – с ехидной улыбкой прокрипел Грен – а рогатину кто доделывать будет?

– Так дядько Грен! Ночь же! Ворги... а прибегут...

– А ты глаза разуй, да по сторонам то оглядись!

Приглядевшись к темноте, клюющий носом Панас, разглядел человек 30 охотников, оккупировавших все ближайшие к кузне деревья и крыши хат.

– Понял! Им теперь такой лук уже вчера подавай, а ты спать...

– Ладно не вешай нос, щас ужин прямо в кузню принесут, поедем и поспишь чутка, мне все равно в этих ребрах дырки под кольца до полуночи ковырять. Как закончу так и разбужу – будем рычаги думать...

Грен хоть и напоминал всем про свой возраст, но самый тугой лук в деревне натягивал не корчась, что сильно ускорило процесс. Один за другим мастера пробовали разные материалы на рычаги, и все они с хрустом разлетались при попытке согнуть двойное плече лука. А один раз оборвавшаяся тетивой хлестануло по ноге, стоявшего рядом кузнеца. Так, несмотря на кожаный фартук, он выпрыгнул наружу через перила кузни, и долгое время в словестной форме на весь поселок показывал глубину своего внутреннего мира.

Материал подобрали только под утро, поставив рычаги из берцовой кости ворга, и ясеня.

К полудню следующего дня, спотыкающийся от усталости, но гордый своей полезностью, Панас вынес готовый лук, и вручил его Хлесту, который взял его из рук юноши трясущимися от нетерпения руками.

– Дядько Хлест, первый вам! Старейшина разрешил мне выбрать, а вы меня от воров спасли, да у горняков не бросили...

– Спасибо парень, как чуяло сердце мое, что пригодиться нам голова твоя светлая – с отеческой улыбкой сказал охотник.

Лук был хорош – металлические пластинки на ручке натерты до блеска, а на рукояти красовался символ деревни – дубовый лист с отпечатанной на ней волчьей лапой. Все детали были отполированы, а деревянные части пропитаны маслом. Все три тетивы были плетеные косичкой, что считалось у лучников верхом красоты. Сразу чувствовалось вмешательство старого мастера, который на неукрашенный лук стрелу накладывать никому не позволял.

На стрельбище высыпала вся деревня, мужики притащили вместо мишени тушу убитого недавно вора. Хлест с кровожадной улыбкой потянул стрелу из-за спины, уже держа глазом мишень. Когда, не без усилия, натянул лук с наложенной стрелой, он сказал нервно переминаящемуся с ноги на ногу Панасу:

– Войдет глубже чем на ладонь и ты герой парень!

Жители деревни задержали дыхание, он спустил тетиву и сразу же послал вдогонку еще две. Ко всеобщему огорчению, все три стрелы вихляя хвостами как пойманная рыбка, разлетелись в разные стороны и по втыкались в землю под разными углами. Стрелок удивленно глядел на лук. По толпе зевак пошел ропот, а Панас начал активно бледнеть.

– Ну как то так я себе это и представлял – выйдя вперед, абсолютно спокойно сказал Грен.

– Держи. Лук луком, но стрела должна быть под стать.

С этими словами он протянул две новенькие стрелы, которые больше были похожи на легкие дротики. Вдвое толще и без того мощных и тяжелых охотничьих стрел, с оперением из целого гусиного пера и наконечником, больше напоминающем по размеру кортик имперского солдата.

– Ну ты даешь староста! Это ж копьё целое...

– Меньше слов, больше дела! Пробуй – ишь народ волнуется...

Спущенная с тетивы стрела с шипением превратилась в смазанную полоску. Туша вора, поставленная в шаге перед мишенью, слетела с поддерживающих ее рогатин. При ближайшем рассмотрении оказалось, что зверюгу сдернуло с подпорок, просадило насквозь и пришпилило к глиняной мишени. Наконечник на входе, хоть и вошел между ребер, но на выходе сломал противоположное ребро и, не потеряв убойной силы, вошел в глину на ладонь.

Радостный боевой клич охотников, как гром пронесся над деревней, после чего всех троих оружейников толпа долго подбрасывала в воздух, несмотря на крики Грена с требованием поставить его на землю как было, пока он их – лосей бешенных всех палкой не оприходовал!

Радостное событие, обещавшее показать лесным демонам где раки зимуют, перетекло в шумную вечернюю гулянку с хмельным медом. Которую прервал плохой новостью сам Панас. Забежав ненадолго в хату, он вернулся бледный и с мокрыми глазами. Протянув на раскрытой дрожащей ладони к, уставившимся на него, гулякам маленький медный подсвечник, он сказал:

– Свеча Вестера погасла. К нам никто не придёт...

ГЛАВА 6

Пройдясь вдоль величественных дубов, приютивших на себе дома охотников, старейшина Барг сделал еще один шаг и очутился в другом мире. Выйдя из под кроны деревьев на поляну, он с удовольствием подставил лицо лучам восходящего солнца.

Теплые ласковые лучи приятно щекотали кожу и прогоняли ночные тревоги. Солнце уже начало подсушивать росу с длинных стебельков и травинок. Барг глубоко вдохнул теплый сухой воздух, наполненный ароматами луговых трав, и так отличающийся от влажного и прохладного лесного.

Поляна начиналась от каменной стены шагов на пятьсот. С одной стороны она граничила с их дубовой рощей, в остальных местах разношерстный молодняк деревьев, за которым виднелась стена великанских елей, окольцовывал поляну. Посредине журчала маленькая речушка, выбивающаяся тремя родничками из стены, и петляющая по полянке. В месте где ручейки падают с камня, образовался небольшой затон, где жители соорудили пару мостиков для набора воды и стирки. Детишки уже всю черпают кристально чистую воду и наперегонки, шлепая босыми ногами по утоптаным тропинкам, бегут к жаровням, где их матери хлопочут над завтраком.

Тут же от затона начинается тропка навверх по стене. После завтрака по ней поползет вверх семейство солодела. До самого заката они будут черпать ведрами на веревках морскую воду и поднимать ее на плато. После чего наполнять лосиные шкуры натянутые на кольях. Остальную работу сделает солнце, испаряя воду и оставляя соль, так необходимую для заготовки провианта на зиму и выделки шкур.

В пятидесяти шагах к западу начинается вытоптанное до состояния камня стрельбище, где охотники пристреливаются, и собирают комплекты стрел. Как не будут стараться мастера, но каждая стрела, как говорят охотники, по своему хвостом машет. Поэтому перед выходом в дикий лес надо подобрать стрелы схожие по поведению. Хоть каждый добытчик деревни и уходит в лес налегке, но все что он взял с собой всегда доведено до идеала – наточено, проверено, подогнано и приторочено так, чтобы не мешало двигаться и не шумело, иначе – не жилец!

За завтраком, все обильно обсуждали ночное нападение старика вора, радуясь, что не пришлось пускать в ход пахучее зелье, после которого несколько дней в роще глаза резать будет от ядовитой вони.

Повадки своих лютых врагов мы уже знали досконально. Старых зверей, не способных поддерживать ритм стаи, отправляли напрямик на наши луки, в надежде что перед смертью успеет сбросить вниз своим сородичам пару вкусных человечков.

После завтрака Баргу, как обычно, не пришлось давать указания. Жители быстро занялись своими обязанностями, ведь от каждого дела, зависела жизнь всей деревни. Старейшина просто одобрительно кивал, встречаясь взглядами со своими погруженными в дела односельчанами.

Женщины и дети собирались в группы и, дождавшись лучника для охраны, уходили в лес за ягодой или хлебным грибом. Охотники, проверив снаряжение, уходили своими тропками на проверку силков и ловушек. Трое лучников с плетеными из бересты мокроступами уходили вдоль речушки к болоту на лося.

Вся деревня была при деле, кроме трех спящих в своих хатках филинов: Ждана, Пяста и Арна. Эти стрелки, видящие в ночи аки днем, были на особом счету, весь быт деревни крутился вокруг них, чем они слегка, а местами и сильно подбешивали старейшину Барга.

Давным давно, после отъезда мага Вестера и его обряда, в деревне начали изредка рождаться мальчишки с оранжевыми как у филинов глазами. Видимо, маг оказался прав, и заклинания в диком лесу действовали не сразу, но зато мощно и навсегда.

Первый малец днем ревел без продыху, и все вдоволь намучались, пока поняли, что мальчугану больно глазам от яркого солнечного света.

За то ночью его глазки с оранжевыми радужными оболочками видели всё аки днем. Естественно будущее ребенка было предрешено, как и всех детишек рождающихся с такой особенностью. Кличка тоже прилипла сама собой, так как других ночных охотников с оранжевыми глазами в наших лесах акромя филинов не водилось.

И стали филины ночными стражами Браконьерской деревушки и ее спасителями. Это благодаря им, дежурящим на деревьях по ночам, вовремя поднимались тревоги и зажигались защитные костры. Благодаря их ночному зрению были отбиты жуткие набеги крупных стай, это они дали нам время подготовиться и переселиться в дома на деревьях до того как всю деревню сожрали.

Сейчас в обязанности филинов входит ночное дежурство для защиты поселения, встреча припозднившихся охотников, выбегающих потемну из леса со стаей воров на пятках и, собственно, охота на поганых серых убийц. Последнее дело крайне опасное, и именно оно и забирает филинов из мира живых в мир духов на воссоединение с пращурами. Но и обойтись без нее мы не в состоянии – луки, наконечники стрел, ножи, все это делается из костей этих тварей. Да и все остальное идет в обиход, от жил на тетиву, до сверхпрочных шкур на одежду охотникам.

Вот и выходит, что как не стараются все жители деревни сделать для филинов лучшие стрелы, пошить крепкие сапоги, да положить в миску лучший кус из котла, но до старости эти ребята не доживают, так как долго дергать смерть за усы не дано никому.

– Кроме этого, доводящего меня до сердечного удара, поганца – подумал про себя Барг, услышав у себя за спиной сильное мерное дыхание. После чего напустил на себя сердитого виду и обернулся:

– Сколько можно уже беззвучно у меня вырастать за спиной, ты не в лесу, а я не пещерный медведь, ко мне можно и спереди подходить!

Вместо строгого командного голоса, у старейшины вышла полу просящая интонация...

– Опять рявкнуть на него не получилось – разозлившись, подумал про себя Барг – как отмерзает язык и размягчается луженая плотка рядом с этим охотником.

– Ну чего встал, не спиться сладенько до вечера? – прыснул кислотой старик и тут же потупил взгляд, устыдившись своих слов – это, пожалуй, единственный филин который и ночью на посту и днем при деле. Да и сегодняшний дохлый ворг его заслуга, не говоря уже о том, что за последние два десятка лет, каждый второй в деревне ему жизнью обязан.

– Прости старика Арн, клятый светлыми богами ночной гость перебил старческий сон, вот и говорю всем гадости с недосыпа почем зря – затараторил старейшина.

– Я по нему и говорить пришел старейшина. Горшочек ты ночью бросить хотел, а на них надежды уже мало, отогнать отгонит, но как раньше, сломя голову, бежать не будут. Да и ежели кровь учуют, могут и пересилить. Надо ведьме нашей нести, пускай опять забористой делает, да и яд на стрелы опять действовать перестает, пущай новый варит.

– Скоро она меня старика в этом вареве искупает, который раз прошу ее рецепт новый придумывать, она уж извелась бедная, чего добавить не знает...

– На то она и ведьма, чтоб травы ведать, она баба умная – придумает что-нибудь. Мое дело малое, предупредить пока не поздно.

– Знаю я твое малое дело, стаи то каждый вечер воем перекличку делают, кто где охотиться будет оповещают. Так ты своими малыми делами три колчана травленных узких стрел в лес уволок за неделю, а я двух стай на перекличке не досчитался вчера. Так что не скромничай, лучше скажи бортникам где шкуры собирать.

– Я воров в прошлый раз с запасом набил как просили, надо будет сам еще пару принесу. А про те две стаи забудь, далеко они, не успеют наши до вечера обернуться, сгинут.

– Тфу ты, побери тебя Чернобог, я ж просил тебя – далекими вылазками не рисковать. Сам знаешь, как все бабы в деревне на тебя молятся за то, что их мужики целыми из лесу возвращаются. Сгинешь, они меня со свету сживут, и на этих двух оставшихся сонных тетерь охрану не оставишь – пожрут всех, лес листья сбросить не успеет как сожрут!

Укрытое, надвинутым на глаза капюшоном, лицо филина Арна потемнело, глаза же наоборот нехорошо сверкнули:

– До меня деревня жила не переводилась, а я раз пошел, значит мне не опасно было, да и свои у меня с ними счеты, не тебе старый охотник нас рассчитывать!

И, подцепив с земли два туго набитых свежими стрелами колчана, направился в сторону стрельбища отстреливать стрелы, чтобы отобрать себе десяток подходящих.

Барг смотрел в спину удаляющемуся охотнику, и в, очередной раз удивлялся, тому что ни поднять голос ни перечить этому филину он не в состоянии. И дело не в его высоком росте, широченных плечах или толстых как бревна руках, перевитых крепкими как дубовые корни жилами. Просто где-то глубоко, под всеми его знаниями и пониманием, что Арн обычный человек и отдаст жизнь за жителей родной деревни, его душонка трепещет перед этим человеком, трепещет от страха. Какое то животное чутье подсказывало мудрому старосте, что душа этого парня не от мира слабых людей, а от мира тех ужасных ночных чудовищ, незнающих пощады. И ему надо благодарить богов, за эту душу, поставленную на его сторону, в этой борьбе за выживание в мире жестоких богов и лесных чудовищ.

Направившись к стрельбищу, Арн сильнее надвинул на глаза капюшон – солнце поднималось выше и начинало светить ярче. Как не тренировал охотник свое зрение, приучая глаза к дневному свету, но в такие яркие дни глаза начинали предательски слезиться от буйства ярких красок. Из-за чего четкость контуров слегка размывалась, создавая впечатление, как будто весь этот яркий мир заволокло таким же ярким и светящимся изнутри туманом.

– Спасибо папа – тихо пробормотал себе под нос Арн, вспоминая своего старика, заставлявшего его каждый день тренировать слух и обоняние.

В такой солнечный день он хорошо видел шагов на восемьдесят, а дальше все начинало расплываться и прятаться за цветным туманом из переплетения ярких красок. Но уже сейчас, ловя носом ветер с той стороны, он различал троих стрелков, знал их имена, ведь в запахе каждого примешан запах своей хаты, своей хозяйки и детишек. А по запаху пота можно прикинуть кто уже давно тут трудится.

Слух тоже в долгу не остается, скрипение луков, сопение, звон тетивы и шлепки по глиняным мишеням, все это позволяет полностью дорисовать в голове картинку – кто где стоит и чем занимается.

Сейчас на поляне для тренировок была тройка лосятников. Охотники у нас всегда были разбиты на небольшие сработавшиеся группы, сами того не подозревая, приняв структуру небольшой диверсионной армии, действующей на территории, оккупированной противником. Двое из них явно отрабатывали скорость стрельбы, стараясь как можно быстрее опустошать свои колчаны, третий явно пристреливал новый комплект стрел, судя по его неторопливой стрельбе и старанию держать ровное дыхание и одинаковый вытяг на каждом выстреле.

– Здоровы будете братья – пробасил Арн проходя мимо охотников в сторону свободной мишени.

После легкого шараханья, от того что этот здоровяк опять беззвучно вырос за спинами, от стрелков последовали разнбойные приветствия. При этом все трое изобразили вежливый поклон, ни чуть не смущаясь, что собственно объект приветствия уже прошел и находится к ним не парадной стороной. Во первых глаза у него как поговаривают и на затылке растут, а во вторых он от этого только надувается, как туча перед грозой.

Арн и правда чувствовал себя неуютно, когда односельчане с тронутой сединой висками склоняли перед ним голову в приветствии, это шло вразрез с правилами уважения старших,

которые прививали ему родители. Да и носились с ним все как с инвалидом каким ни будь: хату постоянно убирают без спросу, одежду постоянно новую подпихивают, старую затаскать не успевает... Вон опять мишень его берестой березовой белой выстелили, чтоб он её даже днем больше чем за сто шагов видел, даже три кружочка черных на ней углем уже нарисовали.

Да и односельчане, уже рукой махнули ему своё поведение растолковывать. Староста Барг говорит – они совести своей кланяться, в голову не бери.

Просто трое охотников стоящие рядом на стрельбище, все еще на этом свете, по его заслуге. Один из них на охоте ногу вывихнул, а друзья пока помогали, поняли, что их уже по сумеркам ворги охотят. И посему, разорванными им быть прям на глазах родных, так как только из леса выбежать к деревне и успевали, да только пятерым самым шустрым этот филин по стреле в шею засадил, после чего стая как туман меж деревьев растворилась. Дочки две у старшего этой троицы в лесу бортничали, да заплутали. Когда хватились уже поздно в лес соваться было, только Арн умудрился в ночь скользнуть в обход слова старосты, да найти девчушек раньше диких тварей. Затащил на дерево и за ночь угомонил много любителей человечки, лезших на дерево. Одна из дочек правда зайкой так и осталась, нагляделась за ночь, за то живые, на радость родителям. Да и из леса пулей вылетают теперь, как только тени удлиняться пред закатом начинают.

Для Арна это нормально, что день, что ночь, то чью-нибудь душу раньше срока к богам не пустит – мол работа такая. А для его односельчан, это дар богов да подарок небес, что все живы остались. В общем, Арн с этим бороться перестал уже, а жители деревни его благодарят так, чтоб самим перед собой не стыдно было.

Поставив Перед собой два стоячих колчана, которые напоминали, скорее, ведерки из лосиной кожи и вмещали по 50 толстых стрел каждый, филин достал из-за спины лук, и занялся его проверкой. Благодаря рычажной конструкции снимать тетиву с наших луков надобности не было, её не вытягивало, но вот все подвижные соединения, целостность плеч и тетивы, проверять надо обязательно – лопнувшая тетива может расцезать мясо на руке до кости, не говоря уже о том, как может покалечить разлетевшееся на осколки костяное плечо лука.

Соседи по стрельбищу замороженно и с завистью наблюдали за этой картиной. А причин для зависти было много...

Во первых, этот ночной страж деревни два месяца гонялся за здоровенным переростком – вожаком стаи воров, что бы в итоге подстрелить его и сделать из его ребер этот лук. Лук Арна любой охотник в деревне мог натянуть со стрелой раз десять, максимум двадцать, дальше либо жилы в руках трещать начинали, либо пальцы на правой обещали отвалиться – настолько он тугой и мощный. Арн же, сейчас выпустит два колчана по пятьдесят стрел, а потом еще половину из них будет перестреливать раза два, три, чтобы отобрать три десятка идеальных в свой колчан.

Ну а во вторых, все стрелы были сделаны мастером Хойдом, который уже давно к охоте не пригоден по возрастной немогности, за то, теперь его все знают как лучшего мастера стрелодела в деревне. Старый Хойд делал стрелы только из лично выбранной лиственницы и, в основном, только для филинов. Охотникам они перепали только самым лучшим и метким.

Мастер напильничал древки до состояния гладкого женского бедра, отбирал одинаковые перья на оперение, а каждый наконечник взвешивал на самодельных весах, на одной из чашек которых всегда лежал идеальный образец. Так что охотники, получив такие стрелы, берегли их только для встречи с особо редким экземпляром, которого отпустить, ну никак нельзя.

А самое главное, пожалуй, это то, как стрелы филина улетали в выбранную цель, с непостижимой скоростью и точностью. Казалось будто стрелять для него более привычно, чем дышать. Стояло ему взглянуть на цель, и, совершенно не задумываясь, руки сами накладывали

стрелу, натягивали лук и спускали тетиву. Оторопь брала при мысли – сколько надо провести времени в тренировках для такого автоматизма и расчетливости движения.

Через два часа в походном колчане красовались 20 свеженьких отобранных стрел, которые и в цель ложились одинаково и хвостом после выстрела не виляли сильно, чтоб скорость не терять.

Один из колчанов стоял на траве почти полный. Кивнув в его сторону филин сказал:

– Ждан с Пястом как из своих хат по выползают, пусть сами себе настреливают стрелы, а то за лук скоро забудут как держаться. Так что стрелы не убирайте, ежели уходить будите, а они не явятся еще, то молодого своего отправьте к ним.

– Сделаем филин, будь спокоен – ответил старший отряда.

– Да и вот еще, во втором колчане десятка два стрел старику Хойду закинете, мне шас не в его сторону, а вы мимо пойдете. Скажи старому, мол древки мягковаты, молотят хвостами по воздуху, как уж на сковороде. Да, и там с десятков на траве лежит отдельно, себе возьмите, они со срезнями летать должны шибко хорошо, узкий наконечник им легковат, а ваши в самое оно встанет.

– Благодарю Арн, у нас хойдовские стрелы в большом почете, её когда на лук накладываешь, всегда летит куда поцелил! – радостно сказал старший уходящему в сторону опушки ночному стражу.

– Знаю, только никак старый учеников натаскивать не хочет, чтоб такие в каждом колчане были. Вы, мужики, занесли бы старику рябчиков, либо поросенка полосатого. Старому Хойду лосятина уже не по зубам, а так на радостях вам глядишь да настрогает по по десятку добрых стрел то.

Охотники не успели поблагодарить филина за совет, как он перешел на бег и, спустя пару мгновений, его фигура уже карабкалась по узким тропкам на вершину стены.

– Пусть думают, что по делам слоняюсь по деревне, старейшина лишь бы не попался, не до его проповедей сейчас – думал Арн, выбираясь на плоскую поверхность стены.

Здесь он взмахом руки поприветствовал семью Солодела, которые, как раз готовили к спуску несколько шкур, обильно покрытых кристаллами соли, и быстрым шагом отправился к кромке плато. Подойдя к тому месту где плато обрывом ныряло вниз, он какое то время постоял на соленом ветру, любуясь мощью водяных великанов, раз за разом обрушивающихся на основание скалы, а затем вздохнул и пошел к противоположной стене площадки. Дубы, на которых располагались хатки, вплотную подступали в этом месте к стене и с крайнего из них, был протянут мосток прямо на стену. От этого крошечного уступчика, тянулся канат, он был привязан к деревцу, крепко зацепившемуся корнями за трещину в скале, и так, петляя между такими деревьями, он шел до самого плато, образуя тропу.

Спустился быстро, упиравшись ногами в крохотные уступчики и держась руками за канат, затем, миновав несколько мостков, незаметно шмыгнул в свою хатку. Здесь в полумраке он с облегчением откинул капюшон и осмотрел свое жилище. Его небольшой домик на дереве был скорее холостяцким логовом, нежели домом – здесь не было широкой спальной полки для хозяина с хозяйкой и маленьких для детишек и не было шкафов с домашней утварью. Его жилище было очень простым – под потолком гамак из цельной медвежьей шкуры, стол со стулом для работы и стены увешанные стрелами, частями луков, ремнями, походными сумками, инструментами и вообще всем, что может понадобиться для ремонта и изготовления охотничьего снаряжения.

Не теряя времени, Арн выложил на стол отобранные им стрелы и снял со стены еще один колчан, также вывалив на стол его содержимое. Достав из одной из сумок небольшой горшочек с узким горлышком, он снял с него пробку и поставил в центр стола. И подтащив поближе странного вида подставку из оленьих рогов, сам уселся за стол. Поочередно макая наконечники стрел в горшочек, он выкладывал их сушиться на подставку, а обработав все четыре десятка

стрел, он развернул подставку наконечниками к стенке, чтобы не поцарапаться об отравленный наконечник самому и занялся одеждой.

Раздевшись, он проверил всю одежду на наличие дыр или отрывающихся пуговиц и пряжек. Чательно осмотрел сапоги и переключился на проверку рюкзака, и всех ремней да перемычек. Перед самым уходом, он максимально пристально проверит свой чудовищный лук, от тетивы до колышков, крепящих рычаги к плечам.

Такому серьезному подходу к мелочам долго учил его отец, день за днем твердя ему – каждая мелочь может убить тебя, или спасти тебе жизнь. Отец, вообще казалось, был с ним всегда, сколько он себя помнил.

Когда в семье простого охотника по имени Лард, родился мальчик с оранжевыми глазами филина, его мать рыдала не зная утешения – филин был спасителем и защитником всего поселка, его и его родителей уважали все от мала до велика. Но, обычно, он не переживал своих родителей, попадая в итоге на клыки проклятых лесных демонов.

Охотники с женами цацкаться не привыкли – поревет да перестанет, как вода в голове кончится. Лард же в своей молодой жене души не чаял и, поэтому, поклялся ей, что их сын проживет свою жизнь всю, не отдав не мгновенья ни воргам, ни богам подземным, и он об этом позаботится, чего бы ему это не стоило.

С трех лет мальчик уже бегал вместе с отцом вдоль речки держа в руках маленький лук, охотился на лягушек и водяных крыс. Лард постоянно придумывал новые игры с луком для сына, чтобы стрельба мальчишке не надоедала, постоянно напоминая – не главное попасть, главное правильно выстрелить.

В итоге, к семи годам, когда охотники только начинают учить сыновей, как за лук браться, малец уже бил белку с сорока шагов первой стрелой, а когда первая стрела вонзалась в цель, вторая уже слетала с тетивы. И, что удивляло, этот маленький семилетний мальчик, всегда добивается своего, видимо не зря Лард каждый день твердит сыну – ты должен все обдумать сынок, каждая мелочь может убить тебя, или спасти тебе жизнь...

Облачившись назад в портки и жилетку с грубой кожи, Арн накинул на спину горб-рюкзак с притороченным колчаном, который он же сам и придумал. В отличие от обычных, этот был сделан из четырех узких колчанов сшитых вместе, в него и стрел помещалось сорок штук, да и болтаться они не начинали по мере опустошения оного. Надел на руки и плотно зашнуровал кожаные наручи из кабаньего панциря, попутно проверив плотно ли сидит в ножнах нож с лезвием в две ладони, пристегнутый к левому наручу.

К поясу справа и слева надежно закреплены в специальных ножнах два клыка – такое оружие у нас только филины используют, говорят давным-давно уцелевшие горняки их клювцами называли, мол солдаты такие против закованных в броню противников применяют. У нас же, это деревянная рукоять в полтора локтя с кожаной петлей со стороны рукояти и заостренным ребром ворга поперек древка с другой. Получается как кирка рудокопа с одной стороны и как молоток с другой. Филины такими воров ловят, можно сказать на себя. Залезают на дерево со стволом поглаже, чтоб вору медленней лезть было, и ждут стаю. Если ворг к охотнику подбегает, то он его либо тупой стороной по морде, чтобы скинуть, либо привязывает за кожаную петлю веревкой к дереву и втыкает острым концом в шею, так чтоб ворг упал и повис, не долетев до земли. Иначе его своя стая на клочки разорвет в момент. Надо ли говорить, что под такой вид охоты этих тварей и ловкость и храбрость иметь надо немалую, иначе сам добычей окажешься.

Арн проверил – легко ли достаются из чехлов клыки, еще раз проверил не шатаются ли острые ребра на древках и подбив один из клиньев сунул их обратно в чехлы. На его клыках, к слову, уже больше десяти зарубок на каждом – то ли боги его берегут, то ли он этими клыками сам как бог войны секирой орудует...

Затянув все ремни и шнуровки, он попрыгал и покрутился по комнате, и убедившись, что лишних звуков нет, и ничего не болтается, накинул на спину шкуру ворга с капюшоном, аккуратно продев стрелы в специальную прорезь. После чего вышел из своего дома и, спустившись с мостков, побежал в сторону ближайшей стены леса.

Лук и стрелы приторочены за спиной, так чтоб не повредиться, а по груди и плечам и ногам с силой хлестают молоденькие ветки с сочной зеленью.

Любой житель деревни старался ходить по лесу не задевая лишний раз ни единого листочка. Когда сам охотишь, чтоб не спугнуть, а коль дары леса собираешь, чтоб не приманить зверя. Да и следы звериные читать легче, если с людскими распутывать не надо. Охотники, обучая своих сыновей распутывать следы, очень любили приводить их на то место, где Арн заходил в лес. А потом, с хитрой ухмылкой, выслушивали от сконфуженных юнцов версии про летающего вепря или лося, который ломился сквозь чашу как таран, но потом видимо подпрыгнул и улетел, ибо на земле ни одного следа вдруг не стало...

И сейчас филин двигался прикрыв лицо рукой, тараня молодые деревца, как бегущий лось. Хлыстающие по нему ветви оставляли на нем частички росы, блестящие ниточки паутины, и капельки зеленого сока, вместе с тем вышибая из охотника запахи человеческих жилищ, дыма и всего, что связано с деревней и может насторожить лесных обитателей. Получив достаточное количество оплеух от веток, Арн сменил походку и растворился в лесу – ни одна ветка больше не смела шуметь когда охотник пробежал рядом и, даже, листья перестали шуметь под подошвами его сапог. Казалось лес радостно принимал одно из своих созданий в свои объятия, растворяя его в себе и делая частью этого гармоничного и таинственного мира.

Лук и стрелы пусть остаются за спиной, часть амуниции вообще осталась лежать в его хатке. Он не собирается стрелять ни для добычи, ни для защиты. Ворги еще сидят по своим логовам, пережидая день, а обычные хищники давно перестали пытаться напасть на этого человека, видимо ощущая своим животным чутьем более опасного зверя в этом двуногом.

Сейчас его интересуют только следы – следы стаи воров. Будут ли они там где он ожидает их увидеть. Но для этого нужно торопиться, и следить за дыханием, потому что Арн уже не бежал охотничьим шагом, он летел – летел как тигр настигающий оленя. Его интересует овражек на границе темнолесья и старой дубравы, и тропка следов на дне этого оврага. Так далеко ни один охотник сейчас от деревни не уходит – бежать сюда надо с рассвета, а успеть только к закату на свои похороны. Но филин не обычный человек, он ночной убийца, а целью его сегодня должны стать целая стая других ночных убийц. Вот и бежит Арн как выпущенная стрела, в бешеном темпе, на который никто из его односельчан не способен, ибо Солнце давно пересекло горизонт и сейчас неумолимо катится по наклонной, намереваясь нырнуть в кроны далеких лесов и отдохнуть там до рассвета.

Солнечные лучи, изредка пробивающиеся к земле через кроны деревьев великанов, начали окрашиваться в закатные цвета, а значит в лесу скоро наступят сумерки и путь назад уже закрыт.

Слабое журчание в корнях великанского дуба и, почти осязаемая, прохлада доносятся до охотника. Арн переходит на шаг и останавливается около чистейшего ручейка, прыгающего по корешкам и убегающего в ближайший овражек. Это последний шанс дать гудящим ногам отдых и перекусить перед ночной охотой, дальше будет уже не до этого.

Первое, что хочется сделать, это припасть к ручью и пить, пока в животе не начнёт булькать, вот только после такой пробежки это самоубийство – к утру захрипит горло, а к полудню начнется жар, так что пока придется довольствоваться терпким травяным настоем из фляги. Он хоть и не такой приятный на вкус как ключевая вода, зато хорошо бодрит и отлично утоляет жажду – один из очень полезных рецептов деревенской ведьмы травницы, которому она научила всю деревню.

Со скоростью белки Арн взбирается в крону дуба. Что что, а лазить по деревьям приходится быстрее чем бегать, иначе за территорию деревни лучше не соваться. Для воргов конечно еще рано, но береженного боги берегут. Во первых, дикие коты не кидаются, если добыча не на земле, во вторых все зверье сейчас начнет бежать в сторону своих укрытий и сходов, не разбирая кустов и преград.

Стоило только филину устроиться поудобней в кроне, как в подтверждение его мыслей, под деревом пробежал здоровенный пещерник. Это зверюги в которых превратились местные медведи. От обычных их отличают здоровенные передние лапы и удлиненная голова с огромной пастью. Они выкапывают себе небольшие пещеры в скальных трещинах или между корней деревьев, чтобы нельзя было сделать подкоп сбоку или сзади. Если ворги полезут в такую нору, то нападать они смогут только спереди и по одному, а, так как пещерник одним ударом своей гигантской лапы им голову расшибает, то хитрые твари быстро смекнули, что в эти норы соваться не стоит. Но и пещерник знает, что не окажись он к закату в своей норе, и стая воргов разорвет его в мгновение ока, вот и бежит этот зверь к своей норе, не обращая внимание на присутствие запаха человека. Как впрочем и остальное зверье великого леса. Вся живность обитавшая в этих краях, либо научилась лазить и скакать по веткам деревьев, либо зарываться в землю, либо уходила на ночь на болото, как это делали лоси.

Перекусив куском вареной лосятины, завернутой в лепешку грибного хлеба и запив остатками травяного отвара, Арн прислушался к телу. Дыхание снова было ровным, ноги перестали гудеть и готовы к последнему броску на сегодня. Он в три прыжка оказался на земле, наполнил опустевшую фляжку водой из ключа и, закинув её в рюкзак, побежал в сторону приречья.

Когда последние солнечные лучи растворялись в зеленых кронах, филин уже сидел на дне оврага и вглядывался в скрытую высокой травой звериную тропу. Так и есть, следы свежие, значит тропа патрульная и стая пробегает здесь каждую ночь. Довольно хмыкнув, Арн нашел взглядом, выбранные им заранее два дерева с пышной кроной, растущие на краю оврага на расстоянии пяти шагов друг от друга. Оба лесных великана тянулись высоко к небу и имели большой рост и толстые ветви, что давало охотнику возможность маневра. А на случай, если его стрелы будут усмирять тварей медленнее чем нужно, остается возможность перепрыгнуть на соседнее дерево – лазить и с дерева на дерево, с ветки на ветку у нас с детства учат, без таких навыков в наших лесах долго не гуляют.

Подбежав к деревьям, он, подобно дикому коту, скользнул вверх по стволу и уже через пару секунд был на первой стрелковой позиции. Она давала максимальный сектор обстрела оврага и возможность уверенно держать равновесие при стрельбе.

Арн, в очередной раз, пробежался глазами по ветвям, служившим ему лестницей на вторую позицию в середине кроны – перелазить туда надо будет так, будто вырос на этом дереве. Он бы с удовольствием потренировался в этом заранее, доведя процесс до автоматизма, проведя последние пару подъемов с закрытыми глазами. Но оставить здесь свой запах и предупредить стаю, было непростительной ошибкой. Поэтому все тренировки и план охоты пришлось многократно прокручивать в голове.

Переключив внимание на тропу, он уже представлял, как появляется стая. Их стая отличается от волчьей, как отряд головорезов отличается от группы промысловиков-добытчиков. У волчьей братии старики идут впереди, задавая ритм движения, а самки двигаются в середине под защитой сильного авангарда спереди и арьергарда сзади, и все это под присмотром вожака, замыкающего строй. Стая воргов представляет из себя сплошной бешеный авангард, не знающий жалости и нападающий без промедления. В конце стаи бежит вожак, которого прикрывает с боков и сзади небольшой арьергард из пяти – десяти самых сильных и опытных воргов.

Такое построение стай оптимально для быстрой атаки с учетом того факта, что сильнее зверя нет. Однако, последняя стая чуть не отправила его на встречу с праотцами, оставив небольшую группу самых опасных серебристых воров в стороне, для внезапного нападения.

Помнится, старейшина Барг устраивал за ужином вечера знаний и читал, а где-то пересказывал по памяти, наполовину истлевшие книги. И, читая обрывки древней кожаной книги про войны империи, он рассказывал про засадные полки, которые назывались резервом.

Видимо лесные демоны оказались тварями начитанными и, в дополнение к походному боевому строю кочевников, решили обзавестись засадным отрядом из серебряных хвостов. Это самые опасные бестии – ворги пережившие более пяти зим и пожравшие достаточно как людей, так и своих сородичей, вперемешку с прочим зверьем, обзаводятся светло серой полосой от холки вдоль хребта и до кончика хвоста. Охотники этих тварей называют серебряными хвостами и пытаются поцелить их в первую очередь, так как эти бестии очень опытные, хитрые и расчетливы в каждой атаке и в каждом движении.

Арна от встречи с таким резервом спасла удачно выбранная позиция и молниеносная работа клыками-кирками. А вот Ждану и Пясту так не повезло, организовав засаду на лесных тварей, они потеряли трех охотников из пяти, ушедших с ними в лес на воров, когда такой засадный отряд из семи серебряных хвостов внезапно вступил в дело в тот момент, когда, казалось, со стаей уже было покончено.

В этот раз он будет готов к их появлению. И не снимет стрелу с тетивы до тех пор пока последняя бестия из этой стаи не отдаст свою кровь этой лесной земле.

От всех этих мыслей голова начала разогреваться как кузнечный горн. Арн протяжно выдохнул воздух и дал себе установку на прекращение планировки и просчета событий, дабы очистить голову.

– Все, планировать и прикидывать поздно – все прикидки иже сделаны и что то менять поздно, хочу я этого или нет.

Настало время рефлексов, руки, ноги и глаза знают своё дело и сделают все, как всегда, быстро и точно. Приятная дрожь прошла по телу – смесь предвкушения сладкой битвы, где каждое его движение будет смертоносной карающей молнией для поганых тварей, и привкуса страха перед смертельной опасностью, ведь лесные демоны не простят даже крошечной ошибки.

В дали раздается протяжный боевой клич вожака движущейся к Арну стаи, и он, вытянув из колчана стрелу, плавным движением кладет ее на тетиву лука. Сквозь тонкую пелену поднявшегося над деревьями тумана показался край месяца, залитого багряно красной краской.

– Даа. Именно такой я тебя и ждал сегодня – плотоядно прошептал охотник покосившись на выкупанный в крови серп луны. И хищная улыбка заиграла на его лице обнажив крепкие зубы лесного человека, который, как и его предки до лохматого колена, на гарнир к мясу привык есть мясо. Слегка увеличенные клыки (а по мнению обычного горожанина – не слегка) превращали улыбку в радостный оскал лиса, пролезшего в курятник. Оранжевые глаза разгорались в ожидании, окончательно дополняя образ зверя – которым способен стать лесной человек.

Арн слегка натянул тетиву лука, ощутив приятную упругость, говорящую хозяину насколько его лук силен и смертоносен. И в этот момент из, почти наступившего, состояния боевой эйфории его плавно начал вытягивать далекий шум. Шум слышный только очень чуткому уху ночного охотника, но плавно нарастающий и приближающийся. Он мягкий и совсем не злой, просто приближается не с той стороны и этим несет Арну гибель. Этот легкий лесной шепот приблизился и поглотил его, погладив его по затылку легким лесным ветерком, колыхнув пару прядей волос и оперение его стрел и унеся его запах вперед навстречу мчащейся к нему стае серых демонов.

На несколько мгновений наконечник стрелы, лежащей на луке и смотрящий в даль, обреченно наклонился вниз.

Еще с утра старик Хойд, отдавая стрелы, жаловался на ломоту в коленях, что всегда было верным знаком смены погоды. После подъема на стену немногословный солодел указал ему пальцем на белые гребешки волн и следующим жестом указал на смену направления. Глава семейства заготовителей соли всю свою жизнь работал на соленом ветру и поднаторел в предсказаниях смены погоды и ветра по меняющимся волнам. Арн не пропустил их мимо ушей, он сделал другую ошибку, более жестокую – он посмел понадеяться, что успеет.

– Понадеяться на что-либо в диком лесу недопустимая роскошь. Ты либо знаешь наверняка, либо умрешь до рассвета – прозвучали в его голове слова отца...

Таиться больше смысла нет, они знают где он и кто он. Они предпочли бы уйти, зная кто впереди, но бестии разумны, кто бы что не говорил. И знают эти демоны кто их стаи изводит одну за другой, знают, что если не сейчас, то встречу я их завтра на другой тропе. А главное понимают на чьей стороне теперь преимущество – теперь не я охотник в засаде на опасную добычу, теперь они загонщики опасного зверя.

Доли секунды человек на дереве выглядел обреченным на смерть висельником. Резкий взмах головой как стряхнул с него оцепенение, он напряг мышцы, побелели костяшки на руках, вздувались жилы – он вспоминал, вспоминал делая усилие над собой, вспоминал то, что причиняло жуткую боль. Над погруженным во тьму лесом раздался полужвериный крик человека переполненного яростью.

Арн выпрямился в полный рост, хрипящим голосом прорычал в пустоту:

– Хотите свою добычу, зубы не сломайте!

Вокруг деревьев на расстоянии ста шагов желтые точки глаз разбегались организовывая замкнутое кольцо вокруг загнанной добычи. Хотя для филина это были не просто точки, еще и зубы и острые как бритва когти, оставляющие глубокие борозды даже на гранитных валунах, все это он отчетливо видел, различая в темноте малейшие детали.

Ярость второй волной наполнила грудь и молниеносным движением Арн вытянул лук и, стоил наконечнику стрелы коснуться его пальца на левой руке, молниеносно спустил тетиву не на секунду не задержав ее, зато со страшным рыком толкнул свой чудовищный лук левой рукой вперед, придавая стреле дополнительный импульс.

Ворги, замкнув кольцо, только начали организовывать свой танец смерти, хоровод вокруг добычи, как один из серых демонов получил стрелу в шею с такой силой, что был пришпилен к задней лапе бегущего рядом собрата. Вожак стаи, которого Арн собирался прибить для верности парой стрел самым первым, теперь не покажется, пока не сочтет, что настало время для завершающего удара. Он мелькает между деревьями на расстоянии двухсот шагов от филина, прикрываемый телами своей свиты с серебряными полосами на спинах. Ждет когда его серое войско предоставит ему шанс свести счеты за всех изничтоженных этим дьяволом-охотником сородичей.

– Не хотят боги смотреть старое зрелище... им по накатанной не ндравнца!

Шипел себе под нос филин, выпуская одну за одной смертоносные, разрывающие жутким свистом ночную тьму, стрелы.

– Подавай им битву! Чтоб кроввица с каждой стороны лилась! Ща я вам устрою смотрины, хоть бы и последние – на всю свою жизнь помнить будите!

Колчан опустел на половину. Кружащая стая уменьшилась на четырнадцать тварей но сомкнула кольцо у самого подножья дуба и сразу четверо воров прыгнули на ствол, начав карабкается вверх.

– Да вы мрази как с цепи сорвались, даже своих жрать перестали! Явно не настроены мне пострелять давать.

Он сбил двумя стрелами первых двух воргов, третий дернул головой и стрела вместо глаза угодила в череп, вырвав кус кожи и мяса скользнула в темноту. Ворг от боли осатанел и, разинув пасть, ринулся вперед, а через мгновение уже летел вниз с торчащим из пасти хвостовиком стрелы. Четвертый ворг был с другой стороны толстого ствола, поэтому филину пришлось прыгнуть на соседний сук и загнать хитрецу стрелу в шею – быстрой смерти не будет, но до верха долезть не сможет, яд и кровопотеря сделают свое дело очень быстро.

Вернувшись на старую позицию, он обнаружил, что новые твари уже выше того места, откуда он сбросил предыдущих, а все дерево облеплено ползущими вверх воргам так, что коры невидны.

– Все свои повадки поломали, лишь бы меня порвать?! Видать не зря жизнь прожил, да твари!?

Выпустив еще три стрелы, он закинул лук за спину и ящерицей скользнул в середину кроны на вторую позицию. Доставая лук, разгоряченный схваткой, успел крикнуть в сторону дальних деревьев:

Хватит кружить трусливая тварь, иди и возьми меня!

Не упуская из вида мелькающего за деревьями, ми потихоньку приближающегося вожака, он выпустил еще пять стрел в ползущих по стволу воргов. Затем, подловив момент и молниеносно извернувшись, выпустил стрелу за дальние деревья. Предсмертный визг раздавшийся с той стороны вернул хищную улыбку на лицо охотник:

– На один серебряный хвост меньше тварь! Твой ход...

Посмотрев вниз, он увидел последний пяток воргов ползущим за ним на дерево. На радостях свалил одного и просадил насквозь переднюю лапу второму, и тут осознал, что дав волю эмоциям, мог уже подписать себе окончательный смертный приговор. Проведя рукой по стрелам за спиной и насчитав четыре штуки, ощутил дыхание костлявой женщины с косой совсем близко. В голове пронеслось:

– Выживу, уговорю Барга меня палкой своей отхреначить до полусмерти...

Закинув лук за спину, он полез на самый верх кроны. Добравшись до последней стрелковой позиции, он первым делом пощупал канат, привязанный к макушке соседнего дерева, такого же дуба великана, растущего в пятнадцати шагах от этого. Прыгать с такой высоты на соседнее дерево уже поздно, ворг это поймут и это должно спровоцировать и вожака и резервную стаю кинуться за ними на дерево. Он же как на тарзанке перелетит в середину кроны и оттуда последними стрелами выбьет вожака.

– Придется заманивать тварей, показать им, что стрел не осталось. Ладно! Глядите любуйтесь.

С этими словами Арн выхватил с бедер оба клыка и, дождавшись подхода первого чудовища, улучил момент, когда он не сможет полосонуть его лапой и молниеносным ударом саданул его в ухо на всю глубину клыка. Зверь умер, не успев даже издать ни одного звука и мешком полетел вниз. Второй клык он зацепил веревкой за петлю и со всего маху воткнул в переднюю лапу следующего ворга. Он еле успел отпустить рукоять клыка и отскочить вверх. Тварь заревела и свободной лапой за пару мгновений разнесла все ветки до которых дотянулась в мочалку, затем рванулась и вырвав клык из ствола полетела вниз. Когда веревка кончилась, клык рванул лапу, окончательно искалечив ее, что заставило бестию взвыть еще громче, а упав вниз остервенело грызть корни дерева – лазить ей уже не придется. Резким рывком веревки, филин заставил коготь взлететь назад к нему в руку.

– Ну наконец-то мерзкая трусливая тварь показалась!

Вожак, в сопровождении четырех серебряных хвостов, бросился неистово карабкаться на дерево, пропустив вперед двух своих сородичей. Попытаться лупцануть такого клыком – чистое самоубийство, на такое в деревне без последствий решался только Арн, остальные оставались в лучшем случае без руки, в худшем вообще не оставались на этом свете. Но пятерых

не осилить и ему, да и слава богу не требуется, лишь бы резерв тоже кинулся на дерево... Уже пора перепрыгивать, а эти твари еще не...

– Штоб вам дикие коты гузла расцарапали!!! Гниды отправят меня таки к богам на суд...

Засадная стая из шести воров уже лезла по соседнему дереву и первые двое добрались до середины кроны – то место куда на канате должен был перелететь Арн.

– Секунда и поздно – Проскочило у него в голове. Все четыре стрелы улетели в первых двух воров, карабкающихся по соседнему дереву. Один из них пополз по стволу вниз оставляя глубокие борозды в коре, второй оказался ранен но продолжал упрямо ползти вверх.

Анр схватил канат и толкнулся ногами в сторону соседнего дерева, в полете перебрав руками, он оказался чуть выше того места, которое выбрал для приземления, что спасло ему жизнь. Зверь рванулся к нему, но будучи раненным оказался медленнее охотника. Филин держась одной рукой за канат, второй выхватил клык и просадил бестии череп в области виска. Правда выдернут клык уже не удалось и здоровенная туша твари улетела в низ вместе с оружием.

Филин рванулся вверх как белка, и через пару мгновений был уже в верхней части кроны, где его в небольшом дупле ждал походный колчан на двадцать стрел, спрятанный им же.

– А вот и мое подкрепление – заплетающимся от усталости языком прошептал филин...

Три стрелы улетели вниз на самого резво скачущего по стволу вора, еще десяток угомонил всю свиту вожака, которая бездыханными тушками попадала вниз с соседнего дерева, вожаку досталась только одна из этих стрел, и то, тварь удачно рванулась, и вместо легкого, получила стрелу в заднюю лапу, после чего спряталась за стволом дерева. Еще одна стрела улетела для зверюги с искалеченной лапой – она твердо решила дожидаться охотника внизу и поквитаться.

Руки начали наливать тяжестью, а глаза заливать соленым потом, поэтому стрелы предательски отказывались лететь в намеченные цели, из-за этого одной из двух оставшихся на дереве зверюг Арн разрезал всю морду на ленты четырьмя стрелами и только пятая попала в мягкий нос и достала до мозга. Последнюю стрелу он засадил оставшейся зверюге в грудь, что сильно замедлило ее но не остановило.

Взглянув в глаза, медленно ползущего к нему лесного демона, филин опять поддался волне ярости, которая казалось уже отступила под самый конец схватки. Губы его задрожали, и, с неистовым ревом, он выхватил второй клык. Оттолкнувшись от ствола он полетел вниз, падая почти на самого вора. Пролетая мимо него, со всей силы рубанул клыком сверху вниз, клык вошел в область холки и раздирая шкуру и мышцы вдоль хребта, начал рвать демона. Пророздив жуткую рану в три локтя длиной, клык погрузился по рукоять и застрял в звере. Арн на мгновение повис на рукояти клыка, а затем когти разжались и ворг вместе с охотником полетели вниз.

В полете ворг конвульсивно молотя лапами снял кучу стружки со ствола дерева, а после приземления успел, уже будучи мертвым хорошо пробороздить бок охотнику.

Несмотря на это Арн так и не выпустил когтя. Высвободив костяное лезвие из спины серого демона откатился ко второй туше и выдернул из черепушки второй клык. Потом, подобно дикому коту, вскочил на ноги и зашипел от боли в колене. Нога была сильно ушиблена падением, но, судя по всему, не сломана, так как через боль, держала исправно.

От первого сильного приступа, слезы прыснули из глаз, а дыхание застряло на вдохе. Размытое пятно начало двигаться, и это заставило охотника выдохнуть через силу, восстановив дыхание и смахнуть тыльной стороной ладони лишнюю влагу с глаз.

На него двигается раненный вожак, уже мертвой стаи. Задняя лапа висит плетью – яд уже начал действовать, но ему и передних двух хватит, чтоб разделать филина, как белка еловую шишку.

Вот только кровавое бешенство и лютая злоба из глаз филина уступать место страху не собирается, и он как дикий зверь кидается первый. Первый взмах когтя расплосовывает до кости шкуру на морде, опешившего от такой наглости, вожака. Ворг привстает на заднюю лапу и делает резкий удар передней лапой, но звериные рефлексy филина ничуть не медленнее. Скользнув под лапу, он втыкает коготь по самую рукоять под лапу зверюге и дергает со всей силы слыша как рвутся сухожилия. Демон взревает и наносит страшный удар здоровой лапой. На инстинктивном уровне Арн понимает – успеть увернуться невозможно, и со всей силы выбрасывает навстречу правую руку с клыком для блока. Рукоятка разлетается в щепки, руку от кончиков пальцев до плеча обжигает адской болью и второй клык в левой руке со всего маху влетает твари снизу вверх под нижнюю челюсть. Раздается хруст кости, зверюга дергает голову в предсмертных конвульсиях. От рывка Арна разворачивает, и чудовищный удар лапой в спину отправляет его в полет на пару метров, а за одно и в темноту.

Филин открыл глаза, когда из леса начала медленно уплывать тьма. До восхода еще далеко, но воздух становится светлее и прозрачнее. Первая мысль была о том, что боги решили поиздеваться и устроить ему медленный уход на тот свет, ибо после такого удара его позвонок должен торчать наружу, и не помер он только по тому, что боги хотят узреть – как его еще живого начнут жрать дикие коты.

Но при попытке пошевелиться оказалось все не так плачевно – руки ноги шевелились. Удар когтистой лапы разнес вдребезги плащ, рюкзак и колчан, но не добрался до спины, хотя синячище там, судя по всему, размером с самого Арна. Правая рука отзывалась жуткой вспышкой боли при каждой попытке ей пошевелить, дьявольски ныло колено и весь правый бок горел и был залит кровью.

Кое как воздев себя на трясущиеся ноги, он прислонился к излохмаченному когтями стволу, и ощупал правую руку. Поняв, что плечо выбито ударом, он нашел подходящее раздвоенное деревце и зажав в нем плечо. Собравшись с духом, рванул что было мочи. Искры вперемешку со слезами брызнули из глаз фонтаном, а рык, слюни и ругательства распугали всех местных лесных духов. Через пару мгновений он смог не матерится, еще через какое-то время шевелить рукой, через терпимую боль. Это позволило собрать из обрывков рюкзака бинты пропитанные травяными отварами и набрать горсть целебного мха. Не то что бы он чудеса творил, но гниль из ран вытягивал как губка. Переложив им четыре борозды на боку, он натуго замотал все бинтом. Если бы не жилетка из шкуры ворга, то кишки были бы наружу. Переведя дух и найдя подходящие палки, сделал себе шину на больное колено и палку с сучком для упора в подмышку для разгрузки больной ноги.

Повесив за спину лук и найдя три целых стрелы, он допил всю воду из фляги, заставил себя сожрать весомый кусок сырой печени ворга и, подобрав уцелевший клык, поковылял в сторону деревни.

К полудню добрался до дуба с журчащим ручейком, наполнил флягу и сложив руки горстью зачерпнул полные ладони. Дав воде малость нагреться от тепла рук, жадно выпил. Зубы заломило от холода, а разгоряченное и пересохшее горло, казалось, впитало воду не дав ей попасть дальше. Пройдена треть пути, такими темпами доберется только к полуночи. Стай больше поблизости нет, но он и от зайцев сейчас не отобьется, а уж одиночный ворг охотник, точно станет его последним зрелищем на этом свете.

В боку становится горячо, травы травами, а к вечеру у него будет жар и уже утром будет валяться пластом и видеть видения, которые закончатся темнотой. Поэтому до утра он любой ценой должен дотащить свой зад к ведьме.

Шаг, еще шаг. С каждым шагом мышцы и суставы разогреваются, боль от движения приглушается и идти становится легче.

От этого родничка начинается светлоселье. Конечно в этом мире древних могучих деревьев нет мест, где лес похож на солнечную лужайку с легкими тенями от молоденьких деревьев,

которые приятно приглушают дневной зной. Просто здесь начинается территория дружелюбных деревьев. Сосны засыпают все своей хвоей, делая почву пригодной только для своих сородичей. Великаны дубы, закрывая солнце своей кроной и вытягивая все соки из земли могучими корнями, не каждому сорняку дадут шанс вынести свое сожительство. Здесь, до самой деревни растут светлые и добродушные гиганты. Могучие осины, вокруг которых растут кусты орешника и, то тут то там, мелькают красные шляпки подосиновиков и коричневатых подберезовиков. Белобокие березы, которые несмотря на свой немалый рост и обхват, пропускают своими кронами достаточно света для стройных рябинок и разношерстного ковра из лесных трав, не говоря уже о пушистых елочках, прячущих под своими треугольными платьями, целые семейства пузатых белых грибов. Даже трава здесь не замедляет ход охотника, по причине того, что тянется вверх к солнечным лучам, а не раскидывает жесткие как канаты ветви с широкими листьями, цепляющими ноги и маскирующими, опасно торчащие из земли, корневища. К тому же диким котам крайне неудобно перемещаться по таким кронам, так что можно не бояться приземления на шею пушисто-когтистого разбойника. А, разбросанные тут и там, огромные муравейники всегда предупредят об опасной близости голодного медведя пещерника, так как разрытый муравейник сразу выдает его с головой, да еще и расскажет как давно он тут лакомился муравьиными яйцами.

В общем, если специально не стоять под сухим деревом при сильном ветроуде, ожидая прилета увесистой сушены на голову, и не пытаться испортить трапезу пещернику, то такой лес – самое безопасное место в наших краях.

Арн остановился на мгновение, чтобы дать отдых колену, и, постаравшись забыть о ноющей боли в боку, вдохнул теплый и ароматный воздух светлосеся. Он не такой влажный и прохладный как воздух густых дубрав и не такой терпкий и бодрящий, как пропитанный смолой и хвоей, аромат темных боров. Зато он имеет несравнимо больший букет ароматов, включая в себя запахи разных трав, цветов и земляники, кусочки которой деловито перетаскивают муравьи в свои города.

Что уж говорить о количестве красок, когда каждое из пород деревьев вносит свой колорит, а солнечные лучи пятнами добавляют яркость, двигаясь туда сюда из-за качающихся на ветру крон.

Вода во фляге все еще ледяная. Пользуясь этим, филин поливает ключевой водой повязку на боку, оттягивая момент, когда жар поглотит все тело и начнет дурманить голову. Несколько мощных глотков студеной бодрящей воды, пару глубоких вздохов и в путь. Надо перебороть слабость, опередить время и обогнать самого себя. Единственное что может ему сейчас мешать добраться до деревни, это он сам, поэтому и битва предстоит тяжкая – с собой.

Чуткое ухо улавливает звук. Звук этот вырывается из общей картины щебетания, шуршания и скрипов стволов, который издает дикий лес. Арн напрягает слух и все органы чувств, лук сам прыгает в левую руку, правая ладонь замирает на пол пути к хвостовику стрелы, торчащей из колчана.

Звуков, выбивающихся из лесной симфонии, становится больше. Они прилетают со стороны, куда он держит путь. Оттуда же легкий ветерок начинает приносить слабо различимые запахи. Однако лесному жителю, которому нос может с легкостью заменить зрение, и этих отзвуков запаха вполне достаточно, что бы разобраться – кто там, что там, и какой приперлись таким стадом...

– как лоси прут а! Иногда думаю, что их солодел учил по лесу ходить...

Слегка присев и повернув ухо в сторону идущих ему на встречу, он разобрал легкое постукивание десятков древок в колчанах и шуршание, издаваемое костяными наконечникам, трущимися друг о друга. У некоторых кресало о камень постукивало в рюкзаке, не переложенное тряпицей, а у кого то кожаные ремни, не промазанные маслом, поскрипывали...

– Дааа ребята! Под расслабила вас лосиная охота, под расслабила...

Нос Арна четко разделил запахи свежесделанных кож, который издают мастеровые. Запахи злоупотребленного вчера хмельного меда и выдыхаемый сильный запах черемши, аромат коптилен, запахи окарины с кузни. Уловив запах грибной муки, Арн не выдержал и гаркнул в голос на весь лес:

– ДА ЛАДНО!!! ВЫ БЫ ЕЩЕ БАБ СВОИХ ВЗЯЛИ! Барг, чтоб его, всю деревню что ли высрал?!!!!

Шум шагов, сменился звуком миграции стада непонятно кого, но судя по топоту, сильно копытных и слабо разбирающих дорогу, оттого тупо сносящих все кусты на своем пути.

Первые к нему сквозь кусты орешника проломилась охотники, охотничьим шагом ходить приучены как никак.

– Живой, живой, ууффффф!

– Даже лапы все на месте! – выдал второй прибежавший охотник с радостной улыбкой на всю морду.

К тому времени, как к, опирающемуся на свою палку-костыль, филину подбежали мастеровые, охотники уже разобрали на запчасти здоровенный куст орешника и заканчивали мастеровые носилки. Даже елочку ближайшую побрили на лапник для подстилки.

В другом случае Арн послал бы всех туда где свет не горит со своими носилками, но сейчас осознавал – идет он медленно и дальше будет еще медленнее. А чем позже он получит ведьмовские настойки да припарки, тем дольше ему валяться с жаром и гноем вытекающем из раны.

Носилки сделали с длинными ручками, чтобы нести вчетвером, во первых вчетвером можно будет быстро двигаться без частых остановок, а во вторых, этот филин перевит жилами твердыми как дубовые корни и весит посему как медведь.

У филина отобрали костыль и помогли избавиться от накладки из шкуры ворга с рюкзаком. Он не сопротивлялся, понимая, что для быстрого передвижения надо распределить нагрузку. Положив свой лук на носилки, он с помощью односельчан избавился от всего лишнего. Улавливая удивленные вздохи и присвистывания тех, кто оказался у него за спиной, понял, что спина успела приобрести весьма пугающие оттенки и ближайшее время о нормальной подвижности придется забыть.

Молодой парень из бригад лосятников потянулся к луку, чтобы внести свою лепту в разгрузку раненного, а заодно покрутить да повертеть в руках лук, о котором ходит такое количество баек, и который никто из деревни в руках не держал. И ведь знал, что свое орудие труда каждый охотник блюдет пуще жены, и лапнуть чужой лук, все равно что чужую женщину по бедру погладить, да видать соблазн пересилил.

Не успев дотянуться до рукоятки, словил от Арна подзатыльник, отчего пролетел пяток шагов и уткнулся подбородком в землю, оставшись там на какое то время – то ли землянику разглядывал, то ли поспать решил.

– Судя по тому, что Барг пол деревне сюда снарядил, то по прибытию домой меня ждет мучительная смерть от, непрекращающегося, нытья старосты на тему моих выкрутасов...

– Барг десяток стрелков отправил, остальные сами пошли – с добродушной улыбкой сказал один из кожевников, который хоть и забыл второпях снять фартук, зато вооружился успел на маленькую войну.

– ну вы прям... армия... спасибо за помощь, она кстати.

Филин явно был смущен таким вниманием, да и не привык получать помощь, ибо рассчитывал всегда только на себя, как отец с измальства приучил.

– ну, думаю я братья по дороге, мне бы лучше обморок словить какой. Кто умеет прально садануть, я даже затылок готов под кулак подсунуть. Мне главное сейчас без нравоучения старосты, а то, как последний камень на могилку – точно дуба дам!

– Дык, слава богам, не придется енто все в деревне то – как ни в чем не бывало озвучил парнишка, получивший затрещину и только что вылезший из земляничника.

– Старейшина то с нами пошел, так что думаю он прям сейчас возьмётся, а на подходе к деревне, ужо заканчивать должен. Вон он идет – отстал малость!

И парень радостно и преданно заулыбался, довольный собой, что смягчил пилюлю и принес хорошую новость.

Арн тоже обрадовался настолько, что опять отправил мальчика тем же методом на лесной ковер созерцать ягоды.

Процессия тронулась в обратный путь. Один из охотников поднял и отряхнул паренька, залюбовавшегося земляничкой, даже похвалил его:

– Молодец! Мамке сегодня расскажешь, что сразу два леща в лесу поймал, да еще здоровенных!

Староста, натерпевшись за ночь душевных переживаний, видимо к утру уже имел вполне подготовленную речь, которая однозначно должна была вправить мозги и пресечь дурные геройства нерадивого ночного охотника, а заодно и пристыдить тем, как много душевных переживаний он доставил всем жителям деревни и, видимо, даже живущим в округе белочкам.

Арн же, в свою очередь, понимая безвыходность ситуации, решил использовать самый веский аргумент в свою пользу – прикинулся мертвым.

После непродолжительного общения с бессознательным филином, плюнул под носилки, обматерил «хитрожопого ночного засранца» и, пообещав на цепь его к самому толстому дубу в деревне приконопатить, отошел от раненного. Но, при этом, шел на отдалении и сердито выговаривал что то себе в бороду, обхаявая всех по очереди, весьма, недобрыми взглядами.

– таким темпом в деревне и меня сдадут на попечение ведьмы – думал про себя Арн.

– а учитывая её характер и то, как душевно я огреб от воргов, в мою хатку меня быстро не отпустят. Дааааа... Придется учиться отдыхать!

ГЛАВА 7

На второй день, после возвращения в деревню, ведьма, разогнавшая сначала всех своими делами заниматься, пустила под вечер к Арну старейшину Барга и одного из филинов – Пяста, самого молодого из всех собравшихся.

– Здрав будь брат! Наслышан о твоей геройской охоте! С порога восхищенным голосом затараторил Пяст.

– Мы подробностей хоть и не знаем, да только ни одна стая ночью воем не отметилась... Так что, думаю в лесу ночью было огогоооо!!!!

– Не смей хвалить его за такие выходы, вошь оленья! – налетел на филина староста.

– Я за такие закидоны геройские об него посох в двух местах....

БУБУХ! – бахнула дверь у старосты за спиной от резкого движения ведьмы Виры.

От неожиданности Барг осекся и обернувшись наткнулся взглядом на зеленовато-желтые глаза ведьмы, которые начинали зеленеть, что не предвещало ничего хорошего.

– Потом конечно... Как заживет весь... Не здесь... да и убедю просто наверное, чаво посох хороший портить... – пробормотал старейшина, как бы невзначай, встав там где ему поудобнее, что-б Пяст оказался между им и Вирой.

Трогать больного или раненного в ее избе было сильно плохо для нервов и душевного спокойствия, а главное ОООЧЕЕНЬ вредно для здоровья, и считалось одной из самых дурных примет в поселке, наряду с такими как: «спать в лесу под деревом после заката – плохая примета».

Один из охотников своей женошке, за подмигивания соседу, сделал замечание, от которого у нее глаз посинел. Та, в свою очередь, сразу направилась к ведьме за мазюколкой убирающей такие вот припухлости да посинения. Муж в это время рас переживался и, выпив пару ковшиков хмельного меда, решил сделать жене еще одно замечание для симметрии, а то вдруг вторым глазом она второму соседу подмигивать начнет. В общем, зашел он к ведьме и почти сразу передумал, выйдя из ее избушки с разбитым коленом, порезанной щекой и покрытый почти на всю голову каким то зеленым зельем. Порез сильно щипал, зеленая фигня не отмывалась три дня, волосы и брови выпали и не выросли больше никогда. А потом еще и пара ребер треснуло после замечания от мужиков, на тему непочтенного поведения в присутствии всеми любимой Виры...

Барг подвинул стул поближе к кровати.

– Давай уже по делу, как обычно. Что нового, что пригодится, чем поживится?

Второй филин превратился в слух. Арн приподнялся подвинув подушку и спокойно восстановил всю суть событий позавчерашней ночи.

– Вот так вот братья – подытожил Арн.

– Действуют они теперь как вояки из твоей книги староста, видать сперли и перечитывали по ночам. Новая стая появится – уже вдвоем а то и втроем изводить придется.

– Оно и шибче дело делается и спокойнее, это ты сейчас порадовал старика, а то один как в лес, так мне переживательно! Да и раньше чем под осень следующую не набрать им стаю.

– Так то оно так – подытожил Арн – если с запада стаи не вернутся на свободную территорию.

Молодой филин заулыбался:

– не вернуться они, сами ведь знаете. Не пустая это территория. Наша она! И они это знают, с востока приходят и пытаются ее у нас отбить, а когда не справляются, убегают на запад. Так что не придут они назад, смерть им здесь, знают твари!

– А с востока затем прибегают поздоровее, позлее да посмышленее – с горьким вздохом произнес старейшина.

Арн посмотрел на него с вызовом:

– Не мне тебе объяснять старый охотник всю правду жизни. Пока мы то логово на востоке не отыщем, не вырежем до последней суки, да не предадим огню, так и будет нас этими бестиями как волнами каждый год стегать, и каждая следующая сильнее предыдущей, пока не захлестнет...

Вира подошла почти беззвучно, хотя и понимала – все трое по движению воздуха, каждое мгновение, знают где она находится и о её присутствии не забывают.

Она поставила для мужчин на стол небольшой кувшинчик редкой земляничной настойки и три деревянные чаши, резанные с осины и украшенные костяными вставками в виде цветов.

Барг слегка нахмурил брови и покосил глазом на Арна.

Ведьма уловила это мимолетное движение:

– Ему такое полезно, да и вам горло на ночь промочить для крепкого сна, только на пользу будет.

– Вооот! – съехидничал Пяст – а все кругом про погибель здоровья в бочке с медовухой...

– Многие яды спасают тебя от хворей когда по малой капле принимаются, и многие целебные настои убьют тебя, когда потребляешь без меры, юный филин.

Старейшина взял чарку в ладонь и, про себя, ухмыльнулся – дома лаптем хлебать будут, ведьме в подарок душу вкладывают, чувствуют, что и она души в ремесле своем не жалеет. Отхлебнув глоток, не удержался и закатил глаза от удовольствия – напиток сладок и ароматен как тертые с медом ягоды, но и жаром изнутри обдаёт, аки добрая медовуха.

– Знаю к чему ведешь Арн – поймав напиток, вернулся к разговору старейшина – вижу, как на восток война твоя тебя тянет...

– Не мое женское дело, но, раз уж вы в моей хате свой совет держите, то позволю себе слово вставить – сколько раз вам мальчикам надо лбом об одну и ту же корягу приложиться, чтоб понять, что больно будет?

Дождаться ответа умная ведьма не стала и вышла из комнаты, предоставив мужские разговоры мужчинам. А ответы эти ей не нужны, их должны дать мужи сами себе. Ей же достаточно, чтобы они вспомнили ошибки своих отцов и дедов.

– Умна баба не по годам – пожевав губами произнес Барг и покосился на Арна.

– Знаю что ты скажешь старейшина, помню сколько раз, отбившись от стай проклятущих тварей, ходили на восток искать логово, и, что никто ни разу не вернулся помню. Только ворги вернулись, они всегда возвращаются... И еще много чего помню, что никогда не забуду...

Барг потупился, запрещать вольному человеку кровью за кровь мстить у них считается подлостью. А на кровь этот филин право имеет.

Когда мать его, пойдя на дальние ягодные поляны, не вернулась к заходу, а отец его в лесу на ночной засаде был, тринадцатилетний филиненок под самый закат убегает в лес. Уж никто не знает как, видать свою тень обогнал, но мальчонка и мать успел найти, она ногу сломала когда завал деревьев перелазила, и на дерево ей помог залезть. К тому возрасту мальчика отец успел натаскать так, что лук его мало отличался от взрослого, да и стрел парень с собой хватанул здоровенный колчан. Да вот только не повезло им – стая в полном составе их запах почуяла. Юный Арн уже тогда не знал промаха, и многие серые твари получили от него стрелу в глаз или шею, но один из серебряных хвостов пролез по обратной стороне ствола, и когда молодой охотник его увидел, времени на прицельный выстрел уже не было. Он загнал ему стрелу в шею, но, получив смертельную рану, ворг намертво вцепился в бедро его матери и вместе с ней полетел вниз на землю, где во тьме сновали тени, состоящие из клыков и когтей.

Его дар – его проклятье. Видящий во тьме аки днем, мальчик кричал и сыпал стрелы градом на демонов, которые накинудись на его мать. Ее разорвали на его глазах, а, тогда еще старший охотник, Барг до сих пор помнит отголоски, полного отчаяния и ярости, детского крика, неведомо как долетевшего до деревни.

Утром его нашли на самой вершине дерева, где по тонким ветвям ворг не могли быстро передвигаться, множество следов от когтей заканчивались в пяти локтях ниже него. Привязанное к руке копые болталось на кожаном ремешке и было в крови и шерсти, колчан был пуст, левая рука в кровь измочалена тетивой. На земле нашли разорванные в клочки останки его матери и добрую половину немалой стаи воргов.

И сейчас старейшина Барг не может посмотреть в оранжевые беспощадные глаза этого филина и сказать, что он не имеет права идти на восток искать логово лесных демонов. Но позволить уйти на верную погибель, да еще и людей с собой увести...

– Я пойду с тобой, в деревне пусть Ждан остается, а я иду несмотря ни на какие указы, разве что ноги обрубите, иначе иду и все!

После этой реплики Пяста старейшина казалось совсем сторбился и сжался. В глазах его гасла надежда и, казалось, за этот вечер он постарел на пяток зим...

Арн поблагодарил взглядом Пяста за поддержку и обратился к Баргу:

– Голова мне сейчас твоя мудрая нужна отец, и всей деревушке нашей тоже. Я бы, еще пару лет тому, уже топал через чернолесье на восток. А сейчас понимаю, что извести тварей и дать им себя на суд богам отправить, это и рядом одно с другим не лежало. Так, что тут только наверняка надо действовать.

Совсем поникший было, глава деревни чуть не бросился к своенравному охотнику обниматься! Только железная воля помогла ему оставить лицо спокойным и не выдавать эмоции, хотя глаза предательски заблестели. Что сказать на это Барг еще не придумал, за-то твердо решил, что сегодня ночью обмоет пол кувшинчиком медовухи свалившийся с души камень.

– Есть много судеб, по которым мы можем пойти – почти нараспев начал Барг, готовясь к долгому повествованию, но, чертов своенравный филин, сразу отрубил половину...

– Только не надо нам про запад втолковывать. То, что мы пройдем сквозь территорию стай воргов, которые туда сбегали от наших стрел, крайне сомнительная фантазия. Да, они слабее тутошних, но, расплодились там, поди, как лягухи в пруду, и сколько там стай, никому не ведомо. Да и сколько нам идти за помощью, десять дней али сто? И, раз никто не пришел за все эти сотни лет, не значит ли это, что там демоны уже всех пожрали?

– Невозможно всех людей извести, не перегибай. Деревушки да, но там города, армии с луками, мечами и копьями.

– Помню я рассказы про те луки – грустно ухмыльнулся Арн – короче дело это тухлое, как и поход к логову, сам понимать должен! Я в тех городах не бывал старейшина, а рассказы твои из книг помню. Города все домами утыканы, стенами укрыты, земля под ногами мощена. Жратву там не поймать и не вырастить, если книги твои не брешут, а с селами да охотниками уж ворг не управятся. Так что может и городов то там тю-тю!

– За все минувшие века, только несколько раз удавалось очистить округу, и каждый раз лучшие охотники уходили довершить дело, чтобы изничтожить логово поганых демонов. Последний раз две трети охотников отправились, чуть деревня не вымерла, когда не вернулись.

– Ну теперь то, округу опять очистили, кроме разведчиков да шатунов, они теперь по одному или тройками охотится станут. Но такую тройку я один высажу – очнулся от наступившей было дремы Пяст. Разговоры и планировка загоняли его в зевоту, и он, изо всех сил, следил, чтобы морда от зевоты не треснула.

– Воооот!!! И стай нет, и мужики пока целы все, и до снега времени не мало. Распорядись умно старейшина, я твоему решению доверюсь, да и остальные как скажешь сделают. Сами ж тебя и выбирали, как никак! – подытожил Арн.

Барг сидел и шурился, улыбаясь одними глазами – башковит филин, все просчитал, в голове обкатал, в итоге готовое на выбор выложил. Мол выбирай сам, тока выбирать то уже больше и нечего – лопай, что даю! Милостивы духи леса будут, доживет до седин – лучше главы деревни не сыскать будет. Мужики за такого хоть в огонь, хоть в воду, даже сейчас, когда этот

филин идет охотников в лесу прикрывать, они подземный мир самого Чернобога штурмовать не побоятся, когда он с ними.

– Значит решено, готовимся – хлопнул ладонью по колену Барг.

– раз уж выпал шанс похозяйничать в своем лесу, милостью богов светлых и твоими Арн стараниями, то подготовимся так, чтобы к приходу новых тварей им не одной души не досталось. Рассказывай филин места своих последних побоищ, думаю теперь нам туда не в один конец дорога. Пяст, идешь к Ждану – завтра выдвигаетесь по заре с охотниками, охраните им ночевку в лесу. За пару заходов все, что от воров осталось, должно быть в деревне. Ты Арн, высыпайся так, чтоб из ушей лезло, я хочу, что бы через десяток дней ты с мужиками поохотил недобитков – неча им тут лазить. За дело орлики!

Барг вскочил, и пожелав на выходе доброй ночи Вире, бодро зашагал к мосткам. Казалось, жизнь закипела в старейшине, как будто не давили на него прожитые годы. Пяст шел за ним, как олененок за матерью, даже иногда на бег переходил, не успевая за широкими шагами.

Вира хихикнула, наблюдая эту картину, а затем навалилась всем весом и закрыла толстенную дубовую дверь в ладонь толщиной, а затем по очереди вложила три засова в проушины. И ее домик без окон погрузился в уютный свет маленькой масляной лампы.

– Эй ведьма, чуется мне, на ноги надо скорее, сможешь меня поскорее лечить.

По стенам бегали мягкие блики от дрожащего огонька лампы наполняя комнату теплотой. Вира скосила глаза в сторону комнаты, где лежал филин. Там была темень, да ему свет и не нужен. Она взглянула прямо в, светящиеся в темноте, оранжевые глаза:

– Чудо средство ему подавай! Что надо, то сделала, не спеши филин, швы все поразведешь на боку, и лечить я тебя буду сколько мне надо! Так что спи сейчас, завтра днем дрыхнуть не дам, а там поглядим...

С этими словами ведьма игриво сверкнула глазами и прикрыла занавеску в комнату Арна, а затем задула, пляшущий на фитильке лампы, огонек.

Утром Арн лежал на полянке с мягкой травой перед избушкой ведьмы. Она и правда не дала ему отсыпаться днем, выгнав на солнце. Из одежды ему выдали банные порты, обрезанные в шорты выше колена, и непонятного вида головной убор, голову с глазами прикрыть. Аргументировали все необходимостью подставить свои шрамы да синяки под солнечный свет, без которого организм восстанавливаться быстро не сможет. Проводив глазами охотников, которые с двумя филинами уходили в лес, к месту последнего побоища, он натянул причудливую шапку на глаза и постарался расслабить все мышцы. Легкие наполнял сухой и сладковатый воздух, насыщенный ароматом луговых трав. В зеленом ковре старательно музицировало целое войско кузнечиков и прочей живности, а со стороны кузни, легкий ветерок приносил терпкий но приятный аромат окалины.

Арн, с блаженством ощутил как солнечные лучи разливают тепло по всему его телу, а в места ушибов и шрамов приходит приятный зуд, когда хочется остервенело драть ногтями синяки, чтобы они быстрее расходились.

Из под шапки он начал разглядывать крышу избушки. Это была единственная жилая хата стоявшая на земле и представляла из себя целую крепость. Ведьма наотрез отказалась жить в хате на дереве, мол, для врачевания и ремесла ведарского, такая хата не пригодна. Разговоры, о том, что старая травница справлялась, умная девочка пресекла на корню железными аргументами. Втолковала в итоге всем, что лечить одними настойками дело малое, да и вообще, много трав дивных в наших лесах, да зелий чудесных в книге ведарской, которые никто готовить и не пытался, ибо условий нет.

Лекаркой, к слову, Вира была отменной, что говориться – боги к месту поставили! Во все напитки, что в деревне варили, она травок подмешивала, после этого народ хворать простудами меньше начал. Бабам нашим, грибочки какие то указала, в еду мешать, чтоб животом

семья не мучилась никогда. Мужики наши, те на руках носить готовы были за варево, после которого похмелье, как рукой снимало. Вообще дар был у девы этой видать, как иначе объяснить, что и костоправить она научилась и жилы лечить, раны сводить даже могла без ниток и иголок. Книгу толстенную кожаную старая ведьма ее читать научила, да тут одной книги мало, чувствовать надо, а она видать и чуяла нутром как надо.

Избу соорудили, чтобы воров с год до нашей чудо ведарки добратся не смогли – стены с бревен в два обхвата, дверь в ладонь толщиной, крышу из цельных бревен делали, чтоб никакими когтями не продрать. Домик хоть и не большой, на две комнатухи, да только стены в землю на сем локтей уходят, так что погреб по размеру дома получился, даже пол в погребе чурбаками умастили, для тепла, да и подкоп лесных бестий исключить.

В избе этой Вира целую здравницу устроила, комнатку одну под тяжелых больных оставила, которым уход постоянный надобен. Весь подпол, со временем травами да мазями оброс на все случаи жизни. Она и роды примет, и рану охотнику утянет, хвори все вытравит из тела и детишкам и взрослым.

Так что, даже жены мужиков своих не ревновали, когда те домой чашку обычную вырежут, а для Виры в подарок резьбой украсят, да ручечку из оленьего рога резную приладят. Бабы и сам к ней с мужьями отправляли или сами несли, то вкусность какую, то настоечку на ягодах лесных редких...

И сейчас, Арн перевел взгляд с толстенных бревен сруба без окон, на крышу, где, движущаяся плавно как кошка, Вира переворачивала, сушащиеся на солнце, пучки трав. Ненадолго он залюбовался, и, надо признать, было на что. При виде ведьмы, у любого нормального мужика сердце начинало гонять кровь с повышенной скоростью, с точки зрения женской красоты, она была, что то вроде, природного самородка. Охотники, уже давно перекалечили друг друга ради такой девки, не будь она ведьмой.

Во первых, ведьме муж не положен, испокон веков так покоем положено, во вторых, побаивались они Виру, мало того что ведьма-колдунья, да еще и норовом крута деваха.

До нее почти все ведьмы наши были травницами, ведали лечением. Вот и наставница виры, была такой. Девочку приютила, когда она, после нападения вора, сироткой осталась. Травничать у девчушки сразу получилось, чуть ли не лучше наставницы, и судьба ее была предрешена. Научила она девчушку паре рецептов, да книгу читать научила.

Книга эта со стародавних времен в деревне хранится, выкупили ее еще в городе Тернь, когда обозы хаживали. Выкупили у столичного лекаря, прибывшего в город. Продавать он ее нипочем не желал, так как было это издание особо ценное и содержало на любую хворь рецепт и лекарственный и магический. Охотники тогда не поскупились, да и соседи помогли, потому как, читать обученная, лекарка у охотников была и соседям помогала. От кучи ценной пушнины из дикого леса, считавшейся бесценной по всей империи, он вспомнил, что и так почти всю ее наизусть знает, а, после того, как рудокопы пару камушков цветных подбросили, вообще вспомнил, что кучу места занимает и жить ему мешает.

Так Вира, книжку эту вдоль и поперек излазила, и травы с корешками там указанные находить не ленилась – днями в лесу пропадала. И лекарства, ею изготовленные, от многих болезней жителей деревни спасали, причем от таких, от которых раньше на погребальный костер отправлялись почти наверняка. И кровь её тоже бледнеть не заставляла, и вычитав все правила, девица раны и прочие увечья врачевать научилась.

А как начала девочка расцветать, и в деву юную превращаться, открылся у нее дар колдовской. Были в книге той заговоры всяческие, заклинаниями подписанные, так ведьмы их всегда нашептывали, для порядку видать, вдруг да поможет – не зря ж ведь писаны. Работать эти заговоры, только, не хотели, все лекарствами да травами вылечивали в итоге. Вира как то решила полностью заговор один прошептать, когда ногу сломанную неудачливому охотнику

лечила, кость вправила, мазями натерла, в желобок ногу утянула да отваром напоила, но болючий перелом видать был, жуть! Она и пошептала...

Жинка охотника, рядом сидевшая, сразу из хаты вылетела, как увидела, что свечка красным огнем засветила, а глаза у девушки ярко зеленым наливаясь начали, да будто свет из них пошел колдовской. Она по мосткам прямой наводкой к Баргу и прибежала с криками – колдовство, мол, молодуха лекарка творит в хате ее, страшно ей до жути за себя да муженька своего! Когда тот дошагал по мосткам до хаты охотника, Вира уже ощупывала место перелома, а охотник, довольно улыбаясь, мотал головой.

– Слышь, староста, я уже готовился до утра край кровати грызть, пока отвар не подействует, а ведьма наша шепнула и, идишь ты, как рукой сняла! – радостно произнес горе-охотник вошедшему в хату Баргу.

– Самой интересно, почему сработало, все же лекарки до меня шептали, а толку то не было. А я прям почувствовала, как тепло с меня сходит, и, будто, в больное место впитывается.

– Вооо, а мне полегшало сразу! И глазищи твои аж засветились зеленым. Моя, вон, дуреха убежала с перепугу!

Барг подошел к девушке:

– Ты как милая? Я слышал волшба силу забирает, как после работы тяжелой.

– Как обычно, вроде бы, зябко только стало. Дядько барг, разреши еще раз попробовать, кости лучше всех время да сон здоровый лечит, а я, как раз, сонный наговор и попробую.

– Ты уж аккуратнее, сама уже все знаешь, главное чтоб худо не стало не тебе, не этому горе-древолазу!

– Да ладно тебе измываться, с кем не бывает то!?

– А то то и оно, что с некоторыми не бывает, обособлево с теми, кто под ноги смотрит, и понимает, что дикий лес не лужок для прогулок!

В это время Вира начала шептать новый заговор. И явно желающий возразить старейшине охотник, уткнулся в подушку и засопел как ребенок.

– Надо же. Опять получилось – взволнованно произнесла юная ведьма.

Барг с удивлением наблюдал, как плавно гаснет зеленый свет в ее глазах и еле успел подхватить девушку. Вира хотела подойти и проверить дыхание спящего охотника, но в глазах потемнело, пол стал раскачиваться и, пытаясь рукой ухватиться за воздух, она почти распласталась на полу, если бы не стоявший рядом старейшина, поддерживавший ее, и не давший потерять сознание.

– Отжешь, говорил ведь, волшба то силу тянет немалую, тут аккуратничать надобно, да без нужды сильной не использовать. Оно ж дитячко видишь как, и спросить то да поучиться не у кого, окромя книжки ентной окаянной. Так что осторожней дочка, осторожней!!!

К счастью, Вира быстро почувствовала себя лучше, и вскоре научилась пользоваться заговорами из книги, не доводя себя до состояния измождения.

Само собой разумеется, жители деревни стали хранить Виру, как гигантская морская раковина свою драгоценную жемчужину. В конце концов, не каждый город может похвастаться хорошим лекарем, а уж, владеющим волшбой и тем паче!

И сейчас Арн наблюдал, как ведьма с красотой и грацией, присущей дикой кошке, перелезла через конек своей неприступной избушки и начала переворачивать пучки трав, сохнувшие на этой половине крыши. Филин начал подглядывать за процессом и и залюбовался представлением до полного отвлечения от окружающего мира.

А залюбоваться было чем! Ведьма, пережившая уже больше трех десятков зим, своей удивительной красотой могла затмить любую юную красавицу. Черные волосы толстыми блестящими струями стекали по длинной загорелой шее, разбегаясь по красивым плечам, блестящими на солнце, водопадами шелка. Тонкая талия дородной женщины, крайне аппетитно

выделяла и развитый плечевой пояс и красивые широкие бедра. У Арна ее фигура ассоциировалась скорее с лесной ланью, нежели с деревенскими девками – такие же сильные бедра, тонкие колени, подтянутые красивые икры и стройные щиколотки. Все это великолепие, окончательно переводило мужиков с разговорного на мычание, когда глаза останавливались на, по девичьи высоко поднятой, груди, либо на загорелом личике с тонким носом, высокими царственными скулами и пухлыми губками. Арн никогда не видел царственных особ и не бывал при королевских дворах, но именно так, по его мнению, должны были выглядеть королевы, такие же как Вира – высокие, стройные и завораживающие!

Вира, закончив с половиной крыши, выпрямилась и взглянула вниз на Арна. Он понял, что она видит куда смотрят его глаза даже под полями этой дебильной шапки, но взгляд не отвел.

– Слюни подбери филин, всю лужайку мне затопишь!

– Вся царственность древесному коту под хвост – еле слышно пробубнил филин.

Ведьма подошла к краю и легко спрыгнула с высоты, почти, в рост человека, и сделав пару шагов по инерции оказалась рядом с ним. Попытка приподняться на локте была пресечена в зародыше. Вира положила руки ему на горло и прижала к земле, начав второй рукой ковырять корочку засохшей мази на расплоскованном боку.

– и откуда в таких тоненьких ручонках только сила берется – только успел подумать охотник, как ведьма уже прервала ход его мыслей...

– Это не нормально, что на тебе все как на диких зверюках заживает – задумчиво произнесла она, отколов засохшую мазь с корочкой крови и рассматривая рубец с розовой кожей, в том месте где еще недавно была жуткая рана.

– Ты же сама заговор шептала, как рану обработала и края свела... вот и заживает быстро с волшебной то!

– И это тоже странно, в тебя этот заговор вошел, как вода в сухой песок, а вот когда я сонный наговор делала, меня как судорогой проняло, а тебе хоть бы хны!

– Ой ведьма, эт тебе все знать да понимать хочется, а мне охота воров всех дострелять, так что, раз быстро заживает, то и слава богам светлым, да духам лесным помощникам.

Вира встала, пристально взглянула в глаза распластанному перед ней филину и вздохнула – не любила загадок. Затем повернулась к избушке и выстрелила как пружинка, пару длинных шагов, прыжок влево, вправо ногой на колоду, влево на дровницу, толчок – и вот она уже опять на крыше, раскладывает пучки трав.

– вот коза горная – ухмыляясь и косясь в ее сторону подумал Арн.

Ведьма и правда могла дать фору многим охотникам в плане скорости и ловкости. Многие из трав, указанных в книге, росли только в определенных рощах или борах, находящихся на весоом удалении от деревушки. Успеть туда за день – задача почти невыполнимая.

Вира выбегала из дома с отступлением темноты, еще до рассвета, и подобно лесной лани неслась багом через лес без остановок, чтобы добраться до нужных трав или кореньев. Она лишь изредка переходила с бега на шаг и, только добравшись до места быстро расправлялась с кусочком вареного мяса, завернутого в листья трав, и сразу же принималась за работу. Быстро закончив, она подтягивала лямки и утяжки своего расплывшего рюкзака и, так же ветром, бежала обратно.

Арн знал это, потому, что неоднократно бегал за ней в лес, не выдавая своего присутствия, боялся что Вира увлечется, и придется отбивать девушку от проклятущих воров. Поняв, насколько хороша в лесу эта быстроногая чертовка, он стал только караулить ее в лесу вечером, на случай если она припозднится.

Несколько раз ведьма действительно могла не вернуться... однажды она забежала слишком далеко, а один раз увлеклась, найдя целый кладезь редких целебных корешков и проковырялась слишком долго, а рюкзак оказался слишком тяжелым.

Как всегда, дикий лес не простил оплошность, и ворги уже тропили ее след с наступлением сумерек. И оба раза Арн, прятаящийся в кроне и поджидающий ведьму, отстреливал тварей, как ему казалось, не выдав своего присутствия.

Он считал, пусть лучше рассчитывает только на свои силы и думает, что ее спасли быстрые ноги и счастливый случай, и не показывался ей на глаза.

Она думала, что раз хочет оставаться ее тайным спасителем, то пусть остается. И делала вид, что ни разу не замечала его оранжевых глаз в предзакатном сумраке в кронах деревьев, не слышала свиста его стрел и не долетали до ее уха предсмертные визги, гнавших ее воров.

– Раз ты уже почти здоровый, то начинай мне помогать. Тебе сейчас полезны легкие нагрузки.

– Я, признаться, не уверен, что это те самые нагрузки...

– А ты не переживай, и нос в сторону леса не поворачивай. Почти здоровый, это не выздоравливающий, так что нагрузки будут тебе разные. А пока тащи связки бадана, их надо вон на тех веревках развешивать.

Ночью ее рука опять легла на его толстую шею, не давая подняться и прижимая к душистой подушке из ароматного сена.

– А ну не выкрутасничай ночной котяра, я тебе двигаться разрешила, а не надрываться!

– Хорошо, буду только двигаться – полупшепотом пробасил филин и, не поднимаясь, подвигал тазом вправо влево...

Вира застонала, закусив пухлую губку, затем нагнулась и впиалась поцелуем в его губы. Она начала плавно, но напористо двигаться когда его горячие ладони легли ей на грудь. Вира сдерживала как могла волну удовольствия, чтобы дождаться его, а, когда почувствовала, как напряглись все его мышцы, а внутри стало жарко, не сдержав стона блаженства, выгнулась дугой и затем, вздрагивая всем телом, упала на его широкую грудь.

– Все, понял? – все еще задыхаясь, прошептала Вира – полезешь ко мне четвертый раз, опую тебя сонной настойкой, животное неугомонное!

Он повернулся на бок и, молча, сгреб ее в объятия, поцеловав в нос и прижал поплотнее. Ведьма- колдунья, которой восхищалась, но и побаивалась вся деревня, довольно поворочалась и засопела как маленький лисенок, улыбаясь уголками губ во сне.

Об их связи никто даже не догадывался, за исключением бывшего старшего охотника, а ныне старосты, Барга. Он частенько маялся бессонницей и бродил по мосткам рядом со своей хатой, бывшей ближайшей к избушке ведьмы. А слуху старого охотника могли позавидовать летучие мыши, разве что крутить ушами как заяц не умел.

Барг держал язык за зубами и молча радовался за них, потому как несправедливость распределения семейного счастья его расстраивала. Ведьме муж был вообще не положен, да и боялись ее мужики – и норовом крута, и волшебной владеет. А филинам жен назначали, ибо мало какая девка хотела мужа, которого скорее всего ворги пожрут не сегодня так завтра. Арна еще и девки побаивались – нелюдимый, больше в лесу чем в деревне, что за характер поди узнай, а, судя по ручищам да фигуре, медведя задавит не употеет. Вдруг обнимет и силу не рассчитает, аль осерчает на что, да подзатыльник сдаст, так поди кости все и переломает.

Поэтому когда ночью мимо, стоящего на мостке рядом с хатой и слушающего звуки спящей деревни, Барга беззвучно проскальзывала тень огромного филина или долетел со стороны ведьминой избушки еле слышимый звук, он лишь ехидно улыбался.

– Любитесь дети, на вас вся деревня держится, а счастья вам, кроме как друг в друге, нигде не найти, так что любитесь...

И, вдохнув в грудь аромат лесного воздуха, старейшина направился в свою хатку, чтобы попытаться уснуть – завтра, как всегда, много дел!

ГЛАВА 8

Дни стали потихоньку становится короче, но до конца лета было еще далеко. С момента, как Арн перебил последнюю стаю лесных демонов, луна успела переродиться всего раз.

Западные стаи не спешили возвращаться на освободившуюся от их более сильных сородичей территорию. Что лишний раз подтверждало крайнюю разумность проклятых тварей.

От воргов в охотничьих угодьях деревни остались жалкие остатки. В основном молодые разведчики, бегавшие отдельно от своих стай. Сейчас они бегали по одному, занимаясь тем, что охотились для собственного прокорму, и, как от лесного пожара, старались держаться подальше от страшного филина, искавшего их в лесу.

Единственную группу из пяти тварей, одного серебряного хвоста и четверки молодых, Арн пригвоздил к земле уже на третью ночь, после того, как за хорошее поведение был выпущен ведьмой на свободу.

Последнее же время он гонял по всему дикому лесу одиночек, которые, видимо разувевшись в своей смертоносности, щемились от него с повышенным старанием.

И сейчас, перебив пару простых одиночек, он охотился на серебряного хвоста, который чуть не пожрал охотников, которые слишком рано перед восходом вошли в лес на проверку силков. Тварь явно вознамерилась мстить людям за изведенных сородичей, однако, крайне рьяно и успешно избегала встречи с главным обидчиком.

Филин, забросив попытки выследить зверя, перешел к ловле на живца.

– Мсть мстью, но жрать то тебе мразь надо. На вялых лапах много не на мстишь. Показывай свою хитрую морду! – беззвучно шевеля губами проговаривал Арн, сидя в кроне огромного дуба.

Дуб стоял отдельно от стены леса. Уж неведомо какой зверь или птица притащили сюда, пару веков назад, его желудь, но, в отсутствии соперников на солнце и земельных соках, вымахал он в настоящего гиганта.

И сейчас Арн сидел на одном из нижних его суков, укрытый листьями и усиленно вглядывался, вслушивался, внюхивался.

Рядом с дубом проходила тропа, весьма утоптанная и хорошо различаемая, для наших диких мест, такая считается прям имперским трактом. И ведет она от самой деревни через пролески и лесные поляны к дальним лугам, на которых раньше располагался поселок землепашцев.

Раньше таких троп не было, но теперь, по причине отсутствия воргов, охотники и прочие жители деревни, снуют туда-сюда, стаскивая к себе все, что может дать природа. Как будто готовясь выдерживать продолжительную осаду. Запасалось все – мясо, хворост, грибы, ягоды, травы и корни. Даже ведьме выделили боевой отряд из трех ребятишек, которые по ее указке обдирали как козлята нужные травы и стаскивали в ее избушку.

Арн был уверен, что хитрая тварь, не упустит из вида тропу, где можно подстеречь припозднившихся людишек. А чтобы наверняка подманить ворга на выстрел и не рисковать своими соплеменниками, он привязал на колышек олененка, по его заказу пойманного в силки охотниками. Так же, по его просьбе они принесли бурдюк лосиной крови, которую он щедро расплескал поблизости для запаха.

Солнце уже почти опустилось за зубчатую полосу леса, и сейчас светлая полоса неба быстро уменьшалась в размерах, погружая мир в серые тона. С уходом ярких солнечных лучей зрение филина прояснялось, и он мог уже различать букашек ползающих по стеблям луговых трав, в поисках места для ночлега.

Даже внутри Арна просыпался дикий зверь, при виде молодого и вкусного мяса, бродящего по лугу на веревке, в сочетании с, ударяющим в ноздри, запахом крови. А уж поганая кровожадная зверюга, точно не должна устоять, перед таким подарком.

Он оказался прав – серебряный хвост дневал где то рядом с поселком, в надежде атаковать запоздалых лесных бортников прямо на закате. Желтые глаза пару раз мелькнули на границе леса, и Арн потянулся к колчану за стрелой.

По его просьбе, старик Хойд сделал ему пару специальных стрел. И, именно, одну из них он сейчас аккуратно достал из колчана, положил древко на указательный палец левой руки и защелкнул хвостовик на тетиве. Стрела была намного тоньше его тяжелых и дальнобойных стрел, имела маленькое оперенье и очень узкий шиловидный наконечник. Конечно прицельный выстрел такой стрелой не сделать, тем более на большое расстояние, но зато она в два раза легче, и в два раза быстрее.

Оставшись в одиночестве ворги начинают действовать очень осторожно. Они не преследуют жертву и не карабкаются за ней на дерево. Они начинают охотиться из засады. Найдя себе цель, ворг вылетает из укрытия нанося в прыжке жуткие раны своими клыками или когтями, после чего удаляется на безопасное расстояние. Добить жертву он вернется только если его ничего не спугнет. Поэтому бить такого хитрого гада приходится влет, как утку по осени.

Ворг на рану крепок как пещерный медведь. Стаи, которая добьет раненного собрата тоже нет, наконечник мал, хоть и остр, как жало осы. Задача филина ударить тварь быстрой стрелой прямо в прыжке, другого шанса не будет. Дальше рана сделает его медленнее, яд на наконечнике слабее, а боль и страх дурнее. Вот тогда можно будет и завершить охоту, окончательно прибив раненного демона.

Арн пару раз плавно растянул лук с наложенной стрелой и также плавно отпустил тетиву, проверив лук и, как говорится, прогрев плечи. Старина Хойд как всегда постарался – полированное древко стрелы идеально скользит по руке, хвостовик сделан с расширением, чтоб фиксировался на тетиве, наконечник с закладкой яда идеально соединен с древком без выступов, тормозящих ее проникновение. Вторая стрела, сестричка близнец первой, была уже наготове в левой руке, прижатая пальцами вдоль рукояти лука.

– Я тебя вижууу поганец! – сам себе шептал филин.

Высокая луговая трава, не только маскировала ворга от его добычи, но и говорила, высоко сидящему охотнику, где он и как движется. Олененок тревожно закрутил ушами, слыша шелест пригибаемой травы. Арн растянул лук и замер. Затем вспомнил про толщину стрелы и чуть ослабил натяг на пол ладони, чтобы не загнуть стрелу дугой при выстреле. Сейчас главное, чтобы кровожадная бестия кинулась на свою жертву до того, как тугой и мощный лук заставит руки подрагивать от напряжения и снизит этим точность выстрела.

К счастью, ворг не заставил себя долго ждать, момент когда он прыгнул Арн заметил по движению тростника, и он плавно спустил тетиву с пальцев, отправляя стрелу в то место, где должен показаться зверь. Тонкая стрела извивающейся рыбкой соскользнула с лука и со скоростью молнии ударила в цель.

Ворг оказался намного быстрее, чем ожидал филин, поэтому стрела вместо легкого просадила ему сверху вниз заднюю лапу. В прыжке зверь лапой распорол оленя от шеи до хвоста, но приземлившись потерял равновесие из-за раненой лапы и завалился на бок. Филин молниеносно наложил вторую стрелу, когда зверюга была еще в воздухе, и сейчас его взгляд замер на том месте, где у твари было сердце, а руки сами собой выпустили стрелу в эту точку.

Арн успел пообещать дать самому себе по зубам еще в тот момент, когда стрела своим опереньем скользнула по его пальцу. Какого сучковатого лешего он не взял под второй выстрел нормальную стрелу! Его рефлексы сработали против него, он оттянул тетиву как обычно на полный вытяг, и когда наконечник коснулся пальца, рефлекторно спустил тетиву. Теперь, выпущенная беспощадно убойным луком, тоненькая и слишком мягкая стрела выполняла

такие пируэты, что угадать куда она попадет, дело гиблое, чудо, что не сломалась. Извиваясь как бешенная форель, стрела изменила траекторию и вонзила свое жало в подмышку под переднюю лапу ворга. Зверь взревел и, извернувшись, вскочил на лапы. Убойная тяжелая стрела с трехгранным наконечником уже легла на лук, но Ворг успел прикрыться высокой травой и активно улепетывал в сторону леса.

– Вот и поменялись мы с тобой местами, бестия белохвостая, теперь ты бежишь, а человек догоняет, и никуда тебе не скрыться с двумя то дырявыми лапами!

Арн понимал, что даже яд, к которому они уже привыкли, не добьет его, а стрелы хитрый серебряный хвост додумается выдернуть зубами. Поэтому надо пойти и добить эту тварь пока она не оклемалась. Он почти уже прыгнул на землю и побежал по следу, как до его уха донесся вой.

Одна бровь поползла в верх от удивления – это был сигнал гона. Сигнал подавал ВОЖАК и говорил он о том, что СТАЯ гонит добычу! Вой раздался еще громче и ближе, после чего вторая бровь Арна догнала первую и вместе они попытались убежать на затылок – стая гнала кого-то с запада по этой тропе!

В голове филина мысли начали носиться, как озверевшие дикие пчелы:

– Все охотники и бортники с запада давно в деревне, кого вы гоните? Да и как наглости и смелости вам мелким сямкам хватило сюда вернуться!?! – произнес он вслух, так как в голове эти вопросы не укладывались.

Это явно была одна из стай, которые сбежали от них на запад, дабы не мешать своим более крупным и свирепым сородичам расправляться с охотниками.

Через пару мгновений, в дополнение к уползшим, куда то наверх, бровям, от лица попыталась отвалиться еще и челюсть – по тропе из-за деревьев выметнулась огромная телега, запряженная четверкой странных зверей, чем то напоминающих безрогих лосей или оленей, только с более странными мордами. Здоровенная телега, была скорее избушкой на колесах с большими зарешеченными окнами. На ее крыше располагалась непонятная конструкция в виде лежащего на подставке бревна с приделанным к нему намертво огромным простым луком, и двое человек, которых филин раньше не видел, пытались снарядить его стрелой. Еще двое сидели спереди и неистово настегивали зверей, тянущих всю повозку. Из окон во все стороны торчали пики копий, блестящих настоящим железом. Но главное диво было в том, что из этой повозки периодически вылетали комки пламени в сторону преследователей, будто кто то макал раскаленные поленья в масло и, когда они вспыхивали с утроенной силой, с неимоверной скоростью швырял их в цель.

Ворги показали сразу за телегой, они действовали как обычно, молодые звери гнали за телегой и постепенно обходили ее с боков, вожак в окружении серебряных хвостов держался на небольшом отдалении позади, готовый нанести довершающий удар, как только молодняк сможет остановить или замедлить добычу.

Арн сделал усилие над собой, вышел из ступора и собрал лицо назад в прежнее состояние. В первую очередь, он переборол желание прыгнуть вниз и побежать навстречу – твари хоть и мельче местных, но это целая стая, встретить которую посреди луга чистое самоубийство!

В этот момент два ворга догнав телегу почти одновременно прыгнули, и уцепившись когтями за край, полезли наверх. Первого сбросили стрелой из странного лука, который всё-таки смогли зарядить двое на крыше, второй, запрыгнув наверх, одним ударом лапы расположил руку одному из стрелков. И все бы могло кончиться быстро, но через люк в крыше вору в живот ударило сразу два копыта с острейшими пиками. Зверюга взвизгнув слетела с телеги разбрызгивая кровь, и тут же была растерзана своими сородичами.

– Тяните, тяните! Неситесь как никогда, если шкуры дороги! До меня дотяните, я уж подсоблю! – шипел сквозь зубы филин, понимая, что для спасения им надо добраться к нему, тропа как раз проходит под ветвями его дуба-великана.

– Почему вы не стреляете хвосты пороссячи? Нас уже с флангов обходят! – раздался хриплый, но мощный голос капитана имперских пехотинцев.

– мы несемся аки дикие туры по полю, тут самому бы не выпасть, а не дротик в желоб класть! Хош, капитан лез сюда и сам попробуй.

– По огрызайся мне, я сейчас прикажу ход замедлить, чтоб вам покомфортней было, первых и сожрут там!

– Коли эта тропа не приведет никуда, то готовимся на тот свет люди-человеки, кони в мыле ужо, падут, часа не пройдет, ежели ноги им не отгрызут раньше! – раздался крик с козелков, от одного из управлявших телегой.

Раздался удар в заднюю стену повозки и послышался звук раздираемого когтями дерева.

– К вам они лезут, заряжай быстрее олухи!

Раздается хлесткий звук тетивы баллисты и один из зверей слетает с повозки, спустя мгновение вместе с ревом вора раздается крик одного из пехотинцев, а проклятая тварь оказывается прямоком над закрытым стальной решеткой люком в крыше.

– БЕЙ! – успевает скомандовать капитан, и сразу двое копейщиков отточенными ударами пропарывают брюхо бестии.

– Целы вы там наверху?

– Илта он полосонул капитан, руки считай нет. Если сейчас не замотаем истечет парень.

– Давай его к нам быстро и заряжай сразу, они уже с боков обошли, до коней не дай добраться.

Солдат на крыше приоткрыл люк и толкнул в него тело своего товарища. Его подхватили на руки не дав удариться об пол повозки. Рука была исполосована двумя глубокими ранами от самого плеча до кисти. Кровь толчками выплескивалась из разорванных мышц и сосудов заливая пол.

– Матс, чего хочешь твори, но на тот свет не его пускай – нас и так по пальцам посчитать осталось! – Прорычал капитан.

Солдат на крыше сумел таки опять зарядить баллисту и сделать прицельный выстрел, еще один ворг, подбиравшийся к лошадям кубарем покатился в сторону и был разорван стаей.

– Не знаю откуда тут тропа, да жить тут акромья привидений с этими тварями никто не сможет, сам понимаешь капитан – живых тут нету, куда хоть несемся то?

– Там скала на старых картах, рядом с которой деревушки были, может пещеру найдем, единственная надежда.

– Что маги командир, почему огонь не метают, на них ведь надежда вся?!

Капитан угрюмо глянул на изнеможенные лица трех магов. Двое мужчин, закутанные в плащи сидели на коленях с мертвенно бледными лицами и держали за щиколотки хрупкую девушку со светлыми волосами, выбивающимся из под капюшона походного плаща. Ее силы были давно на исходе, и двое мужчин, касаясь ее, отдавали ей последние крупяцы силы, которые им удавалось восполнить. Девушка напряглась и с кончиков ее пальцев соскользнул огонек, который, пролетев через заднюю решетку повозки, увеличился и ударил в ближайшего зверя, а на пол упали несколько капель крови из носа чародейки.

Капитан вздохнул, опаленный зверь уже вскочил и опять бежал за телегой, вместе с ним еще четверо настигали повозку и готовились к прыжку. Почувствовав его отчаяние, чародейка обернулась к нему:

– Наши силы на исходе сэр Тэрий, этих созданий мы уже можем только отпугнуть или ранить, если найдете пещеру, то мы удержим малый огненный щит на входе, иначе нам конец. Я чувствую силу этих зверей, они сильнее, решетки их не удержат.

В этот момент очередная зверюга запрыгнула на телегу, один из солдат ткнул в него копьём через решетку, но изворотливый зверь ухватил зубами древко и с силой мотнул голо-

вой, перекусив копьё как прутик. Пехотинца приложило о стену повозки, и он сполз на пол с размочаленным огрызком копьё. К счастью второе копьё ударило более удачно, и зверь с визгом отпрыгнул от решетки.

– Кажись приехали мы братцы – Тихо произнес капитан Тэрий сам себе...

– Капитан! Я вижу очертания скалы! – раздался крик с козелков – ТАМ! ТАМ ОГНИ!!!

В этот момент по крыше раздался удар, судя по звуку на нее кто то спрыгнул с дуба под которым проносилась повозка.

Тэрий посмотрел вверх сквозь люк и увидел огромного звероватого человека, кажется горбуна. Капитан имперских пехотинцев видел много воинов, и сразу определил, что против такого полузверя он вставать не желает ни за какие медали! Горбун скользнул взглядом по нему, и Тэрия, будто, обожгло взглядом светящихся оранжевых глаз. Капитан ошарашенно наблюдал как этот горбун взял одной рукой за шкуру его стрелка, и бросил его как котенка через люк к ним в повозку, затем встал на одно колено и начал стрелять из странного вида лука. Тэрий понял, что не может уследить сколько стрел выпускает этот стрелок, так быстро они уходят в темноту. Жуткий свист стрел, хлеставший всем по ушам как кнутом, вывел старого вояку из шока, и, обернувшись назад, он увидел, как пятерка самых рьяных преследователей кувыркаясь падает на землю пронзенные стрелами. Жуткий свист раздается снова, и бегущие по бокам ворги, так же утыкаются мордой в землю с пробитыми навывлет шеями.

После этого горбун срывает с пояса небольшой рог, и прислонив его к губам подает протяжный сигнал. Мгновение спустя, со стороны дубравы, расположенной под стеной, в их сторону летят десятки горящих стрел. Кажется, стрелы летят хаотично, но каждая ударяет в нужную цель и десятки куч с хворостом и соломой вспыхивают вокруг них.

Погрузившийся было в сумрак, луг освещается светом костров. И, уже похоронившие себя, солдаты и маги видят, как непобедимые зверюги улепетывают на запад, заслышав звук рожка странного человека-горбуна.

Горбун еще раз пристально оглядел своими страшными глазами, все происходящее внутри повозки, и повернувшись пошел к козелкам.

– Туда едь – сказал Горбун кучеру на козелках, показывая на избушку рядом с дубовой рощей, вокруг которой горело четыре костра. Кучер, который явно тоже был опытным солдатом, понятия не имел кто это, но было в этом голосе что-то повелительно безысходное, так что послушаться этого приказа даже и не подумал.

Телега остановилась возле избушки. Из этого домика сразу выбежала женщина. Огромный зверо-человек спрыгнул прямо с крыши телеги на землю как кот и, вместо того, чтобы переломать себе ноги, просто встал и пошел ей навстречу.

– Готовь бинты и настои Вира, у них много раненных, кровью пахнет за версту – произнес он сильным голосом и повернулся к ним.

Из темноты на свет костров вышло еще с десятков горбунов с луками и один высокий седой старик с посохом.

– Что делать капитан? – произнес один из солдат.

– Выйти поздороваться и сказать «спасибо»! Кто бы ни были эти..., но они спасли нас. К тому же они говорят по нашему, а главное их боятся ворги, так что я лучше к ним!

Охотничий рог Арна прозвучал с запада, оттуда же незадолго до этого раздался вой вожака, невесть откуда взявшейся, стаи.

Дозорные подали сигнал тревоги, и на мостках уже готовы к бою более двух десятков охотников. Они дают залп, зажжёнными от светильников стрелами, каждый по своей куче хвоста, которые Барг распределял заранее.

Старейшина не зря заставлял стрелков тренироваться попадать в свою вязанку даже в темноте, костры вспыхнули все до единого, разогнав ночную тьму над поляной.

С запада, неслась большая повозка, запряженная непонятными животинами, на крыше стоял филин и сыпал стрелами в воров.

Бестии, сначала, начали метаться по поляне ослепленные светом костров. Затем, дружно стали улепетывать, слыша визги своих гибнущих под стрелами сородичей. Вожак начал выть, подавая сигнал к отступлению стаи, когда узнал запах страшного ночного человека, перебившего прошлым летом треть его стаи, но захлебнулся кровью и упал со стрелой в горле, молотя воздух когтистыми лапами.

Повозка остановилась возле дома Виры, и Арн спрыгнул с крыши. Он перекинулся парой фраз с выбежавшей на шум ведьмой, приветственно кивнул своим братьям охотникам и Баргу. Затем повернулся к телеге и сделал приглашающий жест.

Старейшина, первый подумал о том, что здоровенный охотник с горящими глазами, выглядящий в своей одежде, как медведь-оборотень, может напугать неожиданных гостей не меньше воров, тем более, когда телегу обступили почти два десятка таких же «красавцев».

– Здрэвы будэте стрэнники, вы можете выхóдить, вашим раненым нужна помощь, а вам сытный ужин и отдых.

Капитан Тэрий думал сейчас лишь о том, как сохранить жизни своим истекающим кровью товарищам, и молился, чтобы у этих дикарей оказались, хотя бы, чистые тряпки на перевязку. Но при упоминании о сытном ужине, урчащий желудок, напомнил хозяйину, что последняя трапеза была больше суток тому назад.

Тэрий осмотрел своих спутников: совсем юный парень Илт лежал на полу в луже своей крови, с лицом почти белого цвета. Несколько солдат лежали в углу повозки перемотанные остатками окровавленных бинтов. Рядом с ними сидел его старый друг и боевой товарищ Корст, с жутким укусом на ноге, который он получил пару дней тому назад, рана начала гноиться почти сразу и сейчас он был в бреду от жара. Маги сгрудились посредине повозки, молодой рыжеволосый чародей был без сознания, а седовласый маг с мертвенно-бледным лицом придерживал голову молодой смазливой девушке, которая лежала на спине, закатив глаза с перемазанным кровью лицом. Остальные четверо солдат стояли, опираясь на древки своих копий, готовые упасть в любой момент от усталости и пережитого ужаса.

– Собрать волю в кулак, помочь раненым, отдать нужные команды, проследить за выполнением, и только потом упасть и, наконец то, сдохнуть – пробормотал сам себе капитан имперских пехотинцев открывая решетчатую дверь повозки.

Не успел он раскрыть рот, чтобы спросить о размещении раненных, как в открытую дверь вихрем влетела молодая женщина с иссиня-черными волосами. Она за мгновение окинула всю картину взглядом и метнулась к, теряющему последние крупинцы жизни, Илту. Одним быстрым движением она накинула ему на руку, невесть откуда появившийся в ее руках, ремешок и, умело, пережала артерии у самого плеча.

– Быстро этого на стол, остальных раненных во вторую комнату, по лавкам. Этих, в балахонах, тоже ко мне. Трех девок ко мне в помощь и одного охотника, раненных перекладывать – работы на всю ночь! Остальным мяса и меду хмельного не меньше чарки, проследите, чтоб выпили! – громко и властно прозвучал ее звонкий голос.

Почти сразу, слегка обомлевшего от такой бесцеремонности, капитана отодвинули с прохода здоровенные зверюроды с горбами на спинах из которых торчали веером древки стрел. Раненных вместе с магами быстро сняли с повозки и занесли в дом девушки, которая, как понял Тэрий, была местной знахаркой.

Он попытался проследовать за ними, но оставшихся на ногах его людей под белы ручки повели в другом направлении. Старик бывший здесь, видимо, главой поселения, положил ему на плечо здоровенную ладонь и слегка сжав в попытке выразить свое дружелюбие, чуть не выдавил ему легкое. После этого капитан понял, сопротивляться гостеприимству бесполезно, иначе этот «дедушка» ему все кости вынет.

Их усадили за стол и, без лишних разговоров, поставили перед ними деревянные кружки в которых исходил паром густой мясной бульон. Запах был одурманивающий и, голодные солдаты, почти одновременно, залпом опустошили кружки.

Не королевский, конечно ужин – подумал Тэрий – решив что это все, но в животе стало тепло и кишки сразу отлипли от позвоночника. Тут же показались женщины, которые поставили перед каждым миску со здоровенной оленьей ногой горячего копчения, а в центр стола водрузили блюдо с горячими хлебными лепешками желтого цвета.

Струйка пара от сочной оленины заползла ему в нос и он застонал от блаженства. Сам не помнит как его руки ухватили обжигающий пальцы кус мяса и теплую лепешку. Капитан с довольным рычанием отрывал зубами куски мяса, которое таяло прямо на языке и заедал его странного вкуса мягкой, ароматной лепешкой. Он только успел заметить, что его люди не отстают от него в уничтожении провианта, как на столах оказались широкие чарки. Густую, сшибающую с ног одним только пряным ароматом, жидкость разливали из бурдюков в чарки охотники, видимо не доверив сие серьезное дело женщинам.

– Самое время – подумал капитан, надо бы смочить горло, чтоб лучше заходило съестное и жадно припал к деревянному кубку.

Напиток оказался ни на что не похож, был удивительно сладок и от него во всем теле пошли волны тепла. Он с трудом оторвался от чарки, когда она опустела на половину, умял еще одну лепешку с доброй порцией мяса и с удовольствием допил большими глотками сладкий напиток. Его бросило в жар от сытости, и блаженства в урчащем желудке, на веки навалилась усталость, по мозгам дало с такой силой, что он кажется полетел куда то, не вставая со стула, и, успев понять, что сладкий напиток в чарке был хмельным пойлом, способным свалить быка, он с довольной улыбкой на пьяной морде сполз под стол, где уже раздавался дружный храп его подчиненных.

– Поди ж ты как умаялись бедняжки – произнесла одна из женщин.

– Ну вот! Как зайды так умаялись! А как свои мужики чарку опрокинут, так сразу дикие свиньи! – пробасил один из охотников, и под дружный гогот своих друзей, отодвинул от стола стулья.

– Лан мужики, давай те ка их куды помягше переложим, и правда ребятки страху натерпелись. Не попадись им Арн на тропе, ужо б в желудках воров варились!

Утром Тэрий открыл глаза, ожидая адской похмельной головной боли и прыгающего к горлу желудка, аккуратно и плавно поднялся на локтях. Прислушавшись к организму, с удивлением, не обнаружил ни мигрени, ни тошноты. Осмотрел маленькую комнату избушки в которой по углам дрыхли на сенных матрацах его бойцы. Поднявшись, ощутил, что может валить дыханием комаров, да не крупных птиц и готов осушить небольшое озеро. К счастью, оказавшиеся вполне гостеприимными хозяевами, зверолоды были знакомы с последствиями своего коварного напитка, и посреди комнаты стояло ведро воды. В ведре плавал маленький деревянный ковшик и несколько листочков какой-то травы или кустарника. Вода была настолько прозрачная, что, казалось, они висят в воздухе.

Перелив с помощью ковшика в себя треть ведра, посвежевший капитан, решил провести разведку, до пробуждения своих солдат и вышел из хатки.

К своему удивлению, Тэрий обнаружил, что хата располагается на дереве, достаточно высоко над землей и соединяется целой паутиной мостков с другими древесными домиками. Он быстро нашел ближайшую лестницу, спустился и сразу же наткнулся взглядом на самое необходимое, стоящие в стороне маленькие шалашики свитые из прутьев. Явно сделанные для справления нужды.

Когда он, вновь ощутивший тягу к жизни, вышел из шалашика, невесть откуда появившиеся женщины, резко взяли его в оборот, попытавшись усадить за утреннюю трапезу. Со всем почтением, на которое способен имперский офицер, он на отрез отказался приступить к тра-

пезе, пока не проверит раненных. Тогда одна из кухарок махнула ему в сторону деревянного сруба, стоящего совсем рядом с дубовой рощей, приютившей деревню.

На подходе к избушке он увидел старика—старосту, сидевшего в теньке вместе с седовласым магом, который имел весьма неприглядный зеленоватый оттенок лица, как после дешевого поила в третьесортном кабаке. Рыжеволосый паренек сидел на коленях неподалеку на берегу небольшой речушки, и периодически макал голову в прозрачную воду. Золотоволосая девушка-маг сидела на дубовой лавочке, привалившись спиной к стене избушки с ведром на коленях, терзаемая приступами рвоты.

– Уже лучше чем вчера – про себя отметил капитан, вспомнив вчерашнее состояние господ магов.

Старшего мага с аккуратной седой бородкой звали Лайн, все перед именем добавляли магистр, рыжего паренька Ютий, а светловолосую девушку Мирандой. Тэрию было глубоко поспать на их высокоуважаемое магическое самочувствие, живы и ладно. Но политес надо было соблюдать, и просто молча пройти к своим людям он не мог:

– Господин Лайн, рад видеть вас в здравии. Ваше вчерашнее состояние сильно напугало меня, сегодня вы выглядите намного лучше. Буду рад услышать о вашем самочувствии в целом.

– Благодарю вас капитан, живы благодаря действиям местной целительницы... эээм... запаматовал уважаемый старейшина Барг...

– Виры.

– Да, точно, Виры. Вчера мы почти полностью исчерпали запасы магической энергии в себе, что могло привести к крайне печальным последствиям. Оказалось, местная целительница знает рецепт энерго-тоника или, как его еще называют, зелье восстановления сил. Правда сила в местных травах оказалась неизмеримо концентрированной, а его действие чрезмерно сильным, так что, у нас уважаемый капитан Тэрий, выражаясь проще, магическое похмелье после слишком большой дозы лекарства.

– Идите уже к своим людям юноша, не мешайте господам чародеям отмокать – без лишних словесных па, отправил его старейшина деревни, чем сразу заработал себе симпатию со стороны капитана.

Он зашел в избу, и сразу увидел лекарку, спящую сидя за столом, положив голову себе на руку рядом с кружкой, остывшего, травяного чая. Видно было, что девушка очень бледна и, кажется даже похудела, по сравнению, со вчерашним вечером.

В соседней комнате, он увидел своего друга Корста, который поманил его жестом к себе. Корст лежал на пучках душистого сена, накрытых лосиной шкурой, и выглядел подозрительно бодро для человека, который вчера бредил от жара и заразы в крови.

– Здорово братец – Прошептал он – только тихо не разбуди Нашу спасительницу, умаялась дева за ночь с нами.

Тэрий послушно перешел на шепот:

– Да ты, никак, помирать передумал дружище!? Вчера от тебя трубку раскуривать можно было!

– То то и оно братец! Помнишь лекаря нашего походного, волшбой который владел?

– Конечно помню, весь батальон еще завидовал такому лекарю, он края раны сводить магией мог, да настойку боль притупляющую сам делал. Сам потом глаза закатывал, после заклятий своих, но рана быстрее раза в два рубцевалась – чудеса да и только!

– Вооот! Дите малое тот лекарь, по сравнению с этой вот спящей девицей. Она мне когда отваром своим напоила, стала ножом рану вскрывать и чистить, я даже не пикнул, тело как не мое было. Мхом каким то переложила и спеленала – спал как ребенок, сейчас чую, что ни боли, ни жара, только жрать хочу как лось!

– Дык, я ща мигом!

– Да погодь ты! Без тебя тут нянек хватает... Илта помнишь как располосовало...

Капитан потупил взгляд и вздохнул:

– Мы с тобой дружище не в одной заварухе побывали, сам понимаешь... Что парень одной ногой в могиле сразу понятно стало. Еслиб лекарь опытный был, руку отнять да артерии прижечь, еще б был шанс... а так, в поле...

– Назад оглянись дурья башка – ехидно прошипел Корст.

Капитан обернулся и оглядел спящего у стенки, и брови плавно поползли к затылку. Илт лежал на кровати бледный как простыня, но дыхание мерно поднимало его грудь, поврежденная рука, на которой были разодраны до кости все жилы и мышцы, была переложена травами и туго замотана повязкой. Но самое главное, парень во сне периодически вздрагивал и пальцы на поврежденной руке, при этом, тоже подрагивали!

– Аааааа... ээээ... – только и смог проблеять капитан.

– Вот тебе и ааааа! Капитан... Сосунок выходит наш чудо-лекарь был, супротив девицы енттой! Я тут за ночь чудес нагляделся. Она над ним шептала до потери сознания, и не то что рану, все жилы ему свела, потом ее бабенки местные саму в чувства приводили. Да только думаю, от такого у любого мага-целителя с имперским дипломом пукан разорвет от натуги, а она сдюжила!

– Я, брат, если честно, трупы шел считать, а теперь петь-плясать охота!

– Понимаю. Мне лекарка на ногу опираться запретила. Уж кого-кого, а ее я как себя слушать буду! Так что за эти стены не выглядывал, но чудится мне чудес много за стенками этой избушки. Народец то дивный, мало того, что сами диковинные – бабы вроде обычные, только высокие все непривычно, а мужики все с горбами и здоровые как буйволы. А про то, как они средь лесных чудовищ выживают, я вообще молчу! Ты не молчи командир, хоть чего там видел то скажи?

Капитан задумался, понимая, что ответить о чудесах снаружи пока не готов:

– Ээээм... Дома на деревьях. Все. Ну, кроме этого. Брага оторвибашка у них. Пока все.

– Охренеть ты «глазастый» командир. Остальные как?

– Остальные пока только, что брага оторвибашка знают.

– Нахренились и дрыхнут?

– Да. Целые все. Вчера накормили, отпоили, спать уложили, сегодня ведро воды ключевой на водопой поставили. Если сожрать на обед нас не попытаются, то готов буду в ноги кланяться за хлеб-соль и чудесное спасение.

– Захотят сожрать, тут уж ничего не поделаешь командир. Вурдалака того помнишь здорового с горящими глазами, что на крышу нам спрыгнул?

– Такого хрен забудешь!

– Он первых воров стрелами, как рукой мух смахнул! Мы таких тварей копьями не в каждое место пробивали, только баллистой...

– Видел. Они тут все такие. Помельче чуть, но все равно здоровые, как северные медведи. Да только страха я к ним не чую Корст. Зла б желали – стали бы вас латать так усердно. Думаю нужны мы им не меньше, чем они нам...

– И то верно дружище. А ты ступай, с нами тут, сам видишь, как с императорской семьей. А спасители наши поди разговора ждут.

– Да. И поди, не одну сотню лет...

Тэрий поднялся и тихо, чтобы не разбудить чудо-целительницу, двинулся к выходу. К его удивлению, девушки во второй комнате уже не было. Выйдя на улицу, он обнаружил ее подливающую магам в деревянные стаканчики какой то травяной чай. Господа магистры отхлебывали потихоньку и, на глазах, меняли оттенок лица с зеленого на розовый.

К нему сразу подошел старейшина Барг:

– Пойдемте друг мой Тэрий, я покажу вам дорогу, а вы поможете старику доковылять до столов с утренней трапезой.

С этими словами он взял руку капитана и завел себе под локоть для опоры. Капитан чуть не взвизгнул – «старик» по причине своего высокого роста, сам того не желая, дернул ему руку своей медвежьей силой так, что чуть не вывихнул плечо. Затем, делая вид, что опирается на сильную руку Тэрия, зашагал семимильными шагами к дубраве, таща, едва успевающего переставлять ноги капитана, как тряпичную куклу.

Почти в центре деревни под кронами огромных вековых деревьев, утыканных хатками и мостками, стояли столы с лавками.

– Вы юноша, как я успел понять лучший воин. Эээ, то есть командир войнов.

– Я на ваших лучников гляжу уважаемый старейшина, и уже не уверен, что нас можно войнами называть, рядом с вашими...

– Ой да вы скажете! Войнов у нас отродясь и не водилось, только охотники. У нас в деревне испокон веков так. Так что о воинских делах с вами мне разговор держать. Но это не сразу, ступайте своих людей подымать – завтрак пропускать совсем негоже!

– Охотники они... Супротив такой дичи охотится. Богов потом пугать можно такими охотниками! Причем и темных и светлых, не то что войнами обзывать! – бубнил себе под нос Тэрий, освободившись от железной хватки Барга и направляясь к лестнице на мостки.

Зайдя в хату, он обнаружил, что все четверо уже проснулись, отпились и маются в ожидании. Один из солдат сразу завел разговор о боевых товарищах:

– Илт и Корст понятно командир, поди отмучались. С остальными как, они полегше были, могут ведь оклематься.

– Выдохнули братцы! Боги светлые нас видать рукой своей сюды направили, угодили мы им делом своим правым! И парни наши живы все до единого! Илт, правда, пока только ложкой орудовать сможет, за копье пока рано думать. Корст сидит довольный как лис в курятнике, вроде как ходить скоро сможет. Остальные будут как огурцы через пару дней!

– Маги!? Маги спасли?! Они ж не лекари, у боевых магов лечение, токмо ежели рану прижечь или добить, чтоб не орал шибко!

– Видать, мужики, удача нам аванс выдала, да аж на пол жизни вперед. Лекарка местная оказалась магом целителем, посему и живы, и даже калеками не станут. Так что еще повоюем! А сейчас все строим в столовку, я так понял, тут завтракают всем селом и отлынивать не принято.

Их усадили за стол из толстых дубовых досок, затертых тарелками и локтями до блеска. Вокруг, прямоугольником, были сделаны массивные лавки из распиленных вдоль бревен, опирающихся на такие же толстые чурбаки. Во главе сел староста, солдат рассадили по бокам, Тэрия по правую руку от Барга. Стол мог вместить еще пяток человек, но больше никто не сел – «значит будет разговор» – сразу понял, не вчера на свет вылезший, капитан. Он расслабился – к старейшине испытывал симпатию и доверие, а лишних ушей не будет.

Женщины принесли миски с кашей из чего то непонятного, но явно сдобренного доброй порцией мелконарезанной оленины и мясным бульоном. Вид был не очень, но от запаха слюни чуть не потекли на колени. На середину поставили миску с теми же лепешками и расставили каждому по чарке. На этот, раз там был ягодный отвар из земляники, малины и лесной мяты. Тэрий заметил с торца стола, напротив старосты еще одну миску и чарку. И тут же густая тень упала на стол.

Капитан сразу узнал охотника, спрыгнувшего ночью на крышу их повозки и развернувшего стаю ночных тварей. Хотя ночью он видел только силуэт высокого человека с широкими плечами, но эти оранжевые глаза не узнать невозможно. Тогда они горели как два ярких оранжевых огонька, сейчас, при солнечном свете, они тускло светились из под нависающего капюшона, как пара угольев присыпанных пеплом. Он подошел к свободному месту и, кивнув присутствующим, молча уселся за стол.

Тэрий поймал себя на мысли, что постоянно держит этого охотника взглядом. Его давным-давно, юнцом попавшим в армию, учили смотреть за самым опасным противником. И сейчас опытный боевой офицер, прошедший то, от чего многие сон потеряют, смотрит на этого странного человека с шевелящимися от страха на затылке волосами. Ощущение, что из леса к людям вышел дикий зверь, не покидает его ни на секунду, а рука сама пытается прыгнуть на рукоять меча, которого, кстати, на поясе нет.

Тэрий пытался убедить сам себя, что это тот человек, благодаря которому они все живы, и что это друг, но голова понимала одно, а глаза видели дикого зверя в облики человека.

Капитана не просто так назначили командиром этой важной и рискованной экспедиции. Среди прочих командиров он всегда отличался опытом, смелостью и разумным подходом. Главное – он замечал каждую мелочь в любом противнике и умело это использовал, за это считался хорошим стратегом и тактиком.

В этот раз, как и всегда, он заметил намного больше, чем его люди. И увиденное его пугало – этот здоровяк был, будто бы отлит из гранита. Ткни такого древком копья и разможжишь деревяшку в щепки. Такие мышцы он видел у чудом уцелевших в сотнях боев ветеранов или гладиаторов-чемпионов в провинциях. Когда воин в каждый удар вкладывает все оставшиеся силы, и от этого зависит его жизнь, только тогда жилы, рвущиеся стократно от нечеловеческих усилий, превращались в сталь, которая не ведает преград. Но и эти элитные бойцы были уязвимы. Он видел их уязвимые места, видел слабости и это его всегда успокаивало. Но не сейчас, он первый раз увидел человека на которого он не сможет никак повлиять, что бы он не делал. По тому какие жилы развиты на руках, Тэрий безошибочно определял основное оружие война. Этот парень выглядел как бог войны, который не покидал поле битвы много лет и каждое мгновение был на грани смерти. Он подошел абсолютно беззвучно, а его движения были плавными и мягкими, как у белых горных тигров, обитающих далеко на севере империи. Сразу стало понятно, что во всем его теле не найдется мест, где успел отложиться жирок, но несмотря на это, толстенная лавка жалобно пискнула, приняв на себя вес его мышц, будто выструганных из мореного дуба. И что бы он не делал, не было ни одного лишнего движения, казалось он всегда экономил силы для долгого забега, который начнется в любую секунду.

Тэрий первый раз почувствовал себя беспомощным из-за присутствия более сильного человека. Потому как раньше всегда верил, что может победить, так или иначе. Сейчас он ощущал беспомощность – начини этот человекозверь откусывать головы его людей, он никак не сможет им помочь, кроме как подsunуть свою. И эта беспомощность злила и пугала его одновременно.

– Знакомьтесь молодцы, это Арн. Он один из ночных охотников. Ночные охотники у нас филинами зовутся, они за охоту на богомерзких серых демонов ответственные. Он, значит, в разговоре хотел поучаствовать.

Арн с удовольствием втянул носом пар поднимающийся от каши, затем поднял взгляд и еще раз кивнул, как бы подтверждая – имя его, пришел не случайно, столиком не ошибся. И тут же потеряв к ним интерес – занялся кашей, ловко орудуя ложкой.

– Буду несказанно рад ответить на ваши вопросы, многоуважаемый Барг, и надеюсь получить ответы на свои, ибо именно за ответами и был послан наш отряд в это дальнее странствие.

Переговоры были для капитана делом не чуждым. И он начал, как и полагалось с обмена любезностями, чтобы подготовить поляну к вытягиванию нужной ему информации.

В самом начале Барг поднял руку и остановил его:

– Ну понеслась! Я стар юноша, на красивые разговоры времени не имею – еще делов переделывать, оооооо!

– уважаемый стаа...

– Барг. Просто Барг, юноша. – прервал его старейшина.

– Я имел тяжелый разговор с вашими эээ..., как же... магами. Как вон... с тем дубом говорить. Слова, слова, а смыслу нет. Пока не объяснил. И вам сейчас сразу объясню.

– Хорошо. Слушаю вас Барг – задумчиво произнес капитан, слегка выбитый из колеи нестандартным ходом переговоров.

– Оглянись воин, нет здесь ни городов, ни армий, ни даже дорог. Дикий лес есть, ворги твари есть, и горстка людей есть, которая выжить пытается. ВСЁ! Не сможем мы ни с кем поделится, ни рассказать никому, что ты нам поведаешь. Да и простые мы, что хочешь узнать – расскажем. Нет веры – сам гляди. И на правду правдой ответь, иначе неча воздух трясти да дичь распугивать.

Тэрий обвел взглядом вокруг и опустил глаза... Мастеровых он выделил сразу: все седые, а то и полысевшие; кто то в фартуке кожаном; у кого инструмент из карманов торчит. Женщины и детишки все хозяйничают, видимо уже поели вперед мужиков. Большинство мужчин при луках и стрелах, которые не снимают даже за столом. Даже лавки сделаны так, чтоб закрепленным на спине луком не цепляться. Все рослые, крупные и широкоплечие, даже женщины по росту вровень с его солдатами. Горбы на спинах только у охотников, оттуда и торчат веером стрелы. Значит это, всё-таки, особенность обмундирования, а не уродство, как он подумал изначально. Но это не военный лагерь и не лесной бандитский стан – это мирная деревня охотников, выжавших здесь благодаря своей силе воли и знанию ремесла.

– Прости старого вояку отец, ты прав, хитрим как на войне – противники, союзники, обмен сведениями... Вы жизнь спасли нам, кормите, раны врачуете, так что вам правды не пожалею.

– Ну и славно молодой человек, значит будет добрый разговор, дельный, а не пустомельство. Я, вот, вашего магистра Лайна, если память не подводит, аж об слушался, скачет словами, аки заяц пели на снегу рисует. Слов много, а ничего не сказано. Пока вот так ему глаза не открыл, устав воздух молоть, слава богам, тоже согласился, что негоже тут таиться – место не то!

– И то верно. Магистр вам поди уже много поведал... Чтоб мне по кругу не рассказывать.

– Да юноша... Своим появлением вы порадовали старика, что, мол, не всех людей пожрали на белом свете. Рассказал про то, как тиранят окаянные ворги старую добрую империю Анкараев. Которая кстати целая, слава Богам светлым. И что послали вас в то место, откуда зверье это поперло – на восток. Но, в целом, темнит ваш чародей аки ворон трехсотлетний... Видать разучился давно по душам Разговаривать...

– Маги народ не разговорчивый, они и с нами то, не то ни это....

– Вот посему, заканчивайте с завтраком, и будем дополнять до цельной картины. А то вон, ваши бравые вояки уже по дну мисок ложками скребут, а вы только ложку купаете...

После завтрака, когда женщины забрали посуду, Барг затребовал принести котелок с ягодным отваром.

– Да чтоб с огня, понаваристее и погорячее. И пусть черпачок меду хмельного плеснут в отвар для вкусу. Кружки всем не забудьте.

– Трех кружек хватит – вмешался капитан – моим солдатам пора повозку с конями проверить, оружие оставшееся, провиант.

– Полно вам капитан. Глянут наши мастеровые и повозку, и оружие. Зверей дивных ваших напоили и покормили. Дали им еду, какую лоси с оленями потребляют, жрут вроде. Заодно и раны им Вира обработала. Она по людям больше, но говорит, что все мы из мяса с костями сделанные... Пускай люди ваши отдохнут, поспят или по округе погуляют. Деревня у нас дружная, никто не задирается, только чтоб в лес ни ногой! Ворги до ночи не покажутся, да, не допусти боги, заплутае в диком лесу. Тут зверья зубастого помимо воров хватает!

– Ладно... разойтись на отдых – скомандовал Тэрий, принимая от Барга кружку с горячим и душистым напитком.

Барг сделал пару глотков и зажмурился от удовольствия. Затем, оглядев как односельчане расходятся по своим делам, обратился к Тэрию.

– С того момента, как твари эти в наших краях появились, предки наши дом свой бросать не пожелали. А домом своим мы считаем леса эти дикие. Не первый век великая охота идет – мы на них, они на нас. В итоге отрезаны мы этими бестиями от мира. Посему, рассказывайте юноша, каким к нам ветром занесло и почему теперь, а после будем думать, как нам помочь друг другу.

Капитан с трудом оторвался от кружки, в горячем отваре чувствовалась терпкость хмельного меда и привкус земляники. Он поблагодарил кивком Арна, который подлил ему в кружку чудесный напиток, и начал свой рассказ.

Первые упоминания о жутких волках пришли сотни лет назад с купцами. Ездившие на восточный край империи. Купцы слышали о них в городе Тернь от крестьян, приезжавших туда на торг. Называли они их воргам. Жуткие вещи рассказывали про этих зверей, и что не совладать с ними никак – одна надежда на соседей горбунов охотников из браконьерской деревни.

Значения этому не придали, списав на страшную байку. Да и крестьяне эти появляться вскоре на торге перестали. Но вскоре вспомнили, как эти твари в окрестностях появились.

Империя направляла в эти края охотников на хищников, да те не возвращались. А как народ с восточных городов побег, так начали солдат отправлять.

Толку от армии оказалось тоже мало, разве что докладывались вояки регулярно, а не пропадали без следа.

Днем в лесах найти никого не удавалось, а ночью, хоть отряд, хоть рота, гибли в лесу все до единого. Пробовали держать оборону в деревнях, да только, ни частоколы деревянные, ни копья солдат сдержат бестий ночью не могли.

В итоге армия начала оборонять города с их надежными стенами. Вот только города с разоренными поселками сразу начинали голодать и медленно вымирать.

Армейские генералы не знали как бороться с таким противником, и император подключил к этому имперскую академию магии.

Академия усилила подразделения боевыми магами. Но те, в скором времени, начали гибнуть, так как ворг, будто бы чуял от них угрозу, и нападали на них в первую очередь.

Со временем, с востока начали приходить новые стаи, сильнее, свирепее и умнее. Когда больше десятка крупных восточных городов превратились в города-призраки, всю могучую армию бросили на борьбу с лесными демонами. На восток перебросили почти все подразделения, кроме пограничных гарнизонов с западной границы с беспокойными соседями.

Император на уши поставил Академию Высших Сил, приказав магам все силы бросить на изведение воргов. Маги иногда истребляли живность в разных уголках государства. Иногда изводили саранчу, иногда змей ядовитых или грызунов вредных, когда их плодилось без меры. Маги изучали живность, а затем составляли заклинание, после которого, именно эти зверючки дошли почти все на десятки верст в округе. С воргам этого сделать не удавалось. Исследовать их почти не получалось, так как разрывали они своих раненных на мелкие кусочки. О поимке живого и речи не шло. А по обрывкам шкур да обломкам костей заклинание не составлялось. Пару раз маги пробовали, но лесные демоны еще яростнее и начинали нападать на подразделения, охранявшие магистров.

Академия выдвинула теорию о наличии места на востоке, откуда берутся эти ужасные животные и необходимости найти его и уничтожить.

Все императоры, вступавшие на трон, лелеяли идею отправить армию огнем и мечом расправиться с тварями, если надо спалить все леса на пути, но найти главное логово. И каждый раз имперские маги отговаривали правителя. Объясняя ему, что учитывая отсутствие знаний по расположению логова и количеству зубастых тварей на пути, он может просто скормить

им армию целиком, ведь ночью в чистом поле один ворг успевал порезать с десятков солдат, прежде чем его поднимают на копья или изрубят мечами. Необходимо найти точное место, что бы исключить катастрофические потери. Но они нащупать это место с использованием магии не в силах. Восточные окраины империи всегда считались таинственными даже для них – магия там либо не работала, либо меняла свои свойства.

В итоге по линии трех крупных восточных городов от северных ледяных пиков до южного моря возвели стену с гарнизонами и патрулями. Стена отсекла треть территории империи, как место зараженное чумой. Только чума эта когтистая, клыкастая и норовит перебраться через стену.

Стену патрулируют и охраняют по ночам солдаты и маги, отражая периодические набеги лесных демонов. Это обезопасило жителей, но на треть уменьшило размеры, а следовательно и силу империи.

К тому же, Императорская Академия Высших Сил доложила Императору, что звери становятся сильнее и опаснее, а значит наступит время, когда стена перестанет их сдерживать. Посему, для предотвращения гибели, и возврата земель Империи, воров необходимо извести.

Несколько раз на восток отправляли солдат, для разведки. Это были разведывательные роты, которые, продвигаясь на восток, отправляли каждый день почтовыми голубями отчеты о своем местоположении. Все они пропали. Судя по отчетам из последних точек, никому не удалось даже добраться до крайнего города Империи Терни.

В итоге была собрана эта группа, из семи магов и трех десятков солдат. Тэрий понимал, что возможно это билет в один конец, но ему было не впервой возвращаться с невыполнимых заданий. Поэтому, скорее всего, выбор пал на него и его людей. Четверо магов были боевыми, и трое натуралистов, понимающих в природных процессах и прочей непонятной простому солдату фигне.

Было пять бронированных повозок с баллистами на крышах, запряженные четверками тяжеловесных лошадей в броне. Были луки, копья и вера в успех. К вам добрались магистр воздушной стихии Лайн, маг огня мисс Миранда, молодой маг натуралист Ютий, одна повозка, четыре конячки, восемь солдат и собственно он.

– Четверо живы только благодаря вашей целительнице, магам думаю тоже не сладко без нее было бы. – проговорил капитан, допивая из кружки остатки отвара.

– Ведьма наша Вира? – ответил староста – это дааа... Девочку великим даром боги наградили! Оттого и бережем ее как зеницу ока.

– Странно, что ведьмой называете, она на злую колдунью не похожа.

– А это вы в городах кричите много, а думаете мало! – с ехидной улыбкой сказал Барг – ведьма потому, что ведает травами, как лечить и помогать ведает!

– Ясно. А как вы тут живете? Я когда тропу увидел – глазам не поверил!

– Я же говорил вам молодой человек... Уйти не захотели... А не пожрали потому, что сюда самые лихие и умелые охотники с империи собрались.

В это время, к столу подошел седовласый маг. Судя по всему, и старейшина и охотник с оранжевыми глазами, уже заранее знали о том, что он идет в их сторону, то ли по шуму, то ли по запаху. Потому что охотник даже глазом не повел, а старейшина сделал для него приглашающий жест «к столу», когда тот был еще шагах в десяти позади Барга.

– Я ничего не пропустил важного – сдержанно улыбнувшись, спросил магистр Лайн.

– Ну что вы, магистр. Мне кажется вы в курсе всего на свете, кроме пары пустяков – с ехидцей подцепил его старейшина – а вот мы здесь пару сотен лет упустили. Вот попросили капитана в двух словах не ударяясь в детали...

– В общих чертах, я как смог – помог. Очень хочу услышать как вы справлялись все это время с проклятыми тварями? Мы чем дальше двигались на восток, тем они становились крупнее и быстрее. Те ворги, от которых вы спасли нас вчера, были в два раза крупнее тех, что

обитаются возле заградительной стены. Даже не представляю, какой меткостью надо обладать, чтобы бить их из лука – они чудовищно быстры, а шкура как из металла!

– Ты плохо осматривался солдат... – впервые заговорил Арн, поднимаясь из-за стола и поправляя ремни – здесь кто промазал, тот домой не вернулся. А те малявки, что вас пригнали, как бы уже не ворги даже, в сравнении с местными.

– Мааа... мамалювкии! Такие малявки напали б на стену – пожрали бы уже все гарнизоны!

– Неужто здесь они еще здоровее? – спросил маг, теряя на глазах цвет лица.

– Ну есть такое... Обычно те, кого мы не постреляли, на запад уходят, а с востока посильнее после зимы прибегают. Почти всегда мало чем отличаются, малость только поздоровее. Но этой весной таки здоровые бестии пришли – прям как из двух одного слепленные. А шкуры, шкуры... не всюду луком бьется... зато сапоги с них сносу нет! Мы уж думали пожрут в конец, дак нет... Вон ентот вурдалак полуночник – и Барг кивнул на Арна, перешагивающего лавку – как с цепи сорвался и пострелял их всех почти к середине лета.

– Не придумывай – все помогли. Да и некогда мне с вами... чего хотел – услышал... мне еще хвоста серебряного живьем притащить надо. Ведьма просила, говорит Яд теперь по другому не придумать на них.

– В могилу ты меня утянуть удумал через нервы! Где ж это видано!? Ворга живым!

– Ждан с Пястом подсобят – будь спокоен. Да и изранил я его...

С этими словами Арн направился в сторону мастерских за, бог его знает чем, чтобы ловить живого демона.

– Я так понял, это и есть один из ваших ночных охотников?

– Да магистр. Вы на его резкость не сердчайте, мы люди лесные, дикие...

– Я не могу на него сердчать – отрезал Тэрий – все мы живы только за его счет.

– Как они в темноте видят? – поинтересовался седой маг – очередное зелье вашей кудесницы Виры?

– Подарок от мага из вашей Имперской Академии. Зачитал заклятие всей деревне, да хватило не всем... зато как с такими глазами родился, так на всю жизнь. Так что ночные охотники у нас после второго визита магов появились.

– А после первого? – спросил капитан.

– А после первого ворги появились...

Тэрий, будто получивший черенком копья по затылку, перевел ошарашено-вопросительный взгляд на магистра. Тот изо всех сил корчил такую же мину.

– Неча прошлое перемывать, о будущем думать надобно. Вы отдыхайте, да сил набирайтесь. Завтра будем думать, как дальше быть...

С этими словами старейшина поднялся и направился в сторону стены, по, одному ему ведомо, каким делам.

ГЛАВА 9

Кровавые метки, по которым шли три филина, скоро оборвался, раны воров закрываются очень быстро. Зато следов лап оставалось с избытком – подраненный ворг уже не мог делать длинные прыжки, путая следы. Да и яд, хоть и не убивал, но голову зверюке дурманил, и ворг по перецеплял половину кустов в лесу, оставляя сломанные ветки и клочки шерсти.

Шли очень аккуратно. Серебряный хвост тварь хитрая и опасная в любом состоянии. Поэтому всегда присматривали деревья, на которые можно будет вскарабкаться сходу, на случай засады.

Свою дичь филины нашли ближе к рассвету. Арн зашел вперед для проверки бурелома и вернулся почти сразу. Ворг залег в нагромождении бурелома и, явно, собрался пережить там день.

Дальше придется действовать рискованно, подранить зверя не удастся – бурелом надежно защищает его от дальнего выстрела. Играть с ним в скачки между бревнами, так проще уже самому себе ногу оттяпать и ему бросить...

– Ждем света? – спросил слегка запыхавшийся Ждан.

Арн злобно зыркнул на охотника.

– Я тебе ребра не поломал до сих пор, только потому, что ветер в морду дует. Ждан, я тебя раз в год к делу приспособливаю, но ты даже в этот день умудряешься лесного чесноку обожраться.

– Ну звеняйте, не догадался заранее, что ты мне дело придумаешь...

– Жопа у тебя в деревне к одному суку приросла, вот и голова не варит, брюхо аж расти начало. Пора тебя к Солоделову семейству пристроить, ведром махать.

– Тебя спросить забыли, куда меня пристраивать!

Рука Арна делает молниеносное короткое движение, и Ждан падает на спину, нелепо разбросав руки. Пару мгновений он барахтается на земле, заливая кровью из носа все вокруг. В конце концов водружает себя на дрожащие ноги и, зажимая нос, затравленно смотрит на Арна.

– Либо я тебя через мгновение уже не наблюдаю, либо я накормлю ту зубастую тварь в буреломе, бесполезной тварью, которая стоит предо мной.

Долго ждать не пришлось. Вскоре была видна только удаляющаяся спина охотника. Ждана конечно распирало сказать пару ласковых обидчику, но Арну, не просто так, запретили в кулачных боях тешиться. Ткнет кулаком чуть посильнее и о передних зубах можно забыть, а то и правда скормит, за ним станется.

– Управимся Арн?

– Ты сам знаешь, что от него толку мало, целит уже хуже поварихи. А нам рассвета ждать, чтобы ворг ослеп.

– И? Как никак третий лук.

– Ворг как ослепнет, носом видеть будет, а от него несет аж против ветра! Он ему руки ожошет, стрелу пустить не успеет.

– Как теперь?

– Кедр толстый видишь поверх бурелома?

– Ну...

– Ствол высоко, с одного прыжка не запрыгнуть ему с подраненными лапами. И, чуется мне, виден для выстрела он оттуда будет...

– Тогда ждем света и я пошел.

– Куда ты пошел дурила?! Лезь на дерево, вон с того выстрел чистый будет, а я с бревна поманю.

– Арн, богов побойся! Ты муху шибешь с такого расстояния, тебе и лезть. А я смажу еще, тебя сгублю... Стало быть, я и полезу!

– Ну ты мне зубы засранец не заговаривай, стреляешь ты с такого расстояния не хуже моего... А клыками часто махать приходилось?

– Неее... я копьём больше... – раздосадовано промямлил Пяст – сам же знаешь, что с клыками вашими, надобны ручищи как у медведя...

– Хорош воду в ступе толочь! Подходим к завалу и я наблюдаю тебя на дереве. И не вздумай пришибить по привычке, цель только лапы.

Убедившись, что ветер по прежнему в лицо, оба филина начали абсолютно бесшумно продвигаться к завалу. Арн сразу указал Пясту на дерево с хорошей позицией для стрельбы, и через пару мгновений он уже стоял на нужной ветке с наложенной на тетиву стрелой.

Арн еще раз осмотрел ствол поваленного бурей кедра, лежащего поверх завала. От самого комля оно уходит под крутым углом вверх, облокотившись кроной о другие деревья. В том месте, где залег серебряный хвост, оно уже на высоте в два роста над землей, и вору придется поскакать козликом, прежде чем он туда заберется. В лесу уже растаяла тьма, и зубастая бестия почти ослепла, но и бревна успело покрыть росой, так что о резких кульбитах на бревне и прыжках на соседние лучше забыть.

– Начали – произнес Арн, и как дикий кот побежал по бревну вверх.

Привязав обе веревки к бревну, он достал одну из специально подготовленных для этой ночи стрел. На месте наконечника красовался увесистый гладкий камень, по форме похожий на огромную каплю. Он выпустил ее сквозь ветки в сторону лежки вора, и тот, получив камнем по ребрам, понял, что прикинута шлангом уже не получится. Надо сказать, Арн не ожидал от подранка такой прыти, и надеялся успеть продырявить ему обе задние лапы. Вор же филейную часть подставлять не пожелал, а по бурелому вверх поскакал, как белка. Чертыхнувшись, он спустил тетиву только один раз, и стрела навывлет пробил твари переднюю лапу. За следующей тянуться к колчану было уже бесполезно и, закинув лук за спину, он выхватил оба клыка и встал поустойчивее.

Торчащая из передней лапы стрела и раны которые нанес филин раньше, всё-таки сделали свое дело. Зверь уже не мог двигаться настолько быстро, чтобы оставаться неуязвимым, и, когда он запрыгнул на бревно к Арну, в его задней лапе уже торчало два подарка от второго филина.

Арн, готовясь к молниеносной атаке, за несколько ударов сердца прокрутил все в голове. Он пробил правую лапу, значит полосонуть ворг постарается левой, а стало быть – он подбрасывает оба когтя в воздух, меняя их местами. Коготь с привязанной веревкой ложится в левую руку.

Пяст хоть и был самым молодым филином, но голова у парнишки работала хорошо. И, понимая куда лезет ворг, и, что повернется он к Арну, показав ему левый бок, он обе стрелы загнал в правую заднюю лапу. Сейчас он уже на бревне и готовится кинуться на свою жертву. Одна за одной стрелы молодого филина отправляются в цель. Теперь пара стрел торчат и из левой задней лапы зверя.

Поняв, что прыжка на жертву ему не сделать и за горло не ухватить, ворг привстал как медведь на слабеющих задних лапах и попытался полосонуть противника здоровой лапой, вложив в удар вес всей своей туши.

Арн качнулся вправо, повернув корпус и отведя левую руку для удара назад. Когтистая лапа со свистом пролетела в волоске от левого плеча. Левая филина выстрелила как пружина. Зверь взвизгнул от боли, чувствуя разрывающий последнюю целую лапу коготь. Он уже ничего не видит, и пытается зубами растерзать то место, где стоит запах страшного человека, но хватает зубами воздух, и тут же получает обратной стороной клыка по морде. От этого грозный зверь теряет равновесие и, не удержавшись на обмякших лапах, летит вниз.

Арн очень удачно рассчитал длину веревки. Ворг не мог встать из-за привязанного к стволу когтя, который держал его переднюю лапу поднятой в двух локтях над землей.

Еще несколько стрел пробили задние лапы. Он пытается встать, но не скулит от новой боли... ему уже не больно. Ворг перестает брыкаться и рычать, он лишь вяло ворочает лапами, будто пытается плыть в воздухе. Спустя несколько мгновений зверюга бездвижно сопит на траве, перемазанная кровью.

Арн выдыхает, руки предательски подрагивают. Не первый раз ему приходится сходиться с таким зверьем на коротке, и успел уже сам понять, что в скорости им не уступит... Но каждый раз, после такого боя, руки подрагивают, а мышцы зудят, будто бы каждую жилу щекотит изнутри. Он отвязывает веревку, привязанную одним концом к дереву, а другим за его пояс, и спускается вниз.

Арн с Пястом, стоя в 10ти шагах, мнутя с ноги на ногу. Пяст убегает. Возвращается с длинной сушеной и тянется к воргу. Арн накладывает стрелу и натягивает лук. После того, как хвостовик стрелы касается его щеки, Пяст начинает неистово теревить зверюгу. Реакции никакой.

Арн опускает лук и берется за веревку. Соорудив петлю-удавку, он начинает аккуратно по дуге подходить к бездвижному зверю. Подойдя почти вплотную он поворачивается к Пясту. Тот стоит затаив дыхание и свесив челюсть, повиснув на палке, которую упер толстым концом в землю.

– сссскотиина твоюж заногу... ты че хлебало повесил!!!! – прохрипел филин со страхом и злобой одновременно.

– Ой ёп, я это! Прости бога ради! Я уже!

И вот он уже стоит с натянутым луком, а кончик стрелы, как и глаза юного филина, прикованы к воргу. Причем проделано это было с такой скоростью и сноровкой, что Арн даже удивился, а длинная сушина так и осталась стоять рядом вертикально. Но недолго. Спустя мгновение, деревяшка вспомнила, что она больше не дерево и поспешила занять горизонтальное положение, угодив вторым концом воргу по морде.

Хищная тварюга даже не шевельнулась, а вот Арн пропал. Просто взял и исчез. Зато сзади кто-то стоял и дышал со свистом. Пяст обернулся и поймал самого большого леща в своей жизни. Даже сознание от радости потерял ненадолго.

Когда очнулся, Арн уже накинул удавку на морду зверя и теперь вязал шею, чтобы при попытке открыть пасть зверюга душила сама себя.

– Че это я? Палка упала и не помню!

– Я испугался. Я просто испугался, а ты сильно испугался и в обморок от этого брякнулся.

– А башка почему раскалывается!?

– От напрягу... не беси меня! Видишь занятие у меня нервное!? Тащи бревно, что б с ладонь и росту в два, не меньше...

На лапы также накинули удавки, а затем намертво примотали к бревну. После этого вязали уже основательно и без страха. Даже если очнется, то отскочить успеют, пока веревки рвать будет. Повязав ворга всеми веревками, что были, Арн достал маленький кувшинчик, что дала вира. Выдернув все стрелы, он залил все раны зверя липкой и густой жижей из горшочка, похожей на разогретую смолу, чтобы ворг не сдох от кровопотери.

Закончив, сели дух перевести:

– Арн, мы живого ворга изловили!

– Ну да, вот он лежит... я тоже заметил.

– Да ну нет же, ты пойми... Мы взяли живого ворга! Такого никто никогда не делал!

Мы герой!

– Думаешь?

– Конечно!

– Ну ты прав, наверное, подранка то по крови найти не каждый сдюжит... Найти его отравленного еще малость; лапы прошибить в два лука; сонным снадобьем наконечники помазать; с бревна задурманенного сбросить; спеленать, опять же, сонного. Тут уметь надо! Еще и смотреть, чтоб сам себя не пожрал – стаи то нету!

– Да ну ладно тебе... дело то всё-таки неслыханное – уныло пробубнил Пяст, понимая к чему клонит его напарник.

– А неча грудь колесом пялить. Стрел тебе специальных кто наделал? Мазь на стрелы сонную кто сварганил? Жратву тебе кто делал, чтоб у тебя сил до сюда хватило?

– Да я уж понял...

– То то и оно, понял он. Без одного куска, целого не будет! Я вон, клыком махнул и усе. Ты стрельнул, и тоже усе... А старик с ведьмой целый вечер горбатились. Так что... Не ну сожрать то их не могли! А нас могли, но така работа.

– Я понял. В деревне без выпендрежа. У меня, кажись, шишак растет от обморока...

– Второй хошь для красоты, а то торчит с одной стороны, я ровно сделаю... Чтоб ведьме зазря мазь значится не раскупоривать по мелочи.

Арн нехорошо улыбнулся и хрустнул костяшками, сжав свой огромный кулачище.

– Нененене! Тут и мазать нечего! Уже чешется – знать спадает!

– Дохлебывай чай уже и потащили.

Арн, забрал у него бурдюк с зельем Виры, сделал большой глоток и, повесив бурдюк на пояс, взялся за край бревна.

С самого рассвета второго дня Тэрий гулял по деревне. Он старался досконально изучить все, что помогло этим людям выжить среди лесов, наполненных хищными монстрами. Капитан понимал, что в оборонительных сооружениях эти лесные люди понимают мало и тактику обороны от лесных чудовищ ему на блюдечке не преподнесут. Следовательно, как опытный воин, он сам должен разглядеть нужные приемы защиты и применить их на обороне защитной стены, где, несмотря на все укрепления, ворги продолжают собирать свой кровавый урожай сладкого человеческого мяса.

Компанию ему составляли двое – Корст и юный маг Ютий. Корста было удержать невозможно, хотя он своей хромотой и тормозил перемещения по деревне. Но, после того, как ведьма-целительница выдала ему костыль и разрешила разрабатывать ногу, для восполнения мышц, его было не остановить ничем, кроме обеда.

Магов Тэрий недолюбливал, но рыжий парнишка был крайне полезен. Он как ходячий справочник, сразу растолковывал, как что сделано и по какому принципу работает. Даже, если не понимал сразу, то ему достаточно было прикоснуться к предмету и прислушаться, к чему то только ему понятному, и он уже знал больше остальных. Стоило замешательству появиться на лице капитана при разглядывании чего либо, как он сразу выдавал из чего сделано, откуда взялось и как это применять.

Хотя, как что работает, капитан имперских пехотинцев, представлял неплохо – оно все убивало. И это в корне меняло его представление о крепостях и оборонительных сооружениях.

Обычные люди под обороной и защитой подразумевают не подпустить врага близко и строят стены, копают рвы и усиливают ворота. Вообще делают все, чтобы по возможности избежать драки.

Здесьние люди, похоже, слово компромисс не знают в принципе. Раз враг пришел он должен сдохнуть! Все, что видел Тэрий подчинялось правилу: «лучшая защита – это нападение».

Здесь не было стен, не было ровов, но зато каждый защитный элемент был оружием.

Каждое дерево в дубраве, где располагались домики, имело защитное кольцо из направленных вниз и в стороны острейших шипов, странной формы, загнутых как когти хищной

птицы. Перелезть такое кажется нереальной задачей, разгрызть шипы тоже вряд ли легкое занятие.

– Они сделаны из ребер воров, как и их луки – произнес Ютий, разглядывая вблизи одно из таких колец – А вон те штуки из клыков и прочих костей.

Тэрий перевел взгляд на странные копыя, закрепленные на каждом дереве для защитников. Копье, если его можно так назвать, было длиной в два с половиной роста, как раз доставать с мостков до зверя за кольцом. Костяной наконечник был всего с ладонь, зато покрыт чем-то зеленым, скорее всего ядом. Необычно было то, что от наконечника древко на два локтя в длину было покрыто шипами разной длины. В бою такая конструкция бесполезна, а вот супротив зверя, который может ухватить пастью древко, самое то. Он сам помнит, как лихо ворги измочаливали своими чудовищными пастьями копыя его солдат. Да и выдернуть копые не получится, все копыя привязаны за конец древка к мосткам, а вот петель под кисть нет, чтоб звери не сдергивали людей с мостков.

Во многих местах, между домами висят сети из толстенных веревок. Ячейка крупная, сапог пройдет со свистом, за то через каждые три ячейки вплетен увесистый булыжник с голову размером.

– Под такую сетку если угодить, либо камнем зашибет, либо придавит как кит камбалу, уж точно не до охоты будет...

– И не говори Корст, хотя ловить на разведение они явно никого не собираются. Глянь, везде колчаны понатыканы, десятка по три в каждом и, держу пари, с узкими наконечниками намазанными тем же ядом, что и копыя.

– Яд очень сильный, я чувствую это даже отсюда – вставил свою ремарку Ютий – хотя госпожа Вира и говорила, что яд перестает на них действовать...

– Госпожа!? – ехидно уставились на него Корст с Тэрием.

– У меня язык не поворачивается ее ведьмой называть, она настоящий маг целитель, а по уставу академии... Просто никто не видит ее способностей и силы...

– Да не тужся, мне ваша магическая субординация не интересна. Мне сейчас дико любопытно – где они столько костей лесных чудовищ добыли, кладбище их нашли что ли?

– У воров могила в желудках стай, вы же сами видели, и поди не раз, господин капитан.

– Так. Ютий! Можно поменьше официальщины в разговоре?! Ты не в столице, ты в лесу. Давай мы с Корстом строевым шагом ходить будем, как по плацу, тебе нормально рядом ходить будет?

– Ммммм... Нет наверное гос... эээ капитан Тэрий.

– Во. Теперь, когда мы не на официальном приеме, выбираешь одно из этих слов и ура! К Тэрию еще мамка приучила, к капитану тоже привык, к следующему званию тагматара еще быстрее привыкну, если доживу.

– Я понял... а про кости – их ночной охотник перебил несколько целых стай за это лето. Так они все к делу и пристроили – с материалом у них здесь тяжело.

– Дааа, ближайший рынок далековато, это точно. Хотя руда здесь водится, и кузня есть у них. Метал стало быть пользуют, но мало...

– Метал не весь хорош гос... ой, капитан Тэрий.

– Тфу на тебя, зови как хочешь уже, тебя учить, похоже, ток-ма портить!

– Спасибо господин Тэрий – просиял паренек.

– Думаешь стали рецепт не знают – не дал уйти разговору в сторону этикета Корст.

– рецепт у них гномий, вы в армии такую сталь запечённым булатом зовете, насколько мне известно. Вроде как цените, но сами не пользуетесь...

– Потому, как один клинок по цене сотни копий встает, вот и не пользуем, потому как не имеем. А они мол имеют и не пользуют толком? Это ж бред!

– Раньше у них соседи были. Рудокопы, толи гномы, то ли в родстве. В общем, осело тут пару кузнецов у них в деревне, с приходом воров. Детальки делают по хозяйству, ну и для луков штифты всякие, а оружие из кости предпочитают.

– Дичь какая, иметь гномий булат и пользоваться костяшки. Все равно, что я на войну с дубиной вместо меча пойду! – прыснул Корст.

– Чуется мне дружище, не все так просто, здесь просто так ничего не делается. Сам видишь с какими соседями живут. Вот и наш юный всезнающий маг из под мантии что-то выковырять пытается. Спер походу, как вы говорите... «образец». Сейчас будет тебе пояснение.

– Ничего я не пер. Они нас спасли всех, я бы даже ради науки не посмел!

– Да кажи уже! Хватит в карманах путаться.

– Вот он. Я на свой сменял. Помните мой нож из черной бронзы.

– Помним, под колбасу который удобный, режет и отваливает.

Тэрий с Корстом переглянулись как две ехидные гиены. Оба знали как бесятся маги при изумерстве над их инструментами...

– Колбасный... саблями своими колбасу рубайте! Это же высокоточный инструмент!

Надо сказать, что ножи магов исследователей природных сил, к которым относился Ютий, стояли баснословных денег. Им нельзя было использовать стали, по их словам железо меняет свойства образцов, примешивает окислы. А говоря проще и понятно – херят растеня волшебные, те кто их неправильным ножом срезает. Но острота им нужна, как у бритвы, поэтому делали им ножи из черной бронзы, или колдовской стали, как называл ее простой люд. Такой металл почти не уступал оружейным сталям по прочности, но не ржавел от влаги и не требовал ухода.

Нож был прямой, с лезвием в полторы ладони, серповидной формы с заточкой по внутренней стороне, и чем то вроде прямой стамески вместо острого носа. Заточку делали только с одной стороны, вторая сторона и спуск, заполировывали до состояния зеркала. Для образцов и травок наверное удобно, а колбасу резать прям как под нее придумывался.

– Вот, смотрите – и Ютий выудил, наконец, из кожаных ножен, подвешенных под мантией, такой клинок, только на три пальца длиннее и светлого цвета.

Лезвие сделано из цельной кости, рукоять из оленьего рога и маленькая гарда, из той самой гномьей стали.

– Красивая работа, но тебе за твой ничего не намылят? А, меняло?

– Ну как сменял, господин капитан. Я попросил и свой предложил, за заготовку хотьбы. Сам мол сделаю... Он сказал с утра зайти и мой забрал, а утром вот. Я пришел, а он мне готовый клинок в уже ножнах и мой старый тоже, сказал на фиг сдался он ему...

– Какой купчина в тебе пропал парень! А ножик хорош! – приговаривал Корст, взяв нож из рук Ютия – заточить толком костяшку не удастся конечно как сталь...

С этими словами он провел пальцем по лезвию, и тут же запихнул порезанный палец себе в рот.

– Да он как бритва, побери его Чернобог!!!

И Корст сунул его рукоятью в ладонь капитану, протянувшему руку.

– Тонкая работа, на коже полировали поди... проверим?

С этими словами капитан выхватил нож из сапога. Корст перехватил взгляд мага, который толком не разглядел этого движения, а только подивился вынырнувшему из ниоткуда клинку. Старый ветеран хихикнул про себя, шутки шутками, а когда их командир в таверне так по разбойничьи выхватывал нож из за голенища, для разделки курицы, уже настроившиеся помахать кулаками местные, резко теряли к ним интерес.

– Хорошо, мне самому интересно, только не посреди лезвия пожалуйста.

– Небоись, я у самой гарды... у меня не гномья сталь конечно, но добрый булат столичных мастеров как никак.

Терий прислонил клинки лезвиями и надавил на обухи ножей.

– А ты прав парень, кость то хороша, поди и попрочнее твоей колдовской бронзы. Вон скол малюсенький и не видать почти... Ах тыж, мать моя казарма! Корст, глянь...

И капитан сунул своему боевому товарищу под нос лезвие своего засапожного ножа. На лезвие была явно различима зарубка от костяного клинка.

– Неслабые косточки командир! Я уж пальцем прочуял... У них почти у всех копы с такими наконечниками. Я уже тут разбираться поманьясь начал. А вот у старших бригад и у опытных клювцы костяные.

– Они их клыками называют – вставил Ютий.

– Да, видел я у того здорового филина, что нас встречал, такие клювцы на бедрах висят.

– О гляньте. Один из ночных охотников возвращается, ну те, которые живьем ушли зверюгу ловить – озвучил Корст и заторопился в сторону сборища охотников со старостой во главе, встречающих филина.

Пока приближались, филин активно жестикулировал и махал в сторону леса, явно высказывал свое недовольство и ожидая поддержки. Подошли они в момент, когда разговор стал тяжелым. Они замедлили ход, понимая, что это не для их ушей, но густой голос старосты был слышен и здесь.

– И ты знать решил, а нажрусь ка я хмельного, до дрожи в руках, чтоб пользы от меня, как от говна крысячего!? А потом подумал еще и чесноку дикого нажраться, чтоб вас снюхали сразу и пожрали всех!? А теперь жалишься знать, что обидели, справедливости хочешь!?

Шаг вперед сделал один из охотников, чуть ниже ростом Барга, но широкоплечий как тур:

– Дозволь старейшина, насыпем ему правды с ребятами?

– А насыпьте мальчики, только кости сберегите... кажись забыл брат наш, по что кус мяса с ним делим, да греем и одеваем почто...

Филин, которого, как помнил Тэрий, звали Ждан, хотел что то возразить, но получил кулак под дых и опустился на колени. Подняв злой взгляд, горе-филин обнаружил себя в кольце из шестерых охотников. Один из них грубо толкнул его ногой в плечо, и Ждан завалился набок. Мужики почти приступили к воспитанию нерадивого собрата, как тот решил огрызнуться:

– Ну тогда и я для воспитания в смену свою пропущу вора на мостки, пушай по хаткам то пошарит, раз вы так заговорили!

Мужики от удивления все шагнули назад, кто на шаг, а кто на два. Вид у них был, будто перед ними куча потрохов вперемешку с навозом с неба упала. Все молча перевели взгляд на старосту.

Барг долго и протяжно присвистнул, затем опустил глаза к земле и тяжело вздохнул. Спустя мгновение он поднял свой взгляд, уже твердый как гранит и полный решимости. Староста кивнул одному из охотников, стоявшему за спиной Ждана, тот достал с поясных ножен костяной клинок.

До Ждана начал доходить смысл того что он ляпнул, и на его лице проступила мертвецкая белизна. Он открыл, было рот, но за спиной звонко щелкнуло. Это лопнула перерезанная тетива его лука, висевшего сзади.

– Братцы! Братцы! Да яж так, с обиды... Ну не подумавши яяя!!! Да я никогда бы...

– Заткнись. – голос Барга прозвучал безразлично и спокойно, от того еще страшнее и обрекающее – Кто-ж тебе гаду теперь доверит жизни деточек своих родных, да жинок любимых...

Один из охотников взял его лук и бросил на землю прямо перед ним. Ждан, понимая к чему дело идет, хотел ухватить лук или накрыть его своим телом, но не успел... Один из охотников ударил каблуком в место крепления рычага к плечу и сломал его. Из глаз Ждана брыз-

нули слезы, он зарыдал как ребенок, умоляя их остановиться и пытаясь выхватить его, однако получил удар ногой в лицо – сострадания никто проявлять не собирался. Его палачи быстро доломали второй рычаг лука, после этого Ждан успел выхватить рукоять и прижал к груди. Пока прижимал к себе остатки лука как любимую игрушку, охотники, ловко орудуя ножами, срезали с него рюкзак, колчан и все ремни утяжки. Покромсав его снаряжение, они бросили это кучей перед ним. Каждый из участников смачно плюнул на остатки изрезанного обмундирования, после чего они молча ушли в сторону домиков.

Терий понял – насколько прагматичными и расчетливыми надо быть в этом мире, мире лесных тварей и суровых ловчих, как часто называли охотников в столице. Их собрат потерял самое важное – доверие, и, не раздумывая, они избавились от человека, на которого не могут положиться. Конечно не убив его, здесь живут люди а не звери, но ночным охотником ему уже не быть. Об этом ясно говорит срезанное снаряжение. Они не просто сняли, а, именно уничтожили все, что было сделано и подогнано именно для него и именно для охоты. Этим ему дали понять бесповоротность их решения и неотвратимость наказания.

До него дошел главный смысл живучести этого племени. Дело не в шипах и копьях, не в конструкциях и материалах, все скрыто в педантичности, идеальной выверенности и продуманности каждого шага, каждого слова и даже каждого стежка на одежде лесных людей. Хочешь выжить – думай на пять шагов вперед.

Старейшина подошел к Ждану и навис над ним как грозовая туча, сулящая только неприятности. Уже бывший охотник оторвал взгляд от кучи своих изрезанных ремней, рюкзака и прочего снаряжения и посмотрел на него.

– Барг... Я... Я никогда...

– Никогда больше не будешь филином ежели веру не вернешь!

– Я сделаю! Я согласен. Скажи, что надо!?

– Работать надо... может через пару зим лук доверят, а может через пяток. Или дело по душе найдешь, сам не захочешь. А про стрельбу из головы выкинь!

– Я стрелять могу, следопытить... я могу... я только охотник...

– Видишь ты плохо днем, руки у тебя... не ремесленник ты короче. На шкуры иди или к Солоделу в помощь. Вечером скажешь, а завтра начнешь. Не нравится, тогда ступай в лес, живи сам! А сейчас уйди с глаз от греха.

По окончании разговора старейшина молча направился к капитану и его спутникам.

– Здравы будьте войны и ты, юный маг. Вы уж извините нас, за сцену гнусную пред вами, да уж получилось так. Без строгости у нас никак.

– Мы люди военные уважаемый Барг, дисциплину чтим, ваше решение достойным считаем. Да и не с руки нам гостям вас, радушных хозяев, судить да свой уклад навязывать.

– Я думал вы его убить хотите... – полупшепотом произнес бесхитростный Ютий.

– Хочу юный маг, и те охотники хотели. Как представляю, что страж ночной стрелу с тетивы снимает и смотрит, как тварь лютая семьи с женщинами да детками малыми режет... Так вот и оторвал бы башку подлецу, что только мысль таку в голову пустил. Но мы не звери господин маг, надо жить по людским законам, вот и живем...

– Пора нам о грядущем что-нибудь порешать уважаемый старейшина. – увел разговор в нужное русло Тэрий.

– Ваша правда капитан, ваша правда. И магистр Лайн тоже мне намекает, что пора мозгами пораскинуть, да порешать, как планировали, сегодня по утру.

– Мы боимся злоупотребить вашим гостеприимством.

– Так, юноша! – моментально взъерепенился Барг – мы договорились, что языками узоры не вышиваем. Мы лесные да дикие, а вы войны а не цацы дворцовые. Обожрать нас вы пузом не вышли, мяса ужо на две зимы хлопцы набили! А стеснять, так вас вроде не в бабью раздевалку поселили!

– Я понял господин Барг, по свойски, дык по свойски. Докладываю: руки трясутся, жопа зудит, приключений требует. Это раз. Жрем тут и спим нахаляву – непривычно нам. Это, стало быть, два. Ну и мы обвешались своим, нам без этого как без штанов... Вы не против?

– То что ножами своими да саблями увесились, это хорошо, так красившее, а нам не обидно. Девкам нашим я смотрю любо на вас парадных таких смотреть. Глядишь и кроушку поразбавите, а то застоялась в племени. Жрите в три горла с чистой совестью – вы нам тоже на пользу, мы не пни трухлявые, понимаем – сами не сдюжим вечно стоять супротив воров. Про зуд забудь пока. Люди твои не все силу набрали. От виры больного забрать, пока она сама не отпустит – проще у подземных богов умерших назад вызволить.

– Уже полегче, но без плана оно не оно...

– Это понимаю, да без Арна решать не охота, а этот паскудец за воргом в лес убег... Совсем старика не слушает, все по своему!

– Он вроде голоса всех охотников?

– Я не знаю как вам объяснить, он вроде вожака стаи у этих охломонов, он куда, они за ним. Да и про повадки бестий этих лесных, лучше него не сыскать никого.

– Уважают за мастерство?

– Верят ему больше чем себе. Жизней за ним спасенных с полдеревни будя... вот и весь разговор, у кого жинку, у кого дитятку с лесу вернул, а кому свою шкуру из пасти почти вынул...

– Тут вы добродушный хозяин, вам и решать.

– Да припрется уж к обеду на запах жратвы, куда он денется! – довольно оскалился улыбка староста. – так что вечером будет вам военный совет господин Тэрий.

– Как скажите. Может мы какую пользу пока принесем?

– Давно пора молодые люди! Вы тех кто целехонек, да кого Вира погулять пустит, к мастеровым отправьте. Им мерки надо поснимать с руки да по росту.

– Мерки с наших ребят?

– Кроме господ магов разумеется. Им то копьями махать не пристало. А вашим солдатам надобно оружие подготовить.

– Надо признать, пару копий нам действительно не хватает, те бестии грызут их как солону.

– Молодой человек, не знаю как ваши тыкалки называются, но супротив зверя, они непригодны, так что копий у вас, считай, нет вообще! Поэтому не затягивайте, работы много. Распоряжение я отдал, ремесленники наши вас ждут. Но это опосля завтрака, так что заканчивайте потихоньку прогулку и милости прошу к столу.

На завтраке, как обычно, присутствовала большая часть деревни. Староста Барг загнал на завтрак даже господ магов. Для них и капитана с его людьми выделили отдельный стол, но на лицах господ магов читалась легкое недовольство. Офицерское общество Тэрия они еще воспринимали, но есть с солдатней всегда брезговали, даже в походе. Старейшина же делил всех по принципу люди и не люди, так что свои важные чины господам магам пришлось сунуть себе под мантию.

Больше всех воротила свой носик Миранда, отгородившись от всех своими коллегами, а точнее затесавшись между магистром Лайном и Ютием. Несмотря на отсутствие полированных столешниц и белоснежного фарфора, содержимое тарелок перегружалось ложкой в Миранду не медленнее чем у солдат Тэрия. Свежий воздух и крепкий сон всегда являлись лучшими друзьями здорового аппетита. К тому же вкусно поесть эти лесные здоровяки любили и поварахи старались во всю. Поэтому, ехидно поглядывающий на магов, Тэрий был уверен, что господа маги вряд ли трескали с таким удовольствием своих лебедей да морских крабов на имперских приемах, как местную простую, но удивительно вкусную снесь.

Сегодня на столах перед ними появились миски со сладковатым запахом грибного рагу. Это были белые грибы вперемежку с какими-то лесными клубнями, по-видимому заменявшим местным картофелем. Большую часть этой немалой мисочки занимала нарезанная кубиками тушеная лосятина и густой мясной соус.

Тэрия удивил горячий напиток, обладавший очень терпким, но приятным вкусом. Ютий озвучил всем, что он зовется цикорием, заваренным каким-то травяным отваром и что века назад, до появления купцов привезших кофе, его для бодрости пивали по всей империи. Корст после трапезы, в обход всех норм дипломатии, добрался до старейшины с ультиматумом, что никуда отсюда не поедет, пока ему пальцем в нужный куст не ткнут и как его запаривать для такого напитка не покажут.

Старейшина оказался коварным старым сводником, который подsunул Корсту молодую пышущую здоровьем деваху. Мол, вот тебе солдатик девица, которая за травкой нужной на луг отведет, да как готовить покажет. Но ты девицу не обижай, она уж пол года как овдовевшая и ни заступится ни приголубит некому.

Девица хоть и была в талии как юная березка, но ростом была малость повыше Корста. И осмотрев его, как кошка крынку со сметаной, сунула ему мешок для трав и утащила после завтрака в неизвестном направлении.

Тэрий же направился с оставшимся личным составом к избушке ведьмы. И перед тем, как получить на поруки двух своих солдат, остававшихся на лечении у лекарки, вынужден был выслушать целую лекцию.

– Никаких нагрузок или пробежек, спокойная прогулка. И не вздумайте махать копьями или железками своими, к лукам чтоб не прикасались. Первый еще слаб, послезавтра будет годен хоть в поход хоть на охоту. Илту, чтоб в руку ничего, тяжелее ложки не попадало. Гляди капитан, здоровье его на тебе – за кружкой потянется, смотри чтоб здоровой рукой цапнул. Я вечером пошепчу над рукой его и утром может хоть колоды таскать, а сегодня ни-ни!

– Не сомневайтесь госпожа Вира, сделаю как скажите. Я вам безмерно обязан и ваши наказания нарушать и в мыслях нет.

– Ох и горазд ты капитан словами сыпать, поди забыл, что в глухомани? Ладно, ступайте уже, но чтоб после обеда эти двое сидели у меня по лавкам!

Тэрию простота местных очень нравилась, он вообще ценил и уважал простых и бесхитростных людей. Поэтому грубоватая лекарка вызвала у него чувство симпатии как и староста деревни. Да и судя по тому, что он слышал, перечить здешней целительнице плохая примета – зубы прямо рядом с избушкой всем поселком пересчитывать будут. Поэтому, как сказано, прогулочным шагом в сторону мастерских, кузни и рабочих навесов.

Подход к изготовлению чего либо, у местных оказался куда серьезнее чем у столичных оружейников. Отсутствие многих материалов они с лихвой компенсировали чательностью подхода к каждой мелочи. Все деревянные рукояти и древки оружия делались исключительно из комля дерева, высушенного не менее пары лет. Пики, шипы и лезвия из костей вытачивались с гранями и долами для придания прочности и отполировывались до блеска. Капитану достаточно было ухватить в руки один из готовых клювцов, которые местные называли клыками, как он ощутил чувство невероятной надежности этого оружия. И что удивило его еще больше, так это великолепная балансировка, при правильном хвате орудовать таким клыком без усталости можно гораздо дольше чем его клинками.

Копья, которые местные оружейники собрались вооружить его отряд, сильно отличались от тех, что Тэрий видел привязанными на мостках. Как ему объяснили, те копия защитные, с дерева скинуть, подранить, а эти для дела будут.

Само острие длиннее и заточено трехгранником. Шипы на древке тоже есть, но они не торчат в разные стороны, а стоят в ряд на длину полтора локтя, образуя две противостоящих друг другу пики из острейших костяных шипов в ладонь длиной. Мастерские заве-

рили, что сработают все исключительно из кости ворга и оружие сносу не будет, ежели торопить не станем и пару дней на изготовление положим.

Тэрий поблагодарил мастеров, подумав про себя, что за такие алебарды для своего отряда готов в яме неделю просидеть безвылазно.

С доспехами капитан воспротивился. Все его люди были в отличных нагрудниках из бычьей кожи с нашитыми бляхами имперской армейской мануфактуры, шлемах и щитках для защиты голени и предплечий.

В уголке мастерской аккуратно и не торопясь один из оружейников пропитывал нити пчелиным воском, для работы по коже. Он ехидно хмыкнул себе под нос и, поднявшись, подошел к солдатам. Узловатым и жилистым как корешок дерева пальцем он ткнул в грудь солдату, стоявшему в нагруднике, а потом, так же жестом, потребовал его снять.

Тэрий, не любил ставить эксперименты на казенном обмундировании, но как никак, а он тут на положении гостя. Да и старичок вряд ли сильно попортит нагрудник из толстой, пропитанной воском кожи.

Мастер взял нагрудник, повесил его на выструганный из цельного ствола манекен для доспехов и взял один из недавно законченных клыков. Ухватив его обратным хватом, он резким движением с подворотом корпуса полосонул между бляхами горизонтально земле, имитируя удар лапы ворга.

На последствия никто поначалу внимания не обратил, все были удивлены неожиданной проворности уже порядком отяжелевшего оружейника. Но видя довольную ухмылку на его лице, перевели взгляд на кожаный панцирь. Стоило острому лезвию клыка зацепиться за гладкую поверхность кожи, как он сразу, подобно плугу в земле, зарылся почти на всю глубину лезвия и, разворачивая гранями края разреза в стороны, распорол нагрудник от бока до бока.

Тэрий как раз пытался разобраться, что ему неприятнее – потеря очередной единицы амуниции или то, что придется встретиться с тварями у которых таких когтей на лапе четыре, а удар еще пошибче. В этот момент мастер и протянул ему клык, вежливо подав рукояткой вперед. Только тут капитан заметил, что на манекен уже надета заготовка жилетки из шкуры ворга, которую поголовно носят все местные охотники. Желание изрубить что-нибудь в мелкие куски как раз давно рвалось у него наружу, и, поблагодарив мастера кивком, он отвел в сторону предложенную рукоять, а затем демонстративно положил руки на эфесы своих клинков. Ничуть не расстроившись, пожилой мастер освободил капитану место, дав ему пространство для богатырского замаха.

Тэрий не заставил себя долго ждать. Первый клинок вылетел с левого бока и без замаха полосонул по диагонали снизу вверх на развороте. Обернувшись вокруг своей оси, он сразу нанес сильный рубящий горизонтальный удар правым клинком и тут же опять полосонул левым, уже сверху вниз, перпендикулярно первому удару. Затем последовала еще одна серия менее быстрых, но более размашистых и сильных рубящих ударов, после чего оба клинка вернулись в ножны.

Наблюдавшие со стороны местные замерли в восторге, а один из мастеровых захолопал в ладоши.

– Красиво бьёшься воин, вижу ратник ты достойный – с возросшим уважением в голосе произнес хозяин мастерской.

– Только безрезультатно, как я погляжу – недовольно произнес капитан.

Жилетка, которая должна на лоскуты разваливаться, почему то висела целая на манекене. Тэрий даже ощупал места, по которым пришлись удары, но обнаружил только вмятины на дереве под шкурой.

– Заколдованная она у вас что ли?! – произнес он со злобой, толи на непробиваемых зверюг, то ли на себя.

– Нам воин без надобности, демоны лесные шкуру имеют такую, что лучше брони не сыскать. Особо кстати против рубящих или режущих всяких орудий. Мы ж тут тоже не шишкой сосновой деланы... Ты глянь, кто с чем на зверя ходит. Копья, клыки да луки, чтоб стало быть кольнуть сильно, а иначе этих бестий не взять. Шкура у них прочная, да и шерсть как пенька, не режется ничем. Так что не артачься капитан, с нас не убудет, а твои люди целее будут, ежели под лапу попадут зверюкам.

– Мне как командиру жизни солдат на первом месте, да и осталась нас горстка, посему почту за честь принять вашу помощь мастер.

Оружейник расплылся в улыбке, а затем оперативно вооружился мерным ремешком и взял в оборот весь личный состав приведенный капитаном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.